

Санкт-Петербург

АРХИТЕКТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 2
2017

АРХИТЕКТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 2

Санкт-Петербург
2017

ББК 85.11
УДК 72.03

Архитектурный альманах. Выпуск 2 / СПбГАСУ
А87 СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «НП-Принт», 2017. — 184 с. ил.

Этот выпуск альманаха содержит материалы, связанные с юбилеем СПбГАСУ. Общую характеристику современному состоянию Университета дал во вступительном слове ректор Е. И. Рыбнов, а краткий обзор этапов пройденного пути — главный редактор альманаха. Популярной темой многих статей выпуска является творчество и жизненный путь известных выпускников и профессоров вуза. Среди них — Н. Ф. Хомуцкий, В. И. Пилявский, Л. М. Хидекель, Б. Г. Костыгов, Л. П. Шишко, И. С. Китнер, А. Агабеков.

Статьи расположены в хронологическом порядке, в соответствии с этапами истории СПбГАСУ.

ISBN 978-5-901724-26-2

© Коллектив авторов, 2017
© Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет, 2017
© НП «Международная Гильдия Мастеров», 2017

*Посвящается
185-летию Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета*

Училище гражданских инженеров (УГИ)	1832–1842
Строительное училище (СУ)	1842–1882
Институт гражданских инженеров (ИГИ)	1882–1923
Петроградский институт гражданских инженеров (ПИГИ)	1923–1924
Ленинградский институт гражданских инженеров (ЛИГИ)	1924–1930
Ленинградский институт коммунального строительства (ЛИКС)	1930–1931
Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (ЛИИКС)	1931–1941
Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ)	1941–1992
Санкт-Петербургский инженерно-строительный институт (СПБИСИ)	1992–1993
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (СПбГАСУ)	1993–н. в.

СЛОВО РЕКТОРА

Юбилейные даты всегда побуждают оценить пройденный путь и подвести промежуточные итоги. Оглядываясь назад, видишь, как рос и расширялся вуз, как изменялись программы дисциплин, открывались новые специальности, росло количество студентов и преподавателей, как рос авторитет вуза и обновлялись, становились современными его интерьеры. Новое время требует новых подходов во всем — от учебных программ и компьютерного обеспечения до оборудования и испытательных стендов.

Современная Россия становится частью международного рынка образовательных услуг, а это существенно корректирует требования к подготовке выпускников. Меняется содержание образования, меняются и возможности трудоустройства специалистов, что предполагает адекватный уровень знаний и умений выпускников. В этой связи устойчивой практикой становится выезд наших студентов в другие страны, где у них есть возможность близкого знакомства с многообразием форм и приемов современной архитектуры и современного строительства.

Большое значение для практического имиджа Университета имеет информирование общественности о результатах научной, исследовательской и педагогической деятельности его сотрудников. Этому способствуют наши издания — рецензируемый и вошедший в список ВАК РФ научный журнал «Вестник гражданских инженеров», электронный научный журнал на английском языке «Architecture and Engineering», журнал «Вода и экология», вошедший в международную базу цитирования «Scopus», ежегодник «Архитектурный альманах», распространяемый по профильным библиотекам и организациям. Популярны «внутренние» издания — журнал «Мастер' ОК» и газета «За строительные кадры».

Впереди нас ждут новые вызовы времени, и хочется верить, что Университет найдет для них достойные ответы.

Поздравляю всех выпускников, профессоров, преподавателей, студентов, аспирантов, магистрантов и сотрудников СПбГАСУ с юбилеем нашего вуза!

Ректор

Е. И. Рыбнов

Санкт-Петербургский
государственный
архитектурно-строительный
университет
Архитектурный факультет
Кафедра истории и теории
архитектуры

**АРХИТЕКТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
ВЫПУСК 2**

Санкт-Петербург, 2017

Адрес редколлегии:
190005, Санкт-Петербург,
2-я Красноармейская, 4.
Оф. 706А
Тел. (812) 575-05-51
e-mail: ahistory@mail.ru

Главный редактор:
тел. +7 921 951 62 04
e-mail: z-svetozar@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Слово ректора	5
<i>Светозар Заварихин</i> 185 лет: шаг за шагом	9
<i>Милена Золотарева</i> Выпускник Строительного училища Петр Сальмонович.....	22
<i>Ольга Кефала</i> Архитектурные диалоги	34
<i>Мария Гранстрем, Светозар Заварихин</i> Дом Мурузи — достопримечательность Петербурга	46
<i>Милена Золотарева</i> Гражданский инженер Лев Петрович Шишко	56
<i>Юрий Никитин</i> Международная выставка в исполнении выпускников ИГИ.....	69
<i>Светозар Заварихин</i> Николай Федорович Хомуцкий	79

<i>Светозар Заварихин</i> Из плеяды пионеров.....	95
<i>Ирина Иванова</i> Выпускники ЛИИКС — Кыргызстану 1930—1970-х годов	113
<i>Светозар Заварихин</i> Владимир Иванович Пилявский	124
<i>Леонид Лавров</i> Архитектурный факультет. Конец 1950-х	131
<i>Николай Федотов</i> Вспоминая наставников.....	142
<i>Светозар Заварихин</i> Александр Агабеков	157
<i>Светозар Заварихин</i> Борис Костыгов	167
<i>Светозар Заварихин</i> Многотиражка как зеркало многогранной жизни ЛИСИ	176

Редакционная коллегия:

С. Заварихин
(Санкт-Петербург) —
главный редактор
А. Гельфонд
(Нижний Новгород)
М. Гранстрем
(Санкт-Петербург) —
ответственный редактор
В. Жуков (Санкт-Петербург)
М. Золотарева
(Санкт-Петербург) —
заместитель главного редактора
Ю. Курбатов (Санкт-Петербург)
Н. Крадин (Хабаровск)
В. Мостович (Санкт-Петербург)
О. Явейн (Москва)
Ю. Янковская (Екатеринбург)
Научный редактор —
С. Семенцов

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ: ШАГ ЗА ШАГОМ

27 апреля (9 мая) 1832 года в российской столице было основано Училище гражданских инженеров (УГИ). Это знаменательное для страны событие было вызвано острой необходимостью в специалистах, умеющих проектировать и строить дороги (прежде всего), а также разнообразные здания и сооружения. Новому учебному заведению передали трехэтажное каменное здание на углу Царскосельского (Московского) проспекта и улицы 3-й Роты Измайловского полка, в котором ранее размещалась упраздненная Военно-строительная школа. Директором училища был назначен участник Отечественной войны 1812 года генерал-майор Федор Андреевич Козен. Первые учебные программы и пособия готовили приглашенные им профессора Института корпуса инженеров путей сообщения П. П. Мельников, Я. А. Севастьянов и Н. Ф. Ястржембский. Так начиналась история вуза-юбиляра.

Император
Николай IЗдание Училища
гражданских
инженеров
1890

В 1836 году состоялся первый выпуск специалистов — 11 гражданских инженеров. Но по существу это были дорожные мастера с очень скромной архитектурной

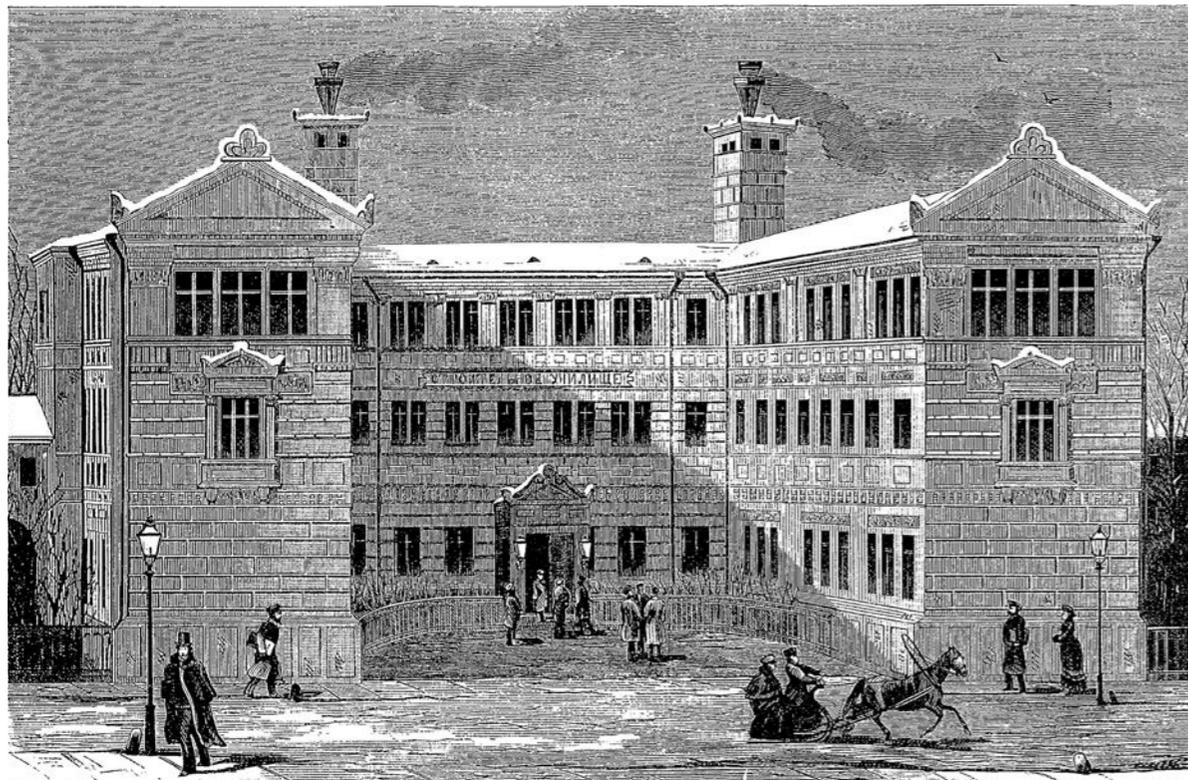
подготовкой, что не соответствовало потребности государства в квалифицированных кадрах на должности губернских, уездных и городских архитекторов. Не удовлетворяло эту потребность и созданное в 1841 году при Академии художеств Архитекторское училище, так как в нем практически отсутствовала инженерно-строительная подготовка. Поэтому вполне естественным было предложение Главного Управления Путей Сообщения и Публичных Зданий объединить Архитекторское училище с УГИ. Предложение было Высочайше одобрено, и **17 декабря 1842 года Николай I подписал указ об образовании Строительного училища.**

Преобразованное училище разместилось в том же здании бывшего УГИ на Царском-сельском проспекте, хотя общее количество воспитанников увеличилось до 150 человек. Поступавшие должны были, кроме прочего, владеть немецким и французским языками, знать древнюю историю, географию, иметь навыки в рисовании и черчении. Училище было закрытым (по типу военных), с шестилетним (позже пятилетним) сроком обучения и 12-балльной системой оценок. Выпускникам присваивалось звание архитекторских помощников X, XII или XIV классов (в зависимости от успеваемости). Был введен нагрудный знак воспитанника Строительного училища.

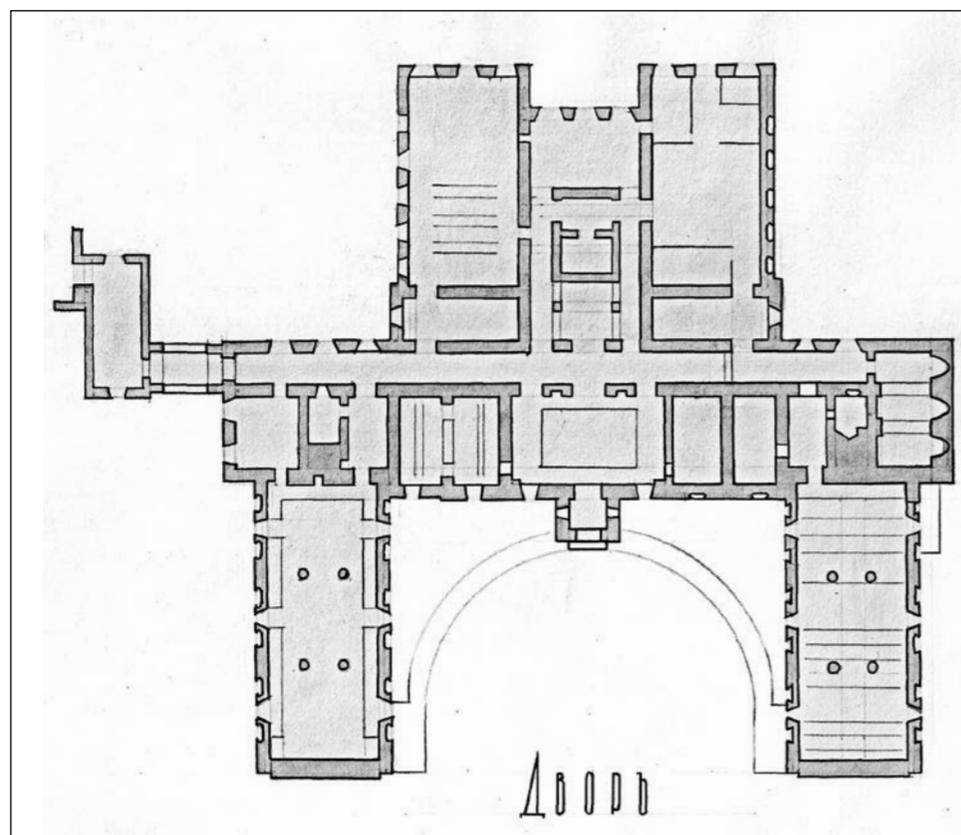
В 1865 году, на волне демократических реформ, Строительное училище было передано в систему МВД. Министерство ввело форму для учащихся, отменило вступительные экзамены по рисунку и черчению и ввело стипендии. Появилось также новое звание инженер-архитектора, которое присваивалось тем, кто заканчивал училище с отличием. Для них в 1867 году был утвержден особый серебряный знак, который представлял собой увенчанный короной лавровый венок с расположенными внутри двумя славянскими буквами ИА.

В 1873 году директором Строительного училища стал его выпускник 1846 года, известный

Император
Александр IIСеребряный знак
для инженер-
архитекторовПрофессор
Р. Б. Бернгард

Здание
Института
гражданских
инженеров (ИГИ)
1890

Здание ИГИ.
План 1-го этажа

Вид на здание Института
гражданских инженеров.
1890

зодчий, профессор Р. Б. Бернгард. Он разработал новое Положение об Училище, которое было утверждено Александром II. С момента вступления Положения в силу, а именно 1 августа 1877 года, Строительное училище было приравнено к высшим учебным заведениям, таким как Институт инженеров путей сообщения и Горный институт. В связи с этим учреждались шесть профессорских кафедр для трех дисциплин: «Гражданская

Барельефы на фасаде здания ИГИ

*Император
Александр III*

архитектура», «Строительное искусство» и «Строительная механика». В 1878 году был учрежден Знак гражданского инженера. Дипломы в этом году получили 17 человек (при приеме 23).

В течение последующих пяти лет новый статус Училища как высшего учебного заведения не был отражен в его названии. Но подготовка к этому шла: в 1881 году началось строительство нового трехэтажного корпуса по проекту директора Р. Б. Бернгарда и преподавателя, академика архитектуры И. С. Китнера. Главный фасад здания с курдонером, обращенный на улицу 2-й Роты, был выполнен в модном тогда неогреческом стиле. К концу 1882 года строительные работы были завершены.

10 декабря 1882 года указом Александра III Строительное училище было переименовано в Институт гражданских инженеров. Через неделю, не дожидаясь полного завершения отделочных работ, новый корпус был освящен.

*Д. Д. Соколов
Н. В. Султанов*

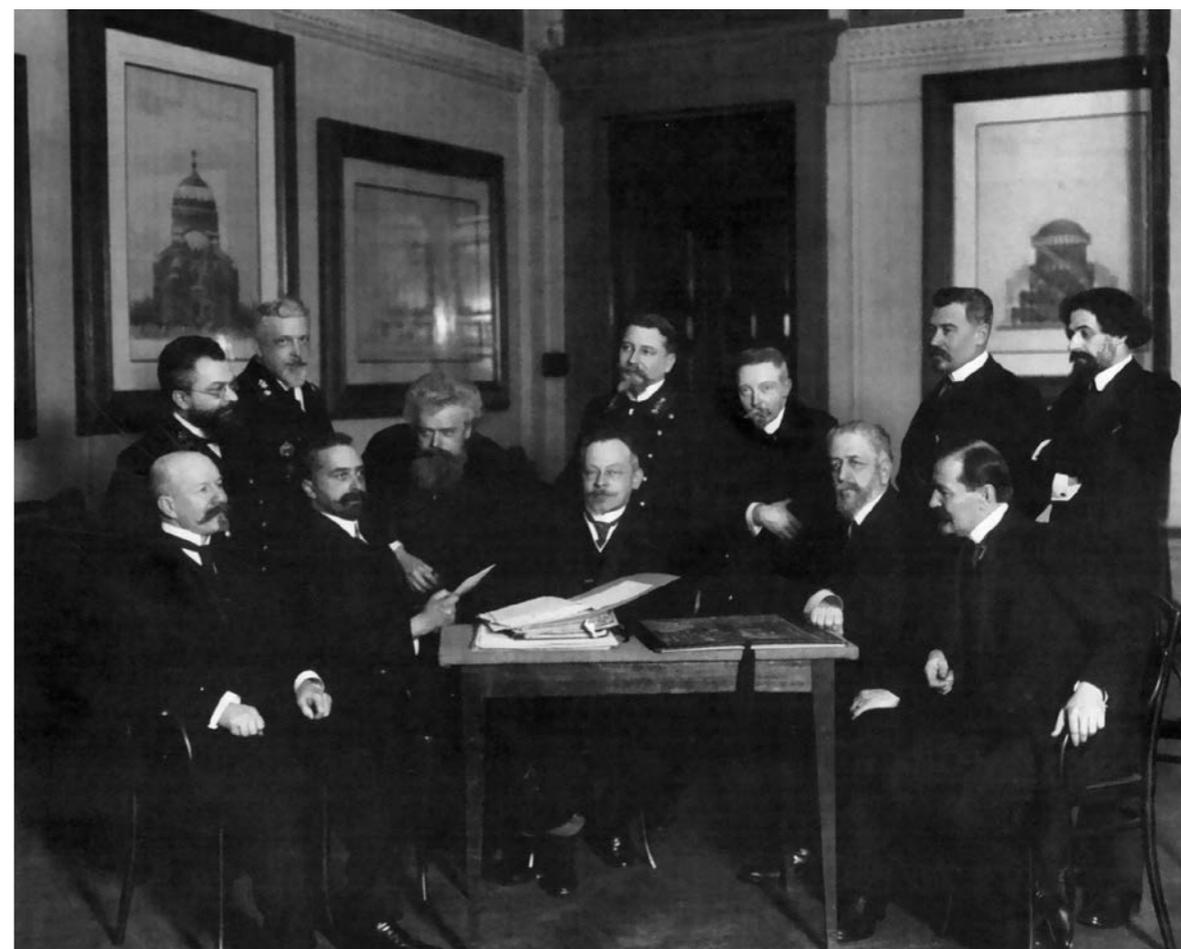
В 1886 году диплом гражданского инженера получили 42 человека. В этом же году директором стал выпускник СУ, инженер-архитектор Д. Д. Соколов. При нем в 1888 году было введено звание «заслуженный профессор», а в 1892 году, в связи с 50-летием Строительного училища институт получил «прибавление» к своему названию — «**имени Императора Николая I-го**».

В 1896 году на должность директора института был назначен выпускник СУ, известный зодчий и ученый Н. В. Султанов.

Вас. А. Косяков

*Профессора
Института
гражданских
инженеров.
В центре ректор
Вас. А. Косяков
и бывший ректор
В. В. Эвальд
1906*

Знак об окончании
ИГИ

За восемь лет работы он создал три учебника по истории архитектуры, опубликовал книгу «Теория архитектурных форм» и сделал перевод знаменитой книги о зодчестве Виолле ле Дюка. В конце 1890-х годов был утвержден новый знак об окончании ИГИ.

Революционные события 1905 года привели к отмене системы назначенных директоров. Первым избранным директором стал выпускник ИГИ, автор

Учебно-административный корпус

крупных храмов (в том числе Военно-морского собора в Кронштадте) Вас. А. Косяков. Полтора десятилетия (вплоть до своей смерти в 1921 году) он руководил институтом в трудных условиях политической нестабильности, революционных и военных невзгод. Столь же нестабильным был и учебный процесс.

В последующее десятилетие институтом последовательно руководили профессора Б. К. Правдзик, Г. П. Перидерий и А. И. Дитрих. Вплоть до 1927 года удавалось сохранять прежнюю автономию высшей школы и традиционную тематику проектов (храмы, доходные дома и пр.). Даже иконы висели на стенах. Подобная автономия закончилась, когда в преддверии первой пятилетки был взят курс на ускоренную подготовку строителей. Начался новый период экспериментов в учебном процессе. В институт тогда без экзаменов была зачислена большая группа людей старше 30 лет, прошедших некоторую начальную подготовку в строительной сфере.

В 1930 году был проведен первый массовый прием студентов — 660 человек. Общее число учащихся при этом почти утроилось. Поэтому началось строительство пятиэтажного корпуса на 3-й Красноармейской по проекту преподавателей архитектуры Л. М. Хидекеля и К. И. Дергунова (строительство будет закончено лишь в 1935).

В 1931 году вышел первый номер двухполосной многотиражной газеты «На стройке». Через три года институт получил право проведения защит кандидатских диссертаций (по всем специальностям), а еще через два года — докторских диссертаций. В 1939-м состоялась первая научная конференция профессорско-преподавательского состава. С тех пор конференции стали ежегодными.

В последний перед войной учебный год на четырех факультетах работали 22 кафедры. Занятия вели 29 профессоров, 66 доцентов и старших преподавателей, 70 ассистентов, 29 преподавателей. Количество студентов достигало 345 человек (помимо рабфака и Училища художественной отделки зданий). Защиты дипломов начались в первые дни войны, а в марте 1942 года прошла эвакуация института.

Здание, в котором в 1960-е – 1970-е гг. размещался архитектурный факультет

Преподаватели архитектурного факультета ЛИСИ. 1977

*Студенческий
строительный
отряд ЛИСИ*

В городе остались охранять его имущество лишь 15 сотрудников. Но почти сразу после прорыва блокады вуз вернулся в Ленинград, и в октябре 1943 года начались занятия на архитектурном, строительном и сантехническом факультетах. В январе 1944 года общее количество студентов составило 300 человек. Через три года в институте было уже 33 кафедры, а количество студентов превысило тысячу человек.

*Фрагмент фасада
архитектурного
корпуса*

К началу 1948 года все восстановительные работы в институте были завершены. С этого года руководить вузом вновь (после А. Дитриха) стал архитектор — Н. Ф. Хомуцкий. В 1950-х годах для архитектурного факультета (переименованного в 1958 году в градостроительный) было построено здание в переулке Бойцова. В 1955 году было вновь разрешено открыть при ЛИСИ докторантуру по архитектурным и строительным специальностям. В 1956 году организованы первые студенческие строительные отряды.

В период с 1968 по 1974 год ректором ЛИСИ был кандидат архитектуры Н. А. Яковлев. При нем завершилось строительство здания строительного факультета по 3-й Красноармейской ул. Осенью 1979 года (при ректоре В. П. Ильине) был сдан корпус архитектурного факультета по 2-й Красноармейской и на ул. Егорова.

Время перестройки (при ректоре Г. Н. Шоршневе) отмечено изменением многих привычных основ деятельности ЛИСИ. В непредсказуемо-драматичные 1990-е годы, когда высшая школа была на грани выживания, ректором был избран профессор Ю. П. Панибратов, который сумел сохранить вуз в «рабочем состоянии», сохранить костяк профессорско-преподавательского коллектива и научной школы.

Сложные задачи, связанные с перестройкой высшей школы,

с переходом на трехуровневую систему обучения пришлось решать вузу при ректоре профессоре Е. И. Рыбнове, избранном в 2005 году. Соответственно реализовывались программы компьютерного обеспечения учебной и научно-исследовательской работы, а также программы обновления интерьерных пространств вуза, приведения их

в соответствие с международными стандартами.

Процесс обновления всех ступеней и условий жизнедеятельности вуза-юбилера продолжается. Впереди новые горизонты.

С. П. ЗАВАРИХИН,
*профессор кафедры истории
и теории архитектуры*

Вход

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ

«За строительные кадры», 10 мая 1972 г.

Мы познакомились с ним, когда ему не было еще и 130.

Принял он нас, первокурсников, будущих архитекторов спокойно, без излишней суеты, может быть, даже строго — парадный вход был наглухо заколочен (действительно, зачем ссамого начала баловать?!), вестибюль затенен и полутемен, актовый зал со скрипучими стульями и плюшевым занавесом напоминал зрительный зал провинциального клуба. В бесконечных коридорах, как в катакомбах, задумчиво бродили мы, отыскивая нужные аудитории.

Мы, конечно, не преминули воспользоваться всем этим, как оселком, на котором можно было оттачивать ставший уже студенческим юмор. Но удивительное дело — до сих пор осталась в памяти какая-то теплота наших тогдашних шуток, теплота, конечно, внутренняя, ибо студент не должен быть сентиментален. Это каждый понимал и потому напускал на себя сколько мог холоду и старался поглубже натянуть маску снисходительности.

Но глаза! Они безнадежно выдавали радость юного, совсем юного человека, которого мудрый 130-летний патриарх

признал своим и принял как равного, без снисходительности, деловито и сдержанно.

И потому, наверное, мы как само собой разумеющееся восприняли те опыты, которые тогда назывались сближением высшей школы с жизнью. Наиболее распространенным и впечатляющим было обучение первокурсников дневного факультета по системе вечернего. Целый учебный год мы с утра надевали резиновые сапоги и ехали... кто через весь город строить чудо-район Автово, кто поближе — возводить чудо-общежитие на Фонтанке. Вечером бегом бежали на факультет и трясушимися от усталости руками, темными от въевшегося мазута и цементной пыли, натягивали на подрамники белоснежный ватман и делали отмывку изящнейшей коринфской капители.

Но зато общежитие возвели в срок, и Польский садик стал важным узлом миграционных студенческих потоков Фонтанка — главное здание. Каждый раз, когда студент-архитектор выходил на Фонтанку и делал крюк до ближайшего моста, в голове его возникал проект легкого висячего моста, сокращавшего путь на добрых

четыре минуты. Иногда на лекциях проект этот как-то сам собой рисовался на полях конспекта. Лектор что-то говорил о неопределенных интегралах, а воздушный мостик мысленно уже превращался в подвесную канатную дорогу непрерывного действия. Голубые вагончики на голубых канатах входили прямо на четвертый этаж общежития. В окнах мелькали головы в одинаковых форменных «лисийских» шапочках. На другом конце канатной дороги возвышалось Главное Здание — тридцатиэтажный небоскреб благородных пропорций с красивым, опалового цвета остеклением и мраморной облицовкой стен. Внизу по земле бегали-бегали студенты с рулонами подмышками и тоже в одинаковых шапочках.

На небоскребе надпись: «Высшая учебная фирма ЛИСИ».

...Как быстро бежит время! Вот уже и лекция кончилась, и не только лекция, а оказывается десять лет прошло, и теперь уже ЛИСИ 140-летний. Не вырос он до небоскреба, не сверкает мраморной белизной, но послушайте, как выровнялся, каким чеканно-напряженным стал его жизненный ритм, как смело увеличивает он нагрузку на свои плечи и при этом шагает в ногу с современностью, даже обгоняя ее. Посмотрите, как обновились и даже стали модными его интерьеры! Он постоянно улучшается, совершенствуется и, опрокидывая все привычные представления, практически доказывает относительность времени: чем старше, тем ближе к молодости и расцвету.

СВЕТОЗАР ЗАВАРИХИН,
выпускник 1966 года

УДК 349.442:72.03:721.01» 185/189»

Милена Владимировна Золотарева,
канд. архитектуры, доцент
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: goldmile@yandex.ru

Milena Zolotareva,
PhD in architecture, Associate Professor
(Saint Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering)
E-mail: goldmile@yandex.ru

ВЫПУСКНИК СТРОИТЕЛЬНОГО УЧИЛИЩА ПЕТР САЛЬМОНОВИЧ

GRADUATE OF THE CONSTRUCTION SCHOOL PETR SALMONOVICH

Статья посвящена творчеству талантливого гражданского инженера П. О. Сальмоновича, автора комплекса Варшавского вокзала в Санкт-Петербурге. Как инженер-архитектор, преподаватель-пропагандист всего передового в области строительной практики и городского благоустройства, он стоял у истоков развития российской инженерно-строительной науки, подъем которой пришелся на вторую половину XIX века.

Ключевые слова: архитектура, строительство, Варшавский вокзал, инженерное искусство.

The article is devoted to the creativity of the talented civil engineer P. O. Salmanovich, the author of the Warsaw railway station complex in St. Petersburg. As an engineer-architect, a lecturer-propagandist of all advanced in the field of construction practice, and urban improvement, he stood at the roots of the development of Russian engineering and construction science, the rise of which came in the second half of the XIX century.

Keywords: architecture, construction, Warsaw railway station, engineering art.

Петр Онуфриевич Сальмонович родился в 1833 году, получил домашнее образование и в 1848-м поступил в учебное заведение закрытого типа, которое официально называлось Строительным училищем Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Располагалось оно на Царскосельском (Московском) проспекте. Руководил им тогда бывший директор Училища гражданских инженеров Ф. К. Притвиц. Поступающие должны были знать катехизис и священную историю Ветхого завета, уметь читать и писать по-русски, немецки и французски, знать четыре правила арифметики, древнюю историю, географию Европы, иметь навыки в рисовании и черчении. Для Петра Сальмоновича, способного и хорошо подготовленного дома, вступительные испытания не показались сложными. Как, впрочем, и все пять лет обучения, которые он закончил в числе лучших учеников. Ему было присвоено звание архитекторского помощника, а его имя занесено на мраморную Доску почета.

Сразу после окончания училища Сальмонович поступил на работу в созданное годом раньше Управление СПб-Варшавской железной дороги. Тогда уже завершалось строительство Варшавского вокзала на набережной Обводного канала, и молодого специалиста

определили делопроизводителем работ при постройке этого станционного здания. Работал он под началом главного архитектора дороги (и автора вокзала) Ксаверия Алоизовича Скаржинского.

1 ноября 1853 года вокзал был торжественно открыт. Это было здание с протяженным дебаркадером для захода всего состава, но его главный (северный) фасад напоминал фасад усадьбы, в центре которой — дом с мезонином. Об общественном назначении сооружения напоминала лишь арочная входная лоджия.

Строительство Санкт-Петербургской Варшавской железной дороги имело большое экономическое значение. В 1851 году было открыто движение по Петербурго-Московской железной дороге, а к 1856 году была практически достроена Варшаво-Венская железная дорога, протянувшаяся от Варшавы до австрийской границы. Таким

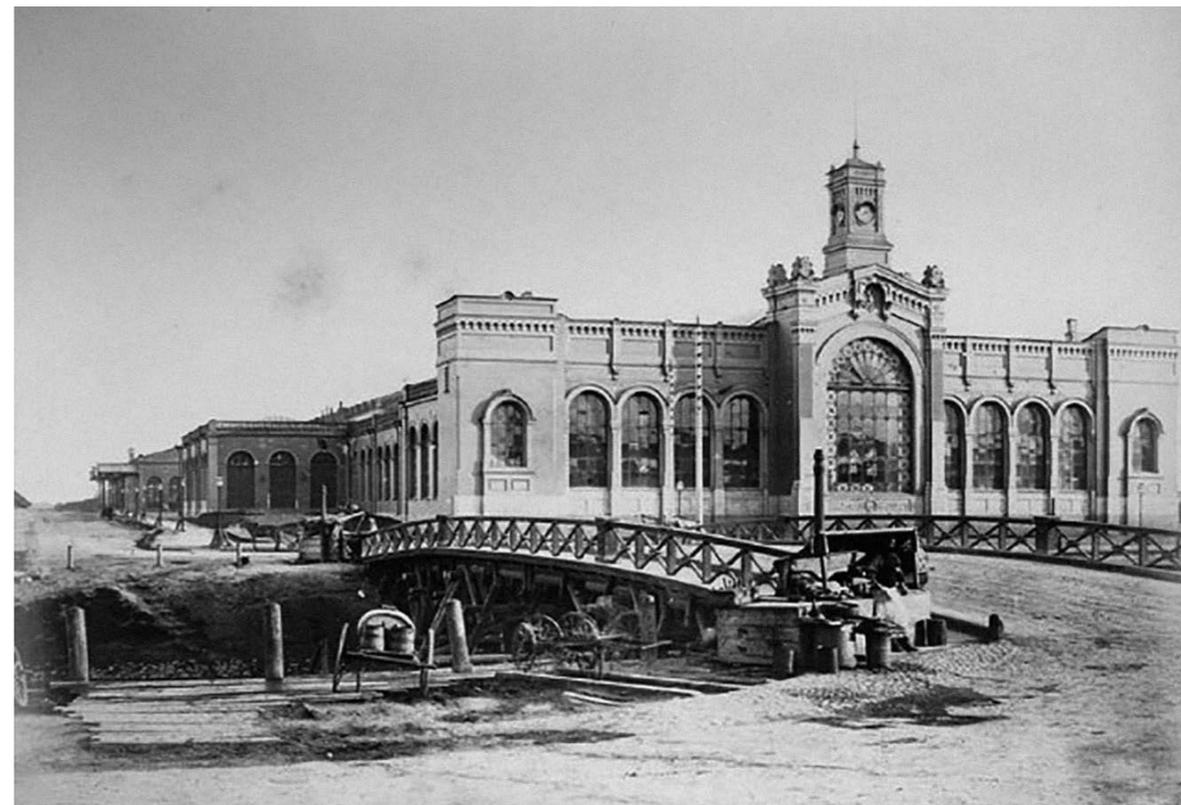
*Первое здание
Варшавского
вокзала*

образом, центральные районы Российской империи получали надежную связь с европейскими странами. Это привело к повышению нагрузки на Варшавский вокзал, который не был к этому готов, так как в то время еще не существовало норм и даже рекомендаций по сооружению такого рода объектов.

Назрела необходимость решительной реконструкции вокзала. Но вести эти работы по-прежнему из казны государство уже не могло из-за Крымской войны (1853–1855). Неудачи в этой войне свели в могилу Николая I, а новый император, Александр II, в 1857 году одобрил продажу права на

завершение строительства железной дороги и реконструкцию Варшавского вокзала вновь созданному Главному обществу Российских железных дорог. В 1857 году в этом Обществе Петр Сальмонович получил должность архитектора при специальном директоре дороги Пуаре. На следующий год он представил проект реконструкции вокзала, а также строительства депо на 14 паровозов, бани и двух каменных жилых дома для служащих Общества.

В ходе строительства возникали противоречия между администрацией дороги и П. П. Мельниковым, будущим министром путей сообщения,

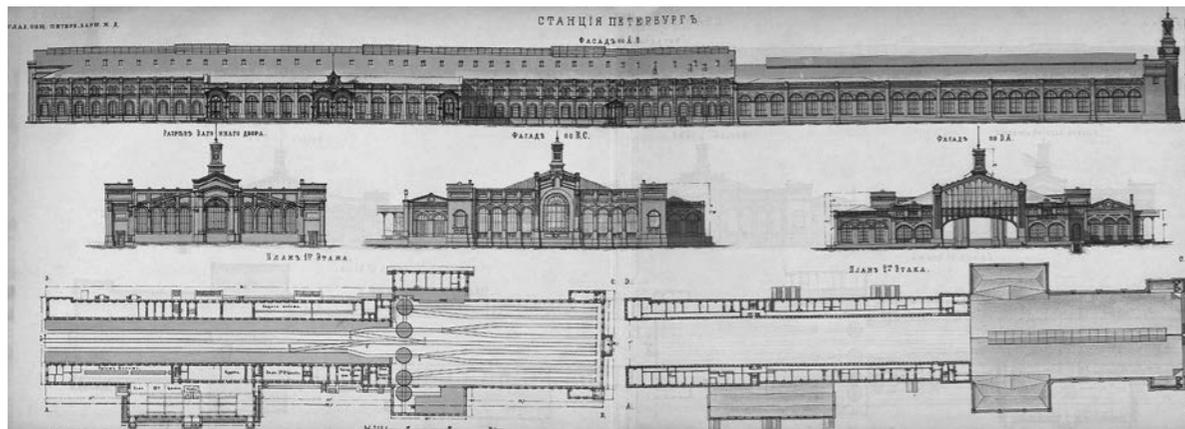
*Варшавский
вокзал в 1860-х гг.
На переднем
плане — мост
через Обводный
канал*

а в то время инспектором и членом Комитета железных дорог. Мельников возражал против размещения поворотных кругов внутри здания (наши вагоны были длиннее европейских) и против ширины колеи, равной европейской. Удалось отстоять только российскую ширину колеи, равную 1524 мм, чтобы затруднить неприятелю, в случае войны, быструю переброску войск и вооружения в Россию. Проект был утвержден 7 августа 1858 года.

Для решения технических задач к проекту были привлечены инженеры А. С. Мерецкой и француз Ю. Фляша. Пять поворотных кругов располагались

в непосредственной близости к платформам и могли одновременно обслуживать десять поездов, пригородных и дальнего следования. Пространство дебаркадера между двумя параллельными корпусами было перекрыто треугольными фермами, поддерживаемыми остекленную крышу над тремя платформами. Административное здание выходило своим фасадом на Обводный канал и замыкало Измайловский проспект.

Архитектурное решение главного фасада оригинально и не имеет аналогов ни в каком стилистическом направлении. Лишь большие арочные окна отдаленно напоминают ренессансные

Проект Варшавского вокзала

Варшавский вокзал. Фрагмент южного фасада

аркады. Учитывая возможность обзора здания с дальнего расстояния, зодчий сделал фасад максимально пластичным за счет центрального и боковых ризалитов. Но камерный масштаб традиционной часовой башни не соответствует крупному масштабу центрального ризалита с большим витражом.

Строительство вокзала было полностью завершено в 1861 году. В этом же году П. Сальмоновичу было присвоено звание «инженер-архитектор» и он начал преподавать в Институте инженеров путей сообщения. 15 декабря следующего года состоялось полное открытие магистрали. Она прошла через Лугу, Псков, Динабург, Вильно, Белосток. На этих и других станциях Санкт-Петербург-Варшавского направления Сальмонович проектировал станционные объекты. Все они решались в одной стилистике.

Постепенно Сальмонович все больше времени начинает

отдавать науке и преподавательской деятельности. В 1864 году он начал преподавать архитектуру в Строительном училище, а двумя годами позже — в Институте горных инженеров. Начиная с 1870-х годов, росло значение Строительного училища как высшей строительной-архитектурной школы. Сальмонович был одним из преподавателей, занимавшихся созданием и чтением лекционных курсов по новым дисциплинам. Поражает разнообразие тем, отражающих его научный и практический интерес. Перу П. О. Сальмоновича принадлежат сочинения и переводы о современных конструктивных системах, сопротивлении материалов, расчетах конструкций.

В Управлении Петербург-Варшавской железной дороги

Сальмонович прослужил в различных званиях. В 1870 году он был направлен «с ученой целью» для исследования расположения станций железных дорог и внутреннего устройства мастерских.

В 1877-м Сальмоновича назначают преподавателем по специальному законоведению. В 1883 году он издал «Курс специального законоведения» — конспект лекций, который он читал в Институте гражданских инженеров. Они включали в себя весь спектр знаний, которыми должен был владеть архитектор-практик в области права. В этот же период Сальмонович активно выступает на страницах профессиональных периодических изданий («Зодчий», «Неделя строителя», «Искусство и художественная

Вокзал в Луге

Вокзал во Пскове

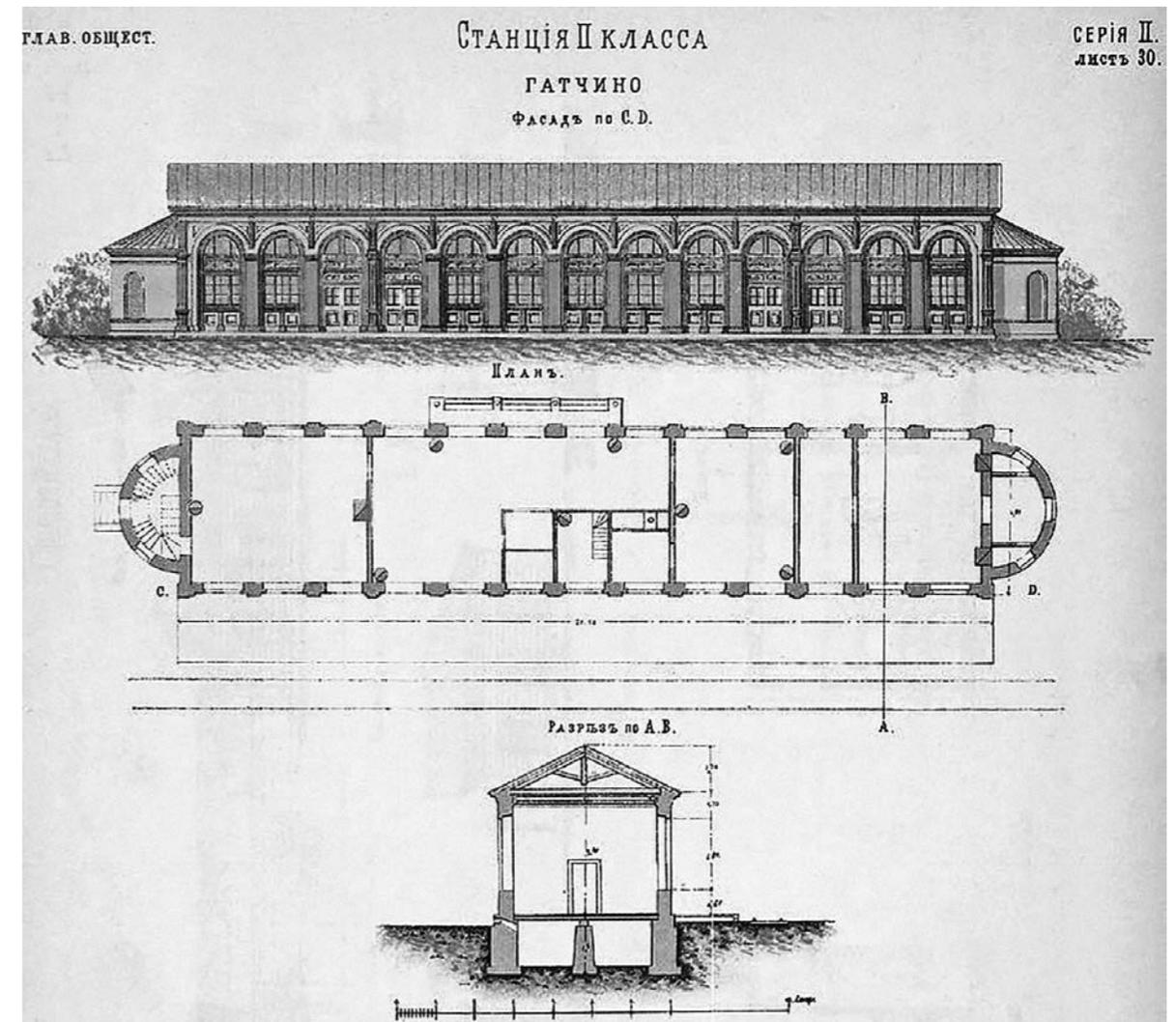

Вокзал в Динабурге

промышленность» и др.). В его статьях поднимаются вопросы пожарной безопасности, санитарной гигиены крупных городов, их благоустройства, освещаются вопросы юридических оснований архитектурной практики. Одна из работ касалась нормирования толщины стен в жилых постройках. Предлагалось установить норматив 15 вершков (т. е. более 1 метра). По этому поводу

автор писал: «Строительная практика обладает средствами

Вокзал в Гатчине

Вокзал в Вержболово

Вокзал в Белостоке

при рациональном устройстве и надлежащем отоплении достигнуть теплосбережения строений при толщине кирпичных стен в 12 вершков (0,5 м)».

Уже перед смертью, в мае 1898 года, Сальмонович был удостоен ордена Святого Станислава

I степени. Скончался Петр Онуфриевич 9 июня 1898 года. В некрологе, опубликованном в журнале «Строитель», наряду с его профессиональными заслугами отмечалось, что «в общественной и служебной жизни П. О. Сальмонович пользовался уважением

Вокзал в Белостоке

Вокзал в Белостоке

и любовью не только товарищей, но и подчиненных; его приветливое обращение и всесторонние в строительном искусстве познания были доступны для каждого лица, обращающегося к нему за разъяснениями или за советом при возникновении сложных технических вопросов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитекторы и строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. Пилигрим. СПб, 1996.
2. Барановский В. Г. Юбилейный справочник, содержащий сведения о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров. 1841–1892. СПб, 1892.
3. Некролог. П. О. Сальмонович / Строитель. 1898. № 23. С. 930–933.
4. Санкт-Петербургская Варшавская железная дорога. Вокзал в Санкт-Петербурге / Архитектурный вестник. 1860. № 1. С. 56–59.
5. Сальмонович П. О. Общая конструкция мастерских при железной дороге / Зодчий. 1874. Вып. 11. С. 136–138.

6. Сальмонович П. О. Пассажирская станция в Динабурге / Зодчий. 1879. Вып. 3. С. 41–42.

7. Сальмонович П. О. Данные служащие к облегчению проектирования сводов. I ч. / Зодчий. 1876. Вып. 4. С. 47–49.

8. Сальмонович П. О. Данные облегчающие проектирования сводов. II ч. / Зодчий. 1876. Вып. 6. С. 67–69.

9. Золотарева М. В. Вопросы архитектурной практики и права второй половины XIX века (к творческой биографии П. О. Сальмоновича) / Докл. 61-й науч. конф. преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов университета. Ч. II. СПбГАСУ. СПб, 2004. С. 64–65.

10. Сальмонович П. О. По поводу предполагаемых изменений в ныне действующем обязательном постановлении по строительной части Санкт-Петербурга / Неделя строителя. 1888. С. 37–39.

11. Сальмонович П. О. Об организации строительной части в городах / Неделя строителя. 1898. № 19. С. 60–62.

12. Сальмонович П. О. Об организации строительной части в городах / Неделя строителя. 1898. № 21. С. 67–68.

УДК 72.01:(72.011.3)

Ольга Валерьевна Кефала,
канд. архит., доцент
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: kefala@mail.ru

Olga Kefala,
PhD of Archit., Associate Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
Email: kefala@mail.ru

АРХИТЕКТУРНЫЕ ДИАЛОГИ

ARCHITECTURAL DIALOGUES

Статья посвящена двум преподавателям Строительного училища, которые имели разную профессиональную подготовку, но работали в одно время, преподавали в одном учебном заведении и оба были рационалистами эпохи историзма, развивали идеи А. Красовского, пропагандировали «кирпичный стиль» и эстетику металлических конструкций. Оба были общественными деятелями, основателями Петербургского общества архитекторов, журнала «Зодчий» и основателями династии архитекторов. Их творчество — это своеобразный диалог двух архитектурных школ.

Ключевые слова: Китнер, Шретер, рационализм, неоренессанс, кирпичный стиль.

This article is about two teachers of Building schools that had different vocational training, but worked at one time, taught in the same school and both were the rationalists of the era of historicism, developed the ideas of A. Krasovsky, promoted the “brick style” and aesthetics of metal structures. Both were public figures, founders of the St. Petersburg society of architects, the magazine “the Architect” and founder of the dynasty of architects. Their work is a kind of dialogue between two architectural schools.

Keywords: Kitner, Schreter, rationalism, neo-Renaissance, brick style.

Они были практически ровесниками. Иероним Севастьянович Китнер родился 27 апреля 1839 года, а Виктор Александрович Шретер — 5-го мая 1839-го. Оба оказались свидетелями угасания великой эпохи классицизма в петербургской архитектуре и рождения не менее великой эпохи историзма, эпохи поиска нового архитектурного языка через осмысление форм прошедших веков. Их профессиональное мировоззрение формировалось в условиях, когда патриархальное российское общество уступало место обществу более свободному, инициативному, которому органически было присуще новаторство во всем, включая архитектуру. Резко расширялся круг заказчиков и соответственно — индивидуальных стилистических пристрастий, чему способствовали возможности новой техники и строительной технологии. Утверждалась эпоха «архитектуры выбора».

Будущие архитекторы родились в семьях предпринимателей, ремесленников высочайшего уровня, которые выполняли заказы богатых людей и императорской фамилии. Александр Шретер был управляющим в фирме каретного мастера Бага, а Севастьян Китнер имел ламповую мастерскую. По рисункам архитектора К. И. Росси отец будущего зодчего изготовил люстры Павловского дворца (для

Виктор
Александрович
Шретер [1]

Иероним
Севастьянович
Китнер [2]

Большой столовой и библиотеки), ныне утраченные. Сохранились люстры, сделанные С. Китнером для Помпейской галереи Зимнего дворца. [1, 2, 3]

*Помпейская галерея в Эрмитаже
Акварель
К. А. Ухтомского
1862 [3]*

Китнер и Шретер с малых лет воспринимали искусство как часть своей жизни и оба имели склонность к рисованию. Поэтому Иероним в возрасте 23 лет был определен в Строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий, готовившее архитектурских помощников, а Виктора

в возрасте 26 лет записали в архитектурный класс Академии художеств. В 1859 году Китнер окончил училище, а Шретер окупился в творческую атмосферу мастерской известного опытного архитектора Л. Бонштедта. В Строительном училище, во время учебы Китнера, должность инспектора классов и помощника директора училища занимал инженер и теоретик архитектуры Аполлинарий Каэтанович Красовский. Он преподавал гражданскую архитектуру, черчение и теорию изящных искусств. В 1851 году вышла его книга «Гражданская архитектура», которая стала современным учебником по строительному делу и конструкциям зданий. [2] Теоретические взгляды Красовского повлияли на развитие русской архитектуры второй половины XIX века. Очевидно, что оба молодых архитектора с восторгом восприняли идеи ученого — обновление вообще было духом времени. Строительное училище к середине XIX века имело обширную учебную программу и репутацию новаторского учебного заведения.

Шретер после работы у Бонштедта по рекомендации своего учителя отправляется в 1858 году в Германию и поступает в Берлинскую строительную академию. Он изучает историческое наследие, новые пространственные и конструктивные решения современной немецкой архитектуры, слушает курс

лекций «О постройке театров». Большое влияние на него оказало творчество немецкого архитектора К.-Ф. Шинкеля, поиски которого в области формы были обусловлены реалиями эпохи. [2,4]

Через два года учебы в Академии и одновременной работы у Бонштедта Шретер уезжает в Европу, изучает архитектуру Германии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Италии, Австрии и учится в Берлинской строительной академии. Много рисует, делает обмеры исторических зданий. В Петербург он возвращается в июне 1862-го и через два года становится академиком архитектуры. Еще через год при содействии Д. Гунна его зачисляют преподавателем Строительного училища и поручают руководить архитектурным черчением и «составлением» первоначальных проектов.

Подобный путь проделал и Китнер. Поработав два года после окончания училища в мастерской архитектора Андрея Штакеншнейдера на строительстве дворца великого князя Николая Николаевича, он весной 1861 года уехал за границу. Путешествовал по Италии, Франции, Испании, Англии. В Лондоне летом 1862 года его восхитили технические приемы использования металла в знаменитом Хрустальном дворце Дж. Пэкстона. [5] Будучи прекрасным рисовальщиком и акварелистом, Китнер делал

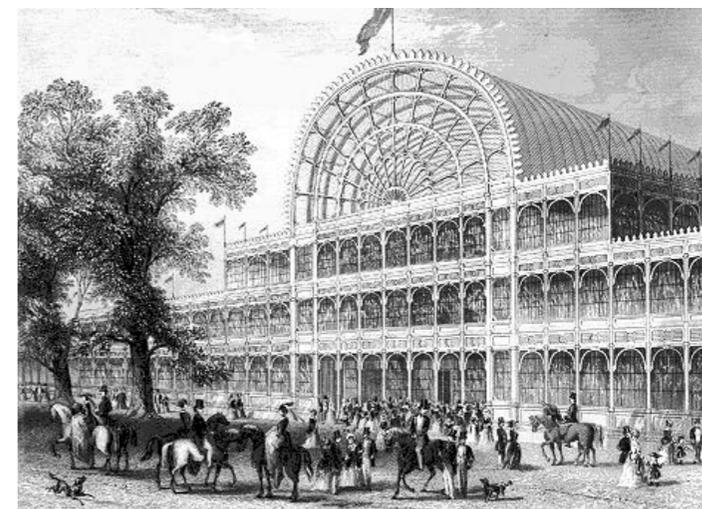

зарисовки памятников архитектуры. В Петербург вернулся осенью 1865 года. Через два года и он становится академиком архитектуры.

Впервые два молодых архитектора встретились в 1866 году на совместной работе в мастерской у А. И. Резанова. Известный в Петербурге зодчий пригласил их вместе с А. Гунном на строительство дворца великого князя Владимира Александровича.

*Здание
Строительной
Академии в Берлине.
Архит.
К.-Ф. Шинкель.
1831–1835 [4]*

*Хрустальный
дворец
в лондонском
Гайд-парке.
Архит.-строитель
Дж. Пэкстон.
1850–1851 [5]*

Дворец великого князя Владимира Александровича

[1,6,7] За «ренессансным» фасадом этого монументального здания скрывались новаторские конструкции, в которых использовались своды на железных балках. Технологию их возведения Шретер описывает в декабрьском номере журнала «Зодчий» за 1872 год. Он же предложил создать в Петербурге профессиональный союз по образцу Берлинского общества архитекторов. Ему это удалось, и 10 ноября 1870 года состоялось первое заседание официально утвержденного Общества. Библиотекарем выбрали Китнера. Все первые заседания Общества проходили на квартире зодчего и в чертежной Резанова на

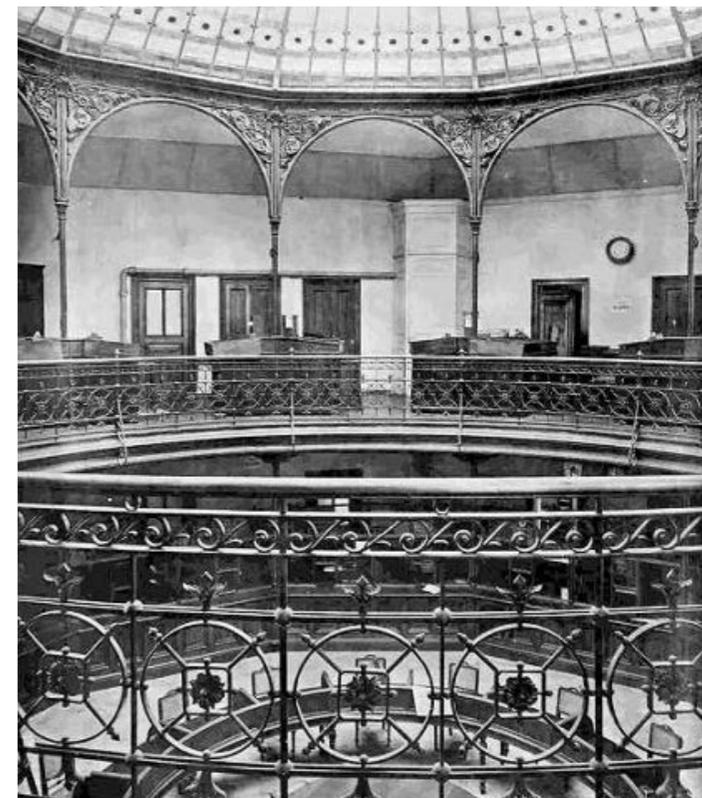
Миллионной улице. Через два года вышел печатный орган Петербургского общества архитекторов — журнал «Зодчий», на страницах которого продолжался архитектурный диалог архитекторов. [1] Очевидно, общая работа, сходство мировоззрения и приверженность к рационалистическому творческому методу сплотили молодых зодчих. По рекомендации своего коллеги Китнер начинает в 1868 году читать курс лекций в Строительном училище. Он вел занятия на первых двух курсах по архитектурному черчению и ордерам, а с 1876 года руководил архитектурным проектированием на третьем курсе. В 1888-м он стал

ординарным профессором Института гражданских инженеров (училище стало институтом в 1882). [2] К тому времени Шретер уже четыре года имел должность экстраординарного профессора. [10]

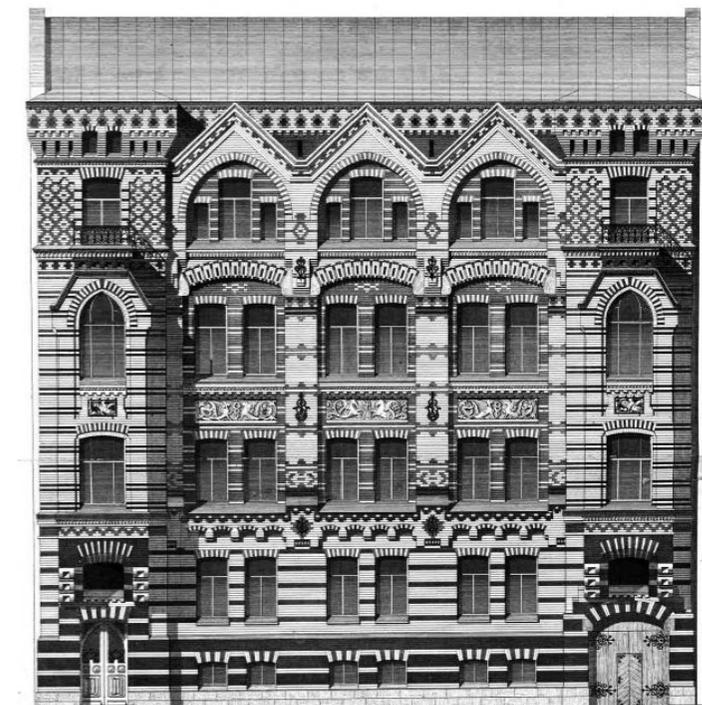
Рационалистическое мышление архитекторов определило их интерес к «кирпичному стилю». Этому способствовало и то, что Шретер был лично знаком с архитектором Шинкелем, пропагандистом кирпичного стиля в Германии. Благодаря работе столичного Общества архитекторов была усовершенствована технология изготовления кирпича в России, а в Петербурге возникло «Товарищество обработки строительных материалов», в которое входили А. И. Резанов, И. С. Китнер и В. А. Шретер.

Энтузиасты-единомышленники «кирпичного стиля» Шретер и Китнер активно включились в практическую реализацию его форм и принципов. Одним из первых примеров их совместного творчества в этом направлении стал доходный дом В. Ф. Штрауса на 2-й линии (д. 9/10). В композиции его главного фасада, облицованного кирпичом, были использованы романо-готические мотивы, близкие архитекторам по их «родовой» культуре и по материалам ознакомительных путешествий. [8]

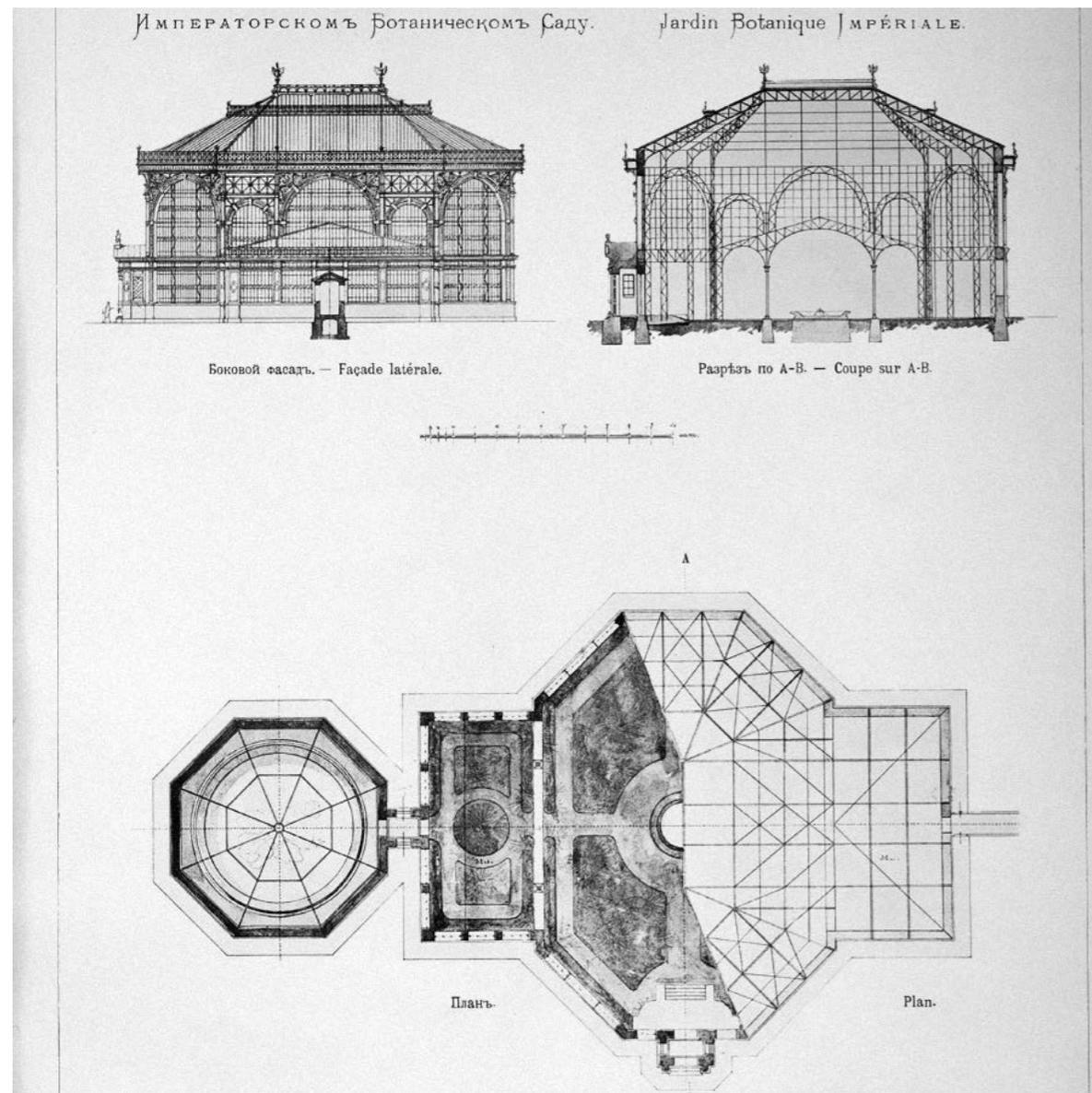
Расцвет творческой активности обоих зодчих пришелся на период промышленной

*Операционный зал Русского для внешней торговли банка
Архит. В. А. Шретер. 1887–1888*

*Дом В. Ф. Штрауса. Архит. В. А. Шретер и И. С. Китнер
1873–1874*

Проект новой
Пальмовой
оранжереи
в Ботаническом
саду
Архит.
И. С. Китнер
1897

революции в России, что способствовало развитию металлургии, металлоконструкций и технологий. Это предоставляло новые возможности создания специфических архитектурных и конструктивных форм, а значит, и новых пространств. [9] Творчество Виктора Шретера — наглядное тому подтверждение. Конечно, не всегда совпадали

утилитарные и эстетические цели. Но в большом операционном зале Русского для внешней торговли банка он с помощью металлоконструкций реализовал рационалистические идеи в совершенных архитектурных формах. Здесь большой купол опирается на легкую изящную конструктивную систему из тонких металлических колонн,

Парадный
вестибюль дома
Кларка
Архит.
В. А. Шретер
1890
(фото автора)

ажурных арок и металлического же опорного кольца. Утилитарная конструкция получила совершенное эстетическое выражение. [11]

Иероним Китнер тоже искал пути новой архитектурной реализации возможностей металлоконструкций. Поэтому его пригласили для создания проекта Пальмовой оранжереи в Ботаническом саду. Возможно, для этой работы было полезно его знакомство с Хрустальным дворцом Дж. Пэкстона. Он блестяще решил сложную пространственную задачу. Большое помещение оранжереи было перекрыто внутри без колонн. [12]

Продолжение архитектурного диалога двух талантливых зодчих-рационалистов интересно

Парадная
лестница
дома Кларка
Архит.
В. А. Шретер
1890
(фото автора)

Актовый зал здания Института гражданских инженеров
Архит. И. С. Китнер [13]

рассмотреть на примере решения некоторых интерьеров. Так, в 1883 году Шрeтер приступил к реконструкции дома жены коммерции советника С. И. Кларка. Здание находилось на Благовещенской площади, между набережной Большой Невы и Галерной улицей. Здесь наибольший интерес представляют сохранившиеся интерьеры парадной группы в стилистике неоклассицизма (парадные интерьеры гостиных в формах неорококо практически не сохранились). Парадный вестибюль с тамбуром восточного фасада выполнен в строгих «тосканских» формах, притом что стены обогащены нишами с гипсовыми рельефами на мифологические темы. Спаренные колонны парадной лестницы придают лестничному пространству монументальность

Вестибюль Архитектурно-строительного университета. Архит. И. С. Китнер. 1883

и торжественность. Она является центром архитектурной композиции, вокруг которой располагаются парадные и жилые помещения.

Такое же парадное глубинно-пространственное решение интерьера, только в формах неогреческой стилистики, использует Китнер для формирования пространств парадных лестниц, вестибюлей, актовых и выставочных залов в здании Института гражданских инженеров, к проектированию которого он приступил в 1881 году (отделочные работы полностью были завершены в 1883, через год после торжественного открытия института). Строгие, но нарядные

«греческие» формы полностью соответствуют функциональной и образной специфике актового зала учебного заведения. [13] Зодчий успешно решил сложную задачу распределения потока студентов по учебным классам через просторный двухсветный вестибюль. До сих пор балюстрада, с которой раскрывается пространство всего вестибюля, является любимым местом встречи студентов.

В истории петербургской архитектуры XIX века было немало случаев, когда зодчие, работавшие в одно время, вольно или невольно вступали в творческий диалог, дополняя или корректируя проектно-строительную

Вестибюль
Архитектурно-строительного
университета.
Архит. И. С. Китнер
1883

практику друг друга. Язык архитектуры эпохи историзма был сложен и многообразен, но зодчие умели и любили говорить на нем, общаться с его помощью. В случае с новаторами-единомышленниками Иеронимом Китнером и Виктором Шретером

этот диалог обогащался большой совместной работой в созданном ими Обществе петербургских архитекторов. Знак этого общества [14] до сих пор украшает фронтон порталного входа Архитектурно-строительного университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева Т. И. Виктор Шретер. Л.: Лениздат, 1991.
2. Китнер Ю. И., Николаева Т. И. Иероним Китнер. СПб.: «Белое и Черное». 2000.
3. Виды залов Эрмитажа и Зимнего дворца в акварелях museum.ru (14/04/2017) [интернет-ресурс].
4. Всеобщая история искусств. Том 5. Искусство 19 века. Ил. 282 (artprojekt.ru) Библиотека arthistory5/index.htm (14/04/2017) [интернет-ресурс].
5. Хрустальный дворец. (dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/408405 Хрустальный дворец — (14/04/2017) [интернет-ресурс].
6. Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX в. citywalls.ru (12.04.2017) [интернет-ресурс].
7. Журнал «Зодчий». 1872. Оглавление выпусков (nogardia.ru/articles/view/344/) (14/04/2017) [интернет-ресурс].
8. Дом В. Ф. Штрауса (по 2-й линии В. О) citywalls.ru (12.04.2017) [интернет-ресурс].
9. Пунин А. Л. Архитектурные памятники Петербуга: Вторая половина XIX века. Л.: Лениздат, 1981.
10. Персоны / Шретер Виктор Александрович. furgia.ru (ФОП:1; Д:440) (14/04/2017) [интернет-ресурс].

11. Русский для внешней торговли банк. «Зодчий». 1889, 9–10. Л. 9. citywalls.ru (14.04.2017) [интернет-ресурс].

12. «Зодчий» 1897 года — Sputnik & Pogrom sputnikpogrom.com (14.04.2017) [интернет-ресурс].

13. «Зодчий», 1885. <http://www.citywalls.ru/house12611.html>. Институт гражданских инженеров. Актовый зал. pastvu.com p/137865 (14.04.2017) [интернет-ресурс].

УДК 72.03

Мария Александровна Гранстрем,
кандидат архитектуры, доцент
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: arch_proect@bk.ru

Светозар Павлович Заварихин,
доктор архитектуры, профессор
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

Maria Granstrem,
PhD of Arch., Associate Professor
(Saint-Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: arch_proect@bk.ru

Svetozar Zavarichin,
Doctor of architecture. Professor
(Saint-Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

ДОМ МУРУЗИ — ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ ПЕТЕРБУРГА

MURUZI HOUSE — THE ATTRACTION OF PETERSBURG

Рассматривается история проектирования и строительства дома князя Мурузи на Литейном проспекте в Санкт-Петербурге. Акцентируется внимание на творчестве автора дома — гражданского инженера А. К. Серебрякова. Характеризуется его творческий путь и творческая позиция. Кратко характеризуется история дома и его владельцы.

Ключевые слова: *Серебряков, Мурузи, Петербург, архитектура, история.*

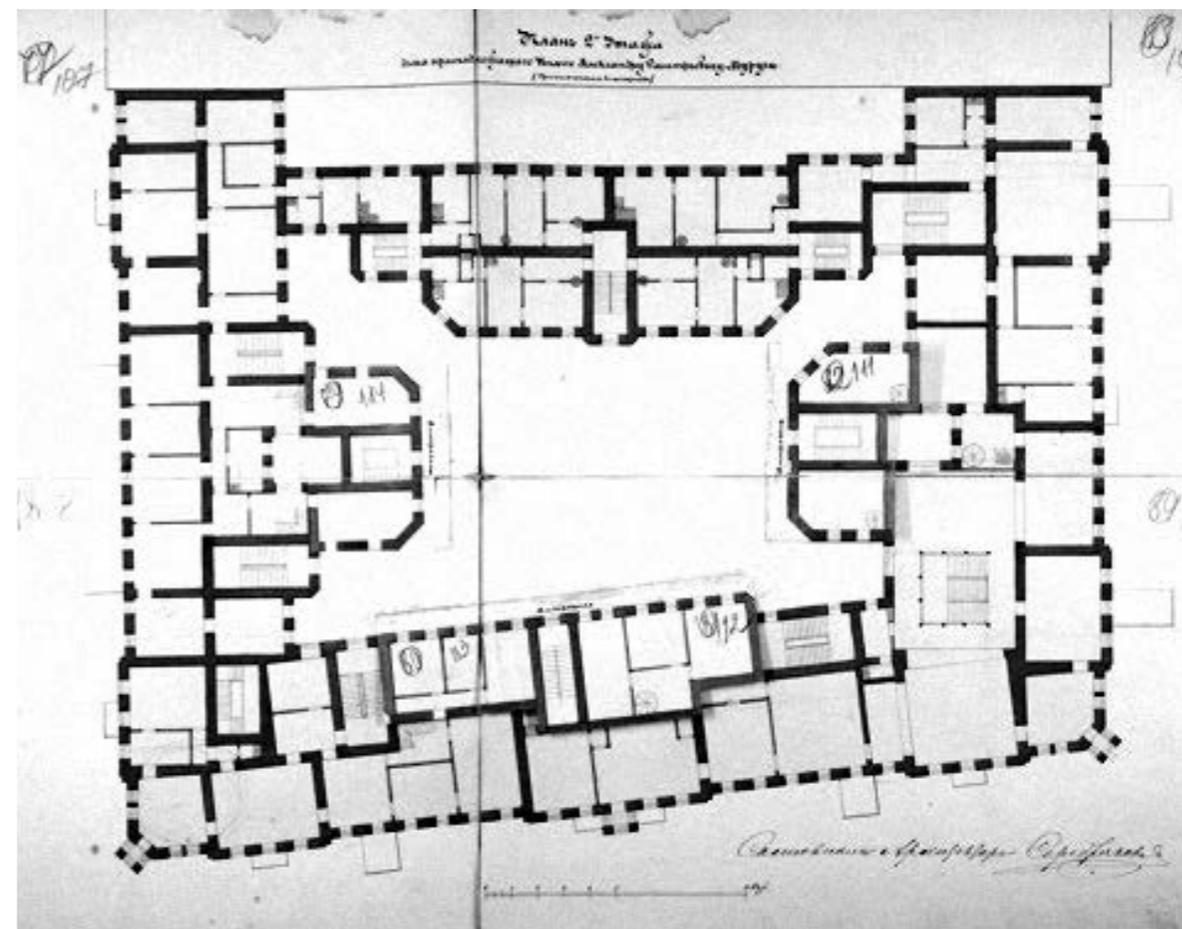
The history of design and construction of the house of Prince Muruzi on Liteiny Prospekt in St. Petersburg is considered. Attention is focused on the work of the author of the house — civil engineer A. K. Serebryakova. His creative path and creative attitude are characterized. The history of the house and its owners is briefly described.

Keywords: *Serebryakov, Muruzi, Petersburg, architecture, history.*

ПРЕДЫСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Доходный дом князя А. Д. Мурузи на Литейном проспекте действительно является достопримечательностью Северной столицы России. Он выделяется не только экзотичностью своего «мавританского» облика, но и своей историей, связанной со многими известными деятелями русской литературы и поэзии. Примечательными личностями были и владелец дома князь Александр Дмитриевич Мурузи, и автор проекта инженер-архитектор Алексей Константинович Серебряков.

Большой участок между Преображенской площадью, Литейной, Пантелеймоновской (Пестеля) и Басковой (Короленко) улицами в начале XIX века принадлежал Н. Резанову, известному ученому и путешественнику, участнику первой русской кругосветной экспедиции. Его деревянный особняк стоял по красной линии застройки, за оградой в глубине участка был большой сад и стояли хозяйственные постройки. Наследники Резанова

продали участок с особняком богатому купцу А. Меншуткину. Позже участок перешел к сыну министра внутренних дел при Александре I В. Кочубею, знатоку и собирателю древностей. [1] Согласно обмерному плану участка, сделанному в 1862 году Николаем Бенуа, угол Литейной и Пантелеймоновской улиц занимала жилая застройка. Вдоль южной границы участка, торцом к Литейной улице стоял флигель, объединенный оградой с угловым домом. Угол с Басковой улицей в то время еще не был оформлен. [2]

В 1874 году участок, которым к тому времени владела Е. П. Кочубей, приобрел князь А. Д. Мурузи для строительства на нем

доходного дома. В марте этого же года проект дома, разработанный А. К. Серебряковым, был одобрен Техническим строительным комитетом и получил Высочайшее разрешение.

Князь
Александр Дмитриевич
МУРУЗИ
(1807–1880)

Княжеский род Мурузи восходит к византийской знати. Дмитрий, отец Александра, занимал высокую должность главного переводчика Оттоманской империи. Используя свои возможности, он передал русским секретные документы, позволившие России заключить

с Турцией выгодный для себя договор накануне войны с Наполеоном. За это турки его обезглавили.

Через десять лет после казни мужа вдова князя с шестью детьми переехала в Петербург, где Александр I, выполняя данное князю обещание, выделил семье имение в присоединенной Бессарабии, дочерей определил во фрейлины, а сыновей в Пажеский корпус.

Младший из сыновей, Александр Мурузи, закончив обучение, служил в лейб-гвардии кирасирском полку, а после отставки в 1835 году уехал в Бессарабию, но в начале 70-х вернулся в Петербург, решив построить там большой доходный дом в мавританском стиле. Этот выбор совпал со вспыхнувшей в то время модой на все восточное в живописи, музыке, архитектуре.

Князь умер через три года после того, как закончилась отделка его квартиры из 26 комнат.

Инженер-архитектор
Алексей Константинович
СЕРЕБРЯКОВ
(1836–1905)

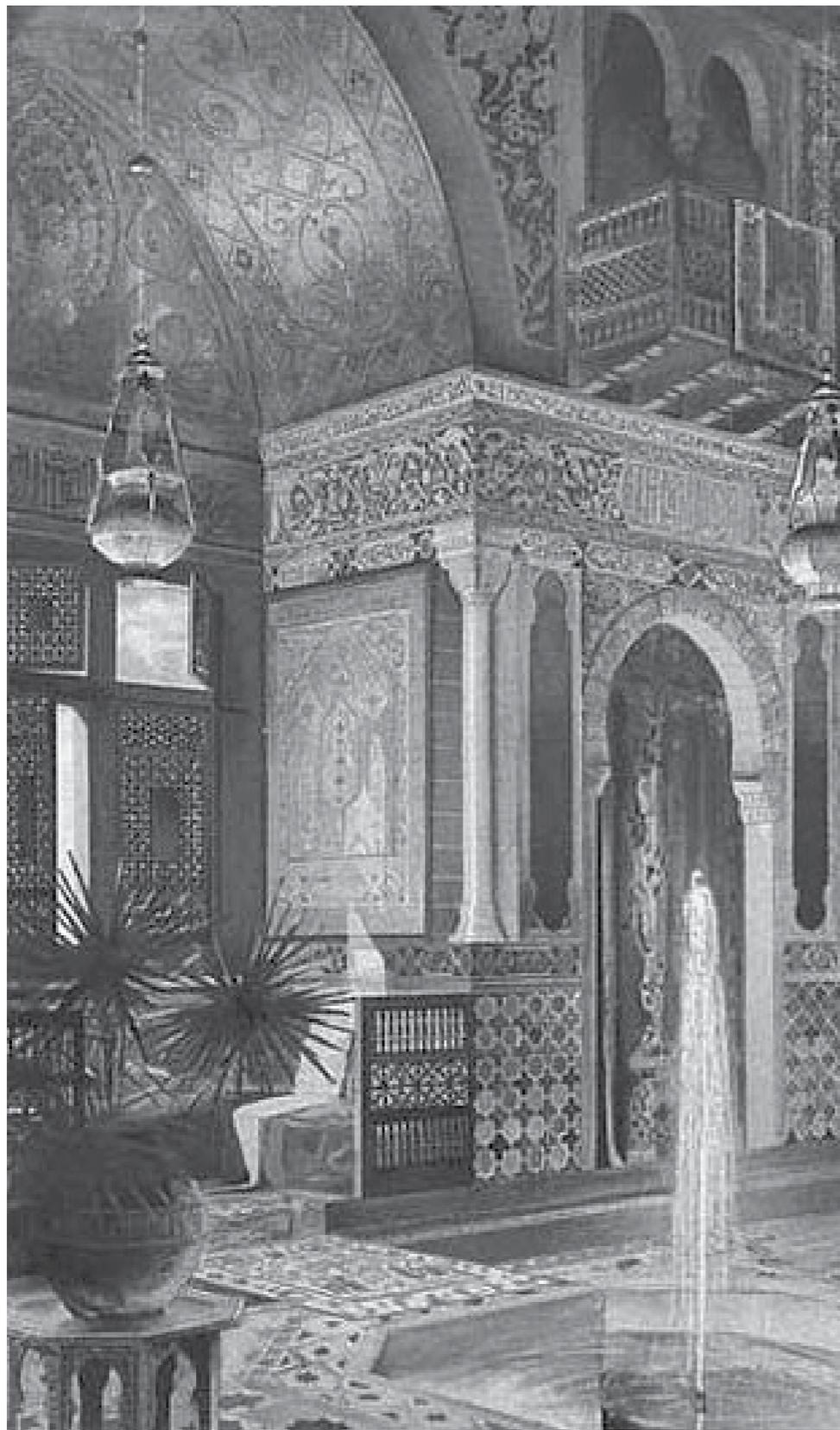
Алексей Серебряков родился в Петербурге, учился в престижной школе Петра и Павла и в 5-й Санкт-Петербургской гимназии, которая давала начальное техническое образование (там было усиленное преподавание математики, физики, начертательной

А. К. Серебряков

геометрии, давали начала механики). По окончании гимназии Александр поступил в Строительное училище, директором которого в то время был полковник А. Ф. Лишин. Закончив в 1861 году училище со званием архитекторского помощника, Серебряков начинает работать во Псковской дорожно-строительной компании. Через четыре года его назначают младшим архитектором. Позже он получает звание инженер-архитектора. С 1867-го вновь живет в Петербурге и по 1881 год служит в Министерстве юстиции. Часто командировается в другие города для «осмотра зданий, годных для помещений окружных судов». В 1869 году Серебряков становится также архитектором Сената, а затем и архитектором графов Шереметевых.

В 1874 году по заказу Д. Шереметева разрабатывает проект доходного дома на Литейном пр., 51. В помощники к себе

Серебряков пригласил архитектора-художника П. И. Шестова. Возможно, именно Шереметев посоветовал князю Мурузи доверить Серебрякову проектирование доходного дома на Литейном.

Серебряков с энтузиазмом принялся за дело и даже ездил по поручению князя в Испанию копировать религиозные мавританские надписи для использования на фасадах дома. Проектировать ему помогали тот же П. И. Шестов и гражданский инженер Н. В. Султанов (будущий известный зодчий и директор ИГИ). Громадный дом на 57 квартир, среди которых были и квартиры-особняки, был построен очень быстро — с 1874-го по 1876 год В доме пять парадных лестниц и семь магазинов. Освещение было электрическое, отопление водяное; работала паровая прачечная и 28 ванных комнат. Многочисленные интерьеры были оформлены в стиле рококо и в мавританском стиле.

Сам князь жил на втором этаже, который напоминал дворники мавританских дворцов, сюда вела лестница из белого каррарского мрамора. Своды зала опирались на 24 тонких мраморных колонны. Посреди зала бил фонтан.

Александр Мурузи умер через три года после того, как были полностью завершены все отделочные работы в его квартире.

После дома Мурузи Серебряков построил в Петербурге еще

три доходных дома — на Кронверкском проспекте, 13, на Бронницкой улице, 10 и на Среднем проспекте, 68. Кроме этого, он принимал участие в проектировании Рязанско-Казанской железной дороги.

Дом Мурузи как архитектурно- литературный феномен

«Мавританский» наряд дома (полосатые плоскости стен, керамические колонки, фризы с орнаментами из арабской вязи и пр.), его сочная объемная пластика за счет балконов большого выноса, его система мансардных объемов, создающих эффект венчающей короны,— все это рождает эффект некоего экзотического «пришельца» на одной из главных улиц столицы. Не случайно дом еще до его полного завершения стал объектом усиленного внимания петербургской прессы, включая архитектурную. Например, Листок № 18 журнала «Зодчий» за 1876 год так оценивал строившийся дом: «У дома князя Мурузи, со стороны Литейного проспекта, поставлены два металлических подъезда. Рисунок их замечателен, работа превосходна, в самом строгом мавританском стиле, с надписями и другими украшениями — подъезды эти, по своему изяществу, обращают всеобщее внимание. Также роскошны и прекрасны перила из листового цинка на балконах.

Когда дом этот будет окончательно приведен в надлежащий вид с наружной стороны, то с него будет снята фотография».

Судьба дома Мурузи по стечению обстоятельств тесно связана с историей русской литературы. Так, с 1879-го по 1880 год на четвертом этаже дворового флигеля жил писатель Николай Лесков, написавший там свое знаменитое произведение «Левша». Через десять лет в доме поселились молодожены Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус.

С их появлением дом Мурузи превратился в своеобразный центр литературного и философского символизма. В их квартире № 20 бывали Александр Блок, Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Сергей Есенин и другие известные представители культуры Серебряного века. В доме жил и Николай Анненский, среди многочисленных гостей которого был и Александр Куприн.

С весны 1919 года в бывшей квартире князя Мурузи размещалась литературная студия при

издательстве «Всемирная литература», которое организовал и возглавлял Максим Горький.

Он часто выступал перед студийцами, там читал свои стихи Александр Блок, преподавали

Николай Гумилев, Евгений Замятин, Михаил Лозинский, Виктор Шкловский, Корней Чуковский. С октября 1920 года в доме

располагалось Петроградское отделение Союза поэтов, председателем которого до февраля 1921 года был А. Блок, затем

Н. Гумилев, который к тому же открыл в своей квартире «Клуб поэтов». Здесь с ним последний раз виделась Анна Ахматова. «Клуб поэтов» просуществовал недолго — в августе 1921-го умер Блок, был расстрелян Гумилев.

В этом доме провел детство писатель Даниил Гранин, а с 1955-го по 1972 год здесь

в коммунальной квартире жил Иосиф Бродский.

Такой сильной оказалась со-зидательная энергетика архитектурного шедевра, рожденного талантом выпускника Строительного училища Алексея Серебрякова и финансовыми возможностями князя Александра Мурузи.

ПЕРЕЧЕНЬ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. План двора Князя Кочубея Литейной части 4 квартала, под № 21. ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4209. Л. 11–12.
2. Там же. Л. 15 об. – 16.
3. Фасад дома по Пантелеймоновской улице, предполагаемого к постройке, принадлежащего Князю Александру Дмитриевичу Мурузи. ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4209. Л. 30–39.
4. План 2-го этажа дома, принадлежащего Князю Александру Дмитриевичу Мурузи, предполагаемого к постройке. ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4209. Л. 107–110.

ГРНТИ 67.07.29

УДК 711.523(470.23–25)+711.65(470.23–25)

Милена Владимировна Золотарева,

канд. архитектуры, доцент

(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)

E-mail: goldmile@yandex.ru

Milena Zolotareva,

PhD in architecture, Associate Professor

(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)

E-mail: goldmile@yandex.ru

ГРАЖДАНСКИЙ ИНЖЕНЕР ЛЕВ ПЕТРОВИЧ ШИШКО

CIVIL ENGINEER LEV PETROVICH SHISHKO

Статья посвящена Л.П. Шишко, чье творчество характерно для выпускника Института гражданских инженеров: его творческий метод, рациональный в своей основе, базировался на эстетически-стилевой основе. Это позволяло талантливому зодчему успешно строить добротные и красивые здания. Большой успех у современников имели учебные здания, построенные Шишко. Известен он был и как талантливый инженер, и как автор научных трудов и учебных пособий по архитектуре и строительству.

Ключевые слова: *Шишко, учебные здания, гражданский инженер, архитектура, строительство.*

The article is devoted to L. P. Shishko, whose work is typical for the graduate of the Institute of Civil Engineers: his creative method, rational in its basis, was based on an aesthetic-style basis. This allowed the talented architect to successfully build solid and beautiful buildings. Great success with contemporaries had educational buildings built by Shishko. He was also known as a talented engineer and author of scientific works and teaching aids on architecture and construction.

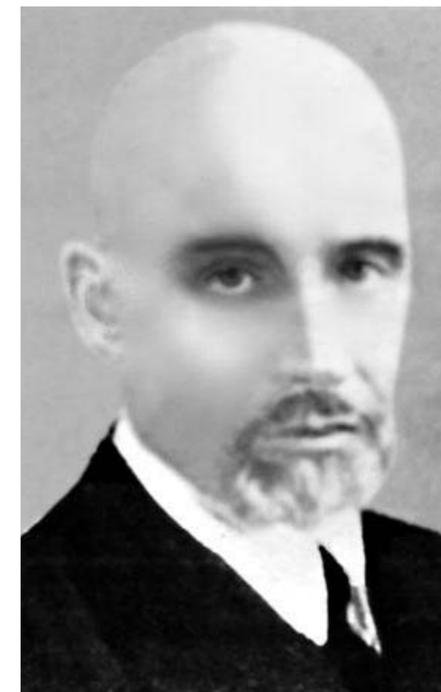
Keywords: *Shishko, educational buildings, civil engineer, architecture, construction.*

В качестве эпиграфа к статье о Льве Петровиче Шишко можно привести слова современников о нем. «Замечательный архитектор, лучший рисовальщик в Институте гражданских инженеров» — так нередко говорили о нем зодчие старшего поколения. Инженеры при упоминании его имени восклицали: «Шишко? Да это прежде всего блестящий инженер с огромным опытом!» Другие считали его, главным образом, крупным ученым.

Лев Петрович Шишко родился в Царском Селе. В 1896 году он окончил Институт гражданских инженеров с золотой медалью за лучший архитектурный проект и с серебряной медалью за работу по строительной механике. Его фамилия была высечена на мраморной Доске почета наряду с другими лучшими выпускниками.

Сразу после получения диплома гражданского инженера Шишко был зачислен в штат Техническо-строительного комитета МВД. На следующий год, подчиняясь внутреннему влечению, он начал еще и преподавать в ИГИ, а еще через год его преподавательская деятельность распространилась и на Технологический институт, благо он был рядом с его alma mater — Институтом гражданских инженеров.

К реальному проектированию (а затем и строительству) Шишко приступил в 1899 году, когда стал архитектором

Лев Шишко
1920

Римско-католической духовной коллегии и Александро-Невской Лавры. Уже в 1901 году на улице 1-й Роты началось строительство Римско-католической духовной семинарии, а на Невском проспекте — возведение доходного дома Лавры, проект которого Шишко разработал в соавторстве со своим бывшим сокурсником А. А. Венсаном. Вскоре (1904) на территории Лавры началось затяжное строительство здания ризницы и древлехранилища.

Первое церковное здание Шишко построил в Гатчине. Это был, конечно, костел в неоготической стилистике. Небольшое здание сразу стало местной доминантой, духовной и архитектурной.

Последнее десятилетие XX века было временем взлета доходного

*Доходный дом
Алекса́ндро-
Невской Лавры
Невский пр., 153
1901–1903
Гражданские
инженеры
Л. П. Шишко
и А. А. Венсан*

*Здание ризницы
и древлехранилища
Алекса́ндро-
Невской Лавры
1904–1910*

строительства в городе. Почти все петербургские зодчие участвовали в этом ажиотажном процессе. Лев Шишко не был исключением: одновременно со строительством доходного дома Алекса́ндро-Невской Лавры он возводил дом княгини М. А. Стенбок-Фермор на углу Звенигородской улицы и Загородного проспекта. Ответственное градостроительное положение дома и амбиции предприимчивой наследницы фамильного состояния предопределили монументальность лицевых фасадов этого внушительного протяженного дома. Немалую роль в этом играют гранитная облицовка стен первых двух этажей, большие арочные окна высокого первого этажа и крупный ритм двухэтажных

эркеров. Снижает уровень монументальности лишь архитектурное решение скошенного угла, акцентированного небольшим

*Костел Пресвятой Девы Марии Кармельской в Гатчине
1906–1911*

*Гражданские инженеры Л. П. Шишко, П. П. Трифанов,
Л. М. Харламов, инженер А. А. Барышников*

эркером и каркасом купола на конусном «барабане». Возможно, в этом сказались отсутствие большого проектно-строительного опыта у сорокалетнего зодчего, в творческом багаже

которого в то время была лишь одна завершенная постройка — здание семинарии во дворе дома № 11 по улице 1-й Роты.

Композиционно-стилистическим своеобразием отличается лицевой фасад доходного дома на Серпуховской улице, 32. Узкий, в семь оконных осей, фасад скомпонован таким образом, что сохранилось большое квадратное поле, равномерно прорезанное простыми, без наличников, оконными проемами вытянутой формы. Вертикальной границей этого поля служит трехэтажный эркер, а горизонтальными — карниз и нижний ряд окон с активными наличниками. Зрительно надежным основанием этой динамичной композиции служит первый этаж, «разлинованный» дощатым рустом. Элементы модерна, тактично акцентирующие пространство над эркером, свидетельствуют о высоком уровне профессионального мастерства зодчего-эклектика.

Современники Шишко отмечали его несомненный вклад в проектирование учебных зданий, которые у него действительно были функционально безукоризненными и с узнаваемыми фасадами — всегда благородно-сдержанными, основанными на той или иной классической стилистике. Эту сферу деятельности зодчего опосредованно поддерживали и стимулировали правительственные реформы развития народного образования.

Не случайно Шишко с 1907 года был архитектором Санкт-Петербургского учебного округа, а с 1909-го — архитектором

департамента народного просвещения. Первым значительным гражданским учебным заведением,

*Доходный дом
М. А. Стенбок-Фермор
Звенигородская ул., 2
1902–1903*

Доходный дом
Серпуховская ул., 32
1911

построенным Шишко в столице, стало здание городского начального училища в Рыбацком поселке. Открытое в 1909 году,

оно стало главной общественной доминантой поселка, чему способствовало его расположение на естественной возвышенности вблизи Невы. Такое положение рассматривалось департаментом как удачное в отношении аэрации. В этой подчеркнуто монументальной постройке зодчий особое внимание уделил входной зоне «храма науки», архитектурному решению его парадной лестницы. Этот прием он будет потом неоднократно использовать в своих проектах. Но само училищное здание было в свое время снесено.

Второе училище (четырехклассное мужское) Шишко построил в своем родном Царском Селе, на Бульварной улице (ныне Октябрьский бульвар). История училища восходит к школе Сарскомызскаго диакона, в которую императрицей Екатериной Алексеевной, еще при жизни Петра Великого, отдавались дети крестьян и придворнослужителей ее мыз. Новое училище было построено двухэтажным, на высоком цокольном этаже, с парадным центральным входом и двумя боковыми ризалитами. Четкий функционально выверенный план обеспечивал оптимальное протекание учебного процесса в хорошо освещенных большими окнами классах и кабинетах. Фасады выполнены в распространенном тогда кирпичном стиле. В их отделке использованы красный

облицовочный кирпич и светлые штукатурные детали. Своеобразной является рустовка второго этажа, в которой чередуются кирпичные и охристые полосы. Подобное декорирование фасада является узнаваемым почерком архитектора.

Лицевой фасад крупного четырехэтажного здания 3-й гимназии Шишко спроектировал в неоклассической стилистике, но подчеркнуто плоскостным. Возможно, сказались ограничения финансирования, но возможно, зодчий не хотел здесь конкурировать с пластичным фасадом стоящего напротив здания Музея прикладных искусств барона Штигица. Более того, фасад училища асимметричен: плоский входной ризалит резко сдвинут вправо, выделен высотой, арочными окнами главного зала, межоконными ионическими пилястрами и надкарнизным аттиком. Лепные «накладки», подоконные гирлянды, «доцатая» рустовка стен в сочетании с гладкими белыми плоскостями формируют благородно-сдержанную, почти графическую пластику светлого фасада, очень точно выражающую предназначение здания.

11-я мужская гимназия (Выборгская улица, 3) — одно из школьных зданий, построенных Шишко в соответствии с новыми принципами организации такого рода зданий. Архитектор рассматривал учебное заведение как храм науки и культуры,

поэтому всегда стремился преодолеть обычную в таких случаях казенную официальность.

Во время Первой мировой войны Лев Шишко построил по своему проекту большой спортивный комплекс при 1-й Санкт-Петербургской классической гимназии на Ивановской (Социалистической) улице, 7/11 (само здание гимназии было построено в 1893–1894 годах по проекту гражданского инженера В. А. Косякова). Комплекс состоял из двух корпусов — гимнастического зала и первого в России крытого бассейна. Эта новая проектная тема заставила Шишко изучить опыт строительства подобных зданий за границей.

Здание бассейна было возведено в неоклассическом стиле, с тремя мощными пилонами, с роскошным вестибюлем в виде ротонды с ионическими колоннами. Бассейн предназначался для воспитанников средних и высших учебных заведений и был рассчитан на две тысячи пловцов в день.

Чашу бассейна длиной в 27,5 м выложили глазурованной плиткой и оборудовали электрической подсветкой — для занятий подводным плаванием. Воду брали из артезианской скважины во дворе. Были устроены ножные ванны и подогреваемые полы из метлахской плитки. На втором ярусе здания располагалась смотровая галерея. Хотя строительство комплекса завершилось к 1916-му, открыть его

Здание 3-й гимназии в Соляном пер., 12. 1912–1913

до революции не успели. Торжественное открытие состоялось в юбилейную годовщину революции, в ноябре 1927 года.

По проектам Л. П. Шишко было построено не менее 200 зданий различного назначения. Кроме Петербурга, произведения

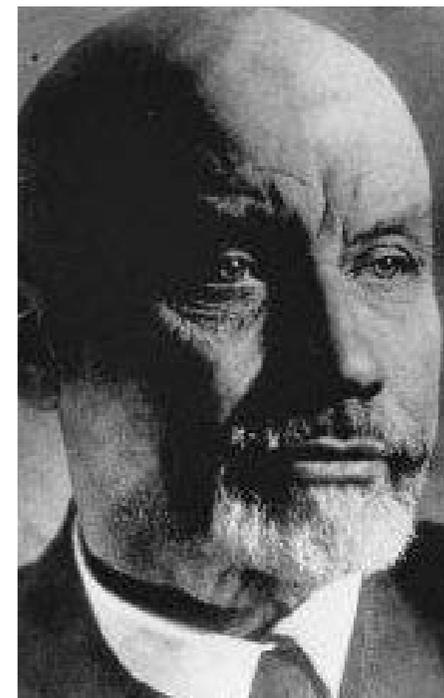
зодчего можно встретить в Вышнем Волочке, Твери и Саратове. Кроме жилых и общественных зданий, он проектировал промышленные и «специальные» здания и сооружения. Строил такие объекты для Технологического института и для некоторых

фабрик. Был автором проекта Ладожского водопровода. И всю жизнь преподавал: в ИГИ (с 1909 заведовал кафедрой «Архитектура»), Технологическом институте (был даже его директором), Институте инженеров путей сообщения (заведовал кафедрой «Здания»), Горном и Электротехническом институтах. Он был автором учебных пособий и учебников по архитектуре и строительству, которые неоднократно переиздавались. Среди них «Части зданий», «Полное руководство по гражданской архитектуре», «Иллюстрированное урочное положение».

После революции творческая деятельность Льва Шишко также обширна. Он участвовал в проектировании зданий промышленного назначения, строительстве промышленных корпусов фабрики «Красное знамя», строил корпуса «Электросилы», «Красного путиловца», Балтийского и Обуховского заводов, Невского химкомбината, магнитогорских металлургических заводов. В качестве конструктора и технолога проектировал технологически сложные и конструктивно уникальные объекты.

Особой вехой в творческой биографии Льва Шишко было участие в проектировании и строительстве здания для ОГПУ-НКВД («Большого дома» на Литейном проспекте), когда ему довелось работать с известными мастерами архитектуры.

Кроме проектной деятельности Шишко работал постоянным консультантом и экспертом Технического управления Ленсовета, участвовал в экспертизах по сложнейшим зарубежным техническим проектам: в частности, в экспертизе по проекту строительства тоннеля под Ла-Маншем между Францией и Англией.

В годы войны Л. П. Шишко руководил лабораторией, выполнявшей оборонные заказы. По заданию Октябрьской железной дороги он участвовал в разработке проекта поездочки для усиления восстановительных работ на железной дороге. Три таких поезда действовали все 900 дней ленинградской блокады.

Здание
11-й мужской
гимназии
Выборгская ул., 3
1914

Л. П. Шишко погиб 1 августа 1943 года в своем доме в Ольгино, во время бомбардировки Лахты. Похоронен на Лахтинском кладбище.

Насколько уважаем был этот человек в городе, можно судить

по тому, что 6 августа 1943 года газета «Ленинградская правда» наряду с военными сводками сообщила и о трагической гибели Льва Петровича Шишко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитекторы и строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. Пилигрим. СПб, 1996.
2. Исаченко В. Г. Лев Шишко // Зодчие Санкт-Петербурга XIX — начала XX века. СПб., 2000.

3. Барановский В. Г. Юбилейный справочник, содержащий сведения о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров. 1841–1892. СПб, 1893.

4. Дымишиц С. И., Шаталова Н. А. Костел девы Марии Кармельской в Гатчине к 100-летию освящения / Культурно-исторический Альманах «Фонтанка» / ЦГБ им. Маяковского. 2012. № 11. С. 72–80.

5. Сочагин А. Г. Царское Село в открытках конца XIX — начала XX века. СПб., 2002.

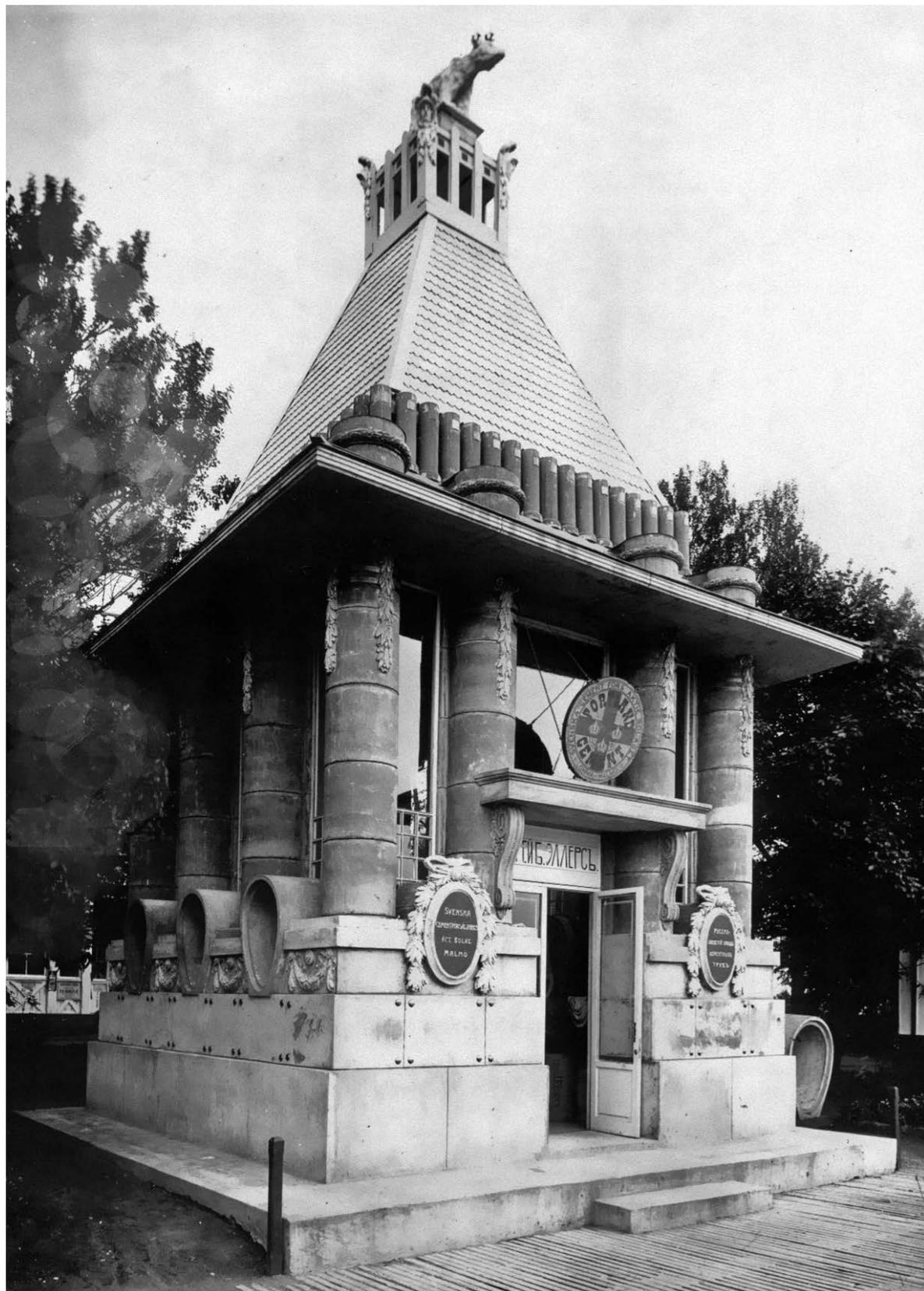
6. Имена на карте Ленинградской области 2013 г.: краевед. календарь / Отд. краеведения ЛОУНБ; сост. И. А. Воронова, Н. П. Махова; под ред. Т. Н. Беловой, В. А. Топуновой. СПб., 2012. С. 145

7. Лучшие представители ЛИИЖТа — Дороге жизни и Дороге Победы http://korenev.org/index.php/ru/?catid=19&id=142&Itemid=179&option=com_content&view=article.

8. Буров А. В. Блокада: день за днем, 22 июня 1941 г. — 27 янв. 1944 г. Л.: Лениздат, 1979.

9. Октябрьская магистраль. Издательский дом «Гудок». 2015, 22 февраля.

Здание ОГПУ-
НКВД
Литейный пр., 4
1931–1932
Архит.
Н. А. Троцкий,
А. И. Гегелло,
Л. П. Шишко,
А. А. Оль,
Н. Е. Лансере
Фото 1930-х гг.

УДК 72.03

Юрий Анатольевич Никитин,
доктор архитектуры, профессор
(Петербургский государственный
университет путей сообщения)
E-mail: juri-nikitin@yandex.ru

Iuri Nikitin,
Doctor of architecture, Professor
(Petersburg State
Transport University)
E-mail: juri-nikitin@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА В ИСПОЛНЕНИИ ВЫПУСКНИКОВ ИГИ

INTERNATIONAL EXHIBITION IN PERFORMANCE OF GRADUATES OF THE IGI

Промышленные и различные специализированные выставки, вызванные к жизни развитием капитализма, пользовались в России в XIX — начале XX вв. широкой популярностью. Они способствовали распространению передового экономического опыта и отражали правительственную политику по модернизации промышленности в стране. Выставочные павильоны, как правило, проектировали известные зодчие. Не стала исключением и Международная строительно-художественная выставка 1908 года в Санкт-Петербурге. Статья освещает участие в строительстве павильонов на этой выставке выпускников Института гражданских инженеров.

Ключевые слова: выставка, павильоны, авторы, гражданские инженеры

Industrial and various specialized exhibitions, brought to life by the development of capitalism, were received in Russia in the XIX — early XX century, widespread popularity. They promoted the dissemination of advanced economic experience and reflected the government's policy of modernizing industry in the country. Exhibition pavilions, as a rule, designed by famous architects. The International Building and Art Exhibition of 1908 in St. Petersburg was no exception. The article highlights participation in the construction of pavilions at this exhibition of graduates of the Institute of Civil Engineers.

Key words: exhibition, pavilions, authors, civil engineers

Весной 1908 года по инициативе Общества гражданских инженеров в Санкт-Петербурге впервые провели Международную строительно-художественную выставку. В показе достижений участвовали различные фирмы из Австрии, Англии, Германии, Дании, США, Франции, Швеции, а также из Польши и Финляндии. Это была одна из крупнейших и значительнейших по своим результатам выставок, которая подвела итоги развития строительной техники и художественной промышленности в России за XIX столетие.

Идея организации этого смотра возникла еще в 1904 году. Предполагалось, что выставка состоится в 1906 году в помещении Михайловского манежа. Был даже проведен конкурс на лучший проект планировки и декорирования помещения. Автором премированного проекта оказался талантливый выпускник ИГИ 1901 года, будущий известный петербургский зодчий Мариан Марианович Перетяткович. Однако в связи с событиями Первой русской революции время и место проведения выставки пришлось перенести.

И вот, наконец, в мае 1908 года по обоим берегам Большой Невки — со стороны Новой Деревни (так называемой Ливадии) и напротив — на Каменном острове возник своеобразный «Петровский городок». Всего за три месяца здесь

было выстроено более 80 павильонов, которые своим внешним видом напоминали о поре становления Петербурга: почти все здания, согласно решению выставочного комитета, были выдержаны в стиле петровской эпохи. [1]

Эта выставка сыграла большую роль в поисках общего художественного языка экспозиционной архитектуры. Перед организаторами смотра «стояла дилемма: либо развивать до феерической силы новый стиль, преобладающий на выставках последнего времени, либо держаться стиля какой-нибудь исторической эпохи». [2]

Главным архитектором выставки назначили молодого гражданского инженера, выпускника ИГИ 1904 года, исследователя древнерусской архитектуры Александра Александровича Алексева, который в то время служил при канцелярии Синода. Ему принадлежала не только детальная разработка генерального плана всего комплекса, но и архитектурные проекты главных выставочных сооружений и даже концертного зала на 1500 мест. Помимо собственно экспозиционных зданий, на выставке было много «развлекательных» построек, таких как театр, музыкальная эстрада, ресторан, буфеты. Устроили даже 350-метровую деревянную набережную с аттракционами, сорокаметровую кирпичную трубу с аттракционом «Веселый желоб» и площадкой обозрения наверху.

В основном городок представлял собой единый ансамбль, решенный на основе синтеза искусств. В художественном оформлении комплекса приняли участие такие известные художники, как А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, М. В. Добужинский, Е. Е. Лансере, скульпторы А. Т. Матвеев, М. Агулянский и другие. Декоративное озеленение выставки с артистизмом выполнила группа садоводов во главе с Е. Ф. Зюсмайером. Проекты разрабатывали не только профессиональные архитекторы, но и учащиеся Академии художеств, Института гражданских

инженеров, Женских архитектурных курсов и двенадцати художественно-промышленных училищ Петербурга, Москвы, Тулы, Миргорода и других городов, находившихся в ведении Министерства торговли и промышленности.

В те дни журнал «Зодчий» отмечал: «Таким образом мы имеем перед глазами редкую и интересную картину разработки одной и той же темы более чем пятнадцатью архитекторами — картину художественного воссоздания одного стиля. Уже с этой точки зрения выставочные павильоны заслуживают

Вход на выставку со стороны Новой деревни Гр. инж. А. Алексеев

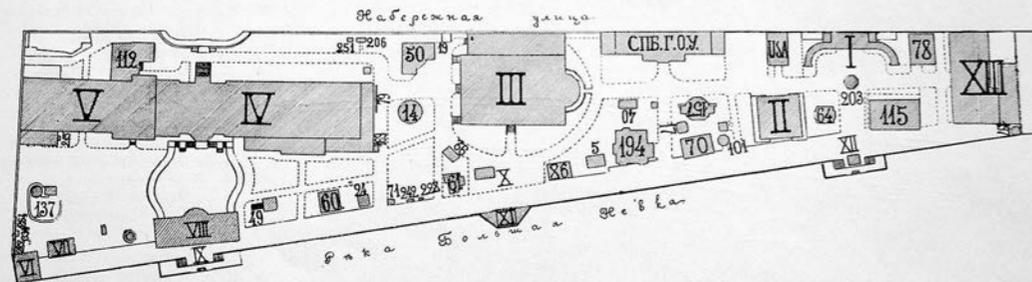
серьезного критического рассмотрения». [3]

Однако выставка представляла интерес не только ретроспективной архитектурой большинства павильонов. Исключительный интерес вызвала многочисленная и разнообразная экспозиция, состоящая из семи разделов: 1) строительные материалы и их применение; 2) произведения ручных ремесел и заводской промышленности по строительному делу; 3) санитарное зодчество; 4) противопожарные технические устройства; 5) механика в применении к строительному делу;

6) художественное убранство жилищ и отделка зданий внутри и снаружи; 7) специальная литература и учебные пособия. Кроме того, планировался еще исторический отдел в залах Академии художеств. К сожалению, эта идея не была осуществлена.

Выставка знакомила с рядом новейших изобретений и усовершенствований во всех областях строительной промышленности, послужив импульсом к ее дальнейшему развитию. Она показала, насколько широкое распространение к тому времени получил в России железобетон. Товарищество «Железо-Бетон»,

План выставки в Новой Деревне
Гр. инж.
А. Алексеев

Планъ Выставки въ Новой Деревнѣ.

Сооружения Комитета Выставки.

- I. Главный входъ.
- II. Читальный залъ и лабораторія Инст. Инж. Путей Сообщения.
- III. Общій павильонъ.
- IV. Каменный павильонъ съ рестораномъ.
- V. Театръ.
- VI. Бесѣдка на Б. Невкѣ.
- VII. Открытый павильонъ.
- VIII. Павильонъ Института Гражданскихъ Инженеровъ.
- IX. Пристань для переѣзда на Каменный Островъ.
- X. Лоттерей-аллегри.
- XI. Музыкальная эстрада.
- XII. Пристань для продольныхъ рейсовъ.
- XIII. Павильонъ электро-механическаго Отдѣла.

Сооружения и павильоны экспонентовъ.

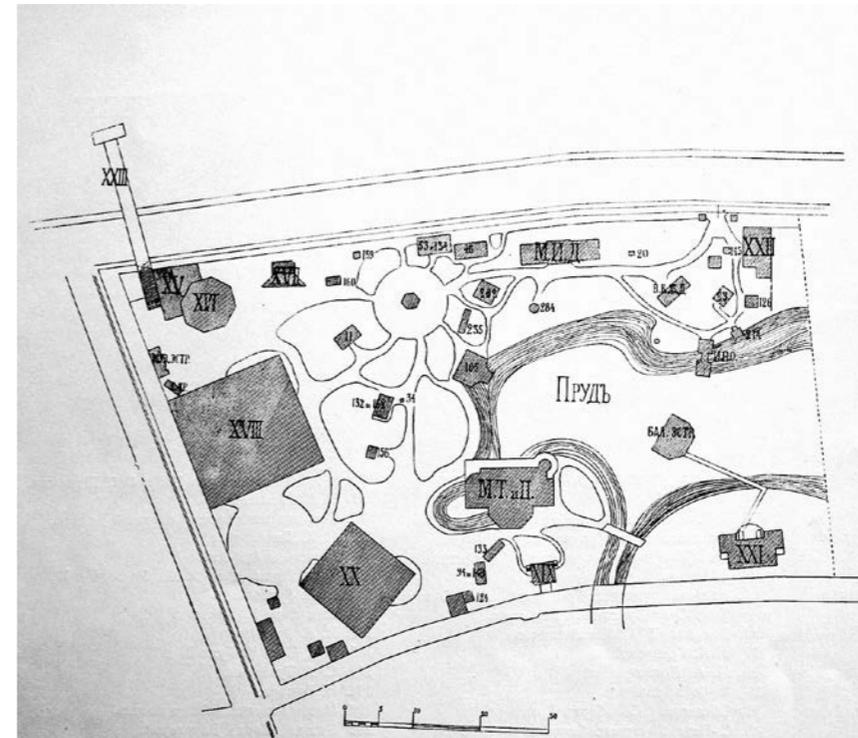
- СПБ. Г. О. У. С.-Петербургскаго Городскаго Общественнаго Управленія.
- U. S. A. Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.
5. Восточн. Финлянд. Гранитнаго Акц. О-ва и Акц. О-ва Вуолюкиви Тельстенъ.
 14. Волкова, Т. Г., Наслѣдниковъ.
 17. В. А. Грязновой.
 19. М. А. Долгополова.
 24. В. Ф. Карповича.
 40. Общества „Сольбергъ Гранитъ“.
 49. С.-Петерб. строит. бюро желѣзо-бетонныхъ работъ.
 50. Ф. Тейхмана.
 60. Торгов. дома «Андрей Б. Эллерсъ».
 61. Торгов. дома О. И. Бостремъ и К^о.
 64. Торгов. дома М. Франкъ и К^о.

70. и 101. Наслѣдниковъ Графа П. П. Шувалова.
71. В. А. Шумахера.
78. Т-ва для изготовленія плетеной драпки.
79. А. К. Данильчика.
86. Леровъ и Арентдтъ.
92. Торг. Пром. дома Ф. Ад. Рихтеръ и К^о.
112. А. А. Гуткова.
115. Акц. О-ва К. Зигель и К^о.
137. И. К. Русвурма.
157. Акц. О-ва К. Рудзкій и К^о.
169. С. А. Трайнина.
194. Н. Бумана.
197. Имп. О-ва спасенія на водахъ.
203. Завода „Карлъ Винклеръ“.
206. О-ва издѣлій глухонѣмыхъ изъ Варшавы.
215. Карла Ульманъ.
228. К. А. Мительбергера.
242. А. Г. Евдокимова.
251. А. И. Голодниковъ.

Железобетонный навес. Экспонат Товарищества «Железо-Бетон»

План выставки на Каменном острове
Гр. инж. А. Алексеев

Планъ Выставки на Каменномъ Островѣ.

Сооружения Комитета Выставки.

- XV. Кухня при ресторанѣ.
- XVI. Ресторанъ.
- XVII. Музыкальная эстрада.
- XVIII. Концертный залъ.
- XIX. Уборная.
- XX. Общій павильонъ.
- XXI. Домъ администр. Выставки.
- XXII. Павильонъ электромеханическаго Отдѣла.
- XXIII. Пристань и вѣдукъ.
- МУЗ. ЭСТР. Музыкальная эстрада.
- БАЛ. ЭСТР. Балетная эстрада.

Сооруж. и павильоны экспонентовъ.

- М. И. Д. Мин. Импер. Двора.
- М. Т. и П. Мин. Торг. и Пром.
- В. К. Ж. Д. Китайск. Вост. ж. д.
- И. П. О. Импер. Пожари. О-ва.
11. Вайссъ и Фрейтагъ.
20. П. А. Будникова.
23. П. Т. Ипполитова.
34. С. В. Мансуровой.
46. С. И. Рудницкаго.
53. и 134. Т-ва „желѣзо-бетонъ“ и О-ва Боровичскаго завода, бывш. Е. Вахтеръ и К^о.
94. и 148. Т-ва зав. пневмат. машинъ.
105. Бодо Эгесторфъ.
124. Инж. С. Л. Котарскаго.
126. Д. А. Котельникова.
132. и 162. Новгородск. Губ. Земства.
133. Завода „Новъ“ (Русск. Белгійс. О-во).
143. И. И. Стеглау.
156. В. А. Яхимовича.
159. И. Э. Йонсонъ, Финляндія.
160. А. Е. Лаврушко.
202. Ваулина Н. К. и Гельдвейна, О. О.
214. Зав. Петербургск. О-ва произ-химическихъ продуктовъ.
235. Завода Антона Шульца.

Павильон
торговой фирмы
«А. Б. Эллерс»
Гр. инж.
К. И. Розенштейн

Павильон
строительной
фирмы «Вайс
и Фрейтаг»
Гр. инж.
Н. В. Васильев

например, представило большой железнодорожный навес на двух опорах и лодки из столь необычного материала. Эта фирма, действовавшая в России с 1900 года и освоившая системы «Монье» и «Матрай», возвела на территории выставки еще и каркасный павильон для Международного технико-промышленного товарищества. Петербургское строительное бюро железобетонных работ демонстрировало монолитную висячую лестницу с площадкой на одной опоре.

Некоторые частные павильоны сами выступали в качестве экспонатов и поэтому резко выделялись из общей стилевой гаммы комплекса. Здесь проявился рекламный характер, присущий выставочной архитектуре. Примером может служить павильон шведской строительной фирмы «А. Б. Эллерс», построенный по проекту недавнего выпускника ИГИ Константина Исаевича Розенштейна. Он был собран из бетонных изделий, выпускаемых фирмой. Активную роль в пластическом решении фасадов и интерьера играли большие канализационные трубы яйцевидного сечения.

Интересный павильон по проекту известного гражданского инженера и архитектора-художника, мастера модерна Николая Васильевича Васильева выстроила из монолитного железобетона одна из крупнейших строительных фирм Европы «Вайс и Фрейтаг». Металлическая

арматура была выпущена в угловых башнях наружу и стала своеобразным декоративным украшением фасада. Торговую эмблему фирмы, в виде пространственной металлической скульптуры, смело врезали в бетонный чепец, словно напоминающая о структуре нового строительного материала.

В отдельном павильоне помещалась механическая лаборатория Института инженеров путей сообщения, где экспонировалась многочисленная коллекция подвергшихся различным испытаниям естественных

и искусственных строительных материалов, их эталоны, установленные международными конгрессами.

Выставка работала в течение трех месяцев. Ее посетило около 100 тысяч человек. Специально издававшееся еженедельное «Обозрение Международной строительной-художественной выставки» взяло на себя задачу популяризации целей выставки, а также рекламу представленных образцов. Кстати, некоторые экспонаты этой выставки сохранились до наших дней. И сегодня на Каменном

Павильон
Санкт-Петербурга
Гр. инж.
А. А. Алексеев

Павильон
строительной
фирмы «Бодо
Эгесторф»
Гр. инж.
Л. А. Ильин

острове еще можно увидеть легкий и стремительный навес товарищества «Железо-Бетон» и два изящных арочных железобетонных мостика, перекинутых через канал. Построены они, вероятно, либо тем же товариществом, либо фирмой «Вайс и Фрейтаг». Здесь же можно обнаружить и павильон строительной фирмы «Бодо Эгесторф», сооруженный из железобетонных изделий этого предприятия по проекту гражданского инженера Льва Александровича Ильина, построившего к тому

времени в Петербурге три доходных дома, школу и три моста. Выставка принесла большую пользу экспонентам и посетителям, познакомившимся с новейшими достижениями отечественной и зарубежной строительной промышленности, с основными тенденциями развития декоративно-прикладного искусства. Подводя итоги этого смотра, журнал «Зодчий» писал: «Важно то, что как-никак, а удалось устроить первую на Руси международную выставку зодчества, и в столь

сравнительно крупных размерах, — выставку, давшую нам возможность ознакомиться с успехами собственного строительства и сравнить их с примерами Запада. И это сравнение

вышло весьма для нас утешительным: оказалось, что у нас есть немалый запас сил и талантов, не уступающих во многом нашим западным соседям, а это главное». [4]

ЛИТЕРАТУРА

1. Иллюстрированный альбом международной строительно-художественной выставки. СПб., 1908.
2. В Императорском СПб. обществе архитекторов // Зодчий. 1908. № 2. С. 13–14.
3. Международная строительно-художественная выставка // Зодчий. 1908. № 30. С. 271.
4. Мод. По строительной выставке // Зодчий. 1908. № 39. С. 364.

УДК 72.03:72.011.3

Светозар Павлович Заварихин,
доктор архитектуры, профессор
(Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

Svetozar Zavarichin,
Dr. of archit., Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ХОМУТЕЦКИЙ

NIKOLAY FEDOROVICH KHOMUTETSKU

Статья освещает основные вехи жизни и творчества профессора Н. Ф. Хомуцкого, с именем которого связан большой и сложный период в истории ЛИГИ–ЛИСИ. Приводятся факты биографии Хомуцкого, характеризуются его проектные работы, его вклад в историко-архитектурную науку.

Ключевые слова: *Хомуцкий, проекты, история архитектуры, кафедра, руководство.*

The article highlights the main milestones of life and creativity of Professor N. F. Khomutetsky, whose name is associated with a large and difficult period in the history of LEAGUE–FOX. The facts of Khomutetsky's biography are given, his project and scientific works, his contribution to the historical and architectural science are characterized.

Keywords: *Khomutetsky, projects, history of architecture, department, management.*

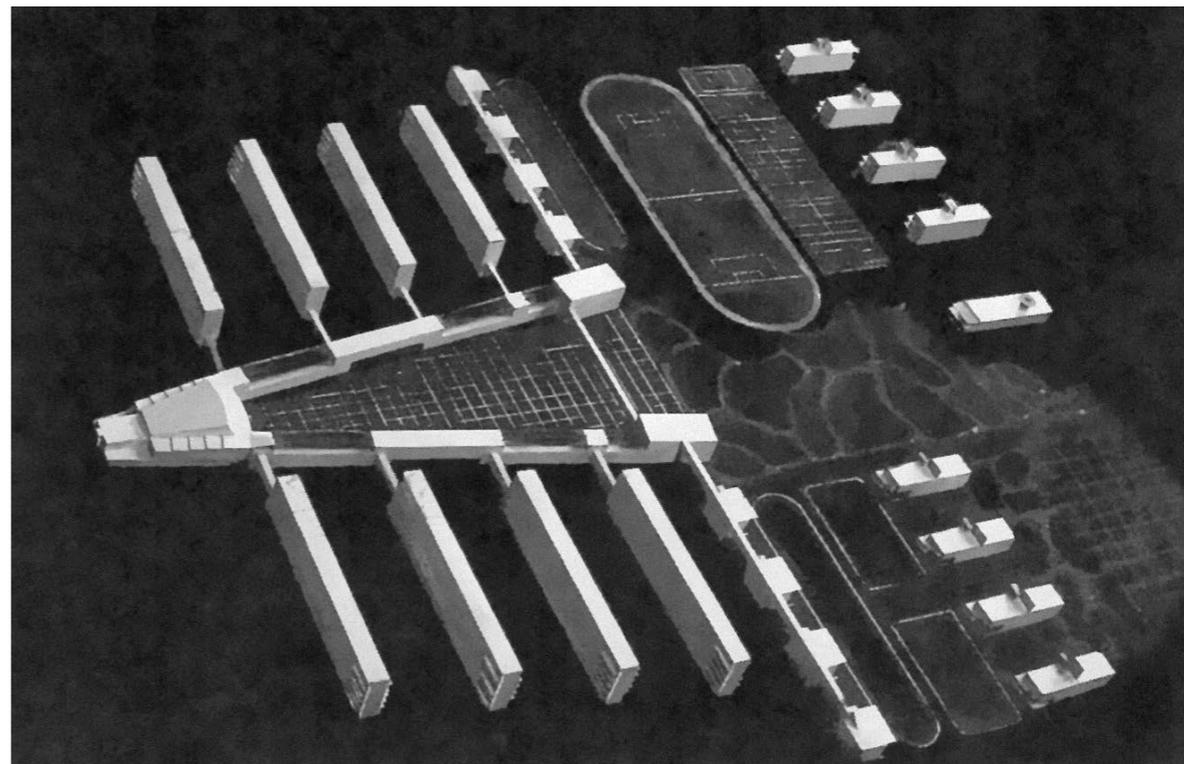
Николай Федорович ушел из жизни, когда ему было всего 68 лет. Сказалось всё: трудная голодная юность, фронтовые годы, контузия, безостановочная напряженная работа — проектная, научная, педагогическая, административная. И не отпускающее ни на минуту чувство ответственности за всё: за качество окружающей жизни, за уровень науки и преподавания, за свой институт, за свое дело... Про таких говорят: «Сгорел на работе».

Судьба крупного ученого и руководителя, возможно, была predetermined самим революционным годом рождения. 1905 год для России оказался началом

судьбоносного периода, во многом трагического, но освещенного великой романтической мечтой о справедливом светлом будущем.

Родиной ученого был небольшой приволжский городок Николаевск, близ Камышина. Именно там 23 ноября (6 декабря) 1905 года в семье столяра Федора Дмитриевича Хомуцкого и его жены Анастасии Игнатьевны родился сын Николай. Как и многие в то время, мальчик с раннего детства помогал семье, а в голодные годы Гражданской войны он в тринадцать лет начал работать — стал учеником плотника. Позже работал жестянщиком. Так и пришел он,

Члены профкома
1930
Третий слева —
Н. Хомуцкий

семнадцатилетний, в застиранной рабочей робе в комсомольскую ячейку. Вскоре бывший подмастерье становится молодежным вожаком и сотрудником отдела народного образования УКОМа (райисполкома). В 1927 году Николай закончил школу и стал студентом Ленинградского института гражданских инженеров (ЛИГИ), директором которого в то время был гражданский инженер Адам Иосифович Дитрих.

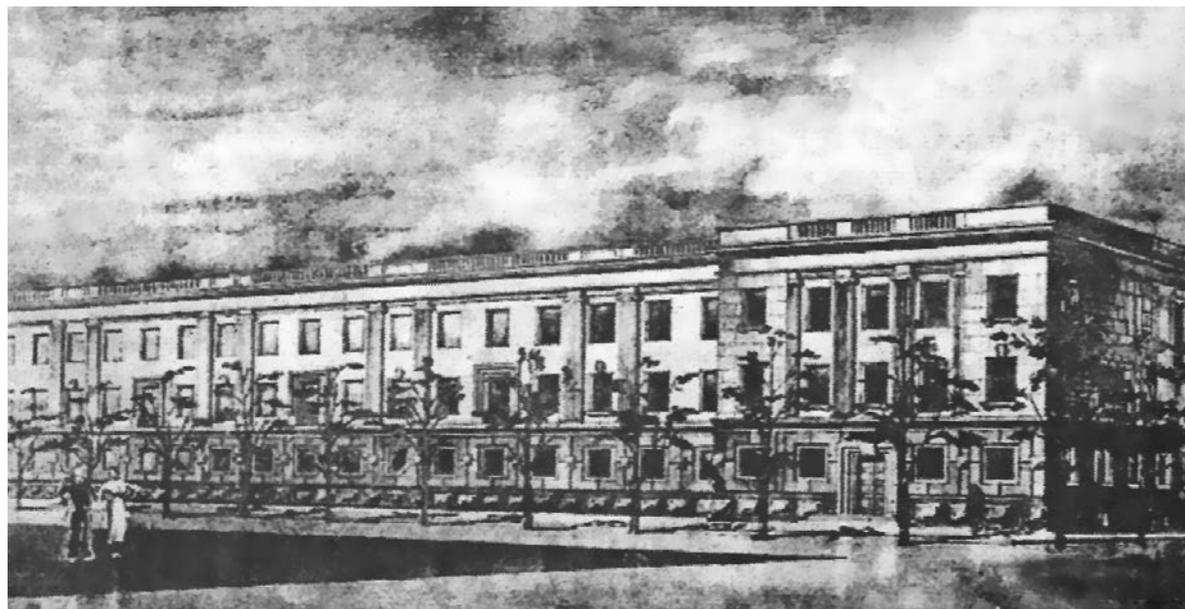
Общественная активность Николая и в студенческой среде сразу вывела его в ряды лидеров. Поэтому уже на втором курсе он стал председателем академической комиссии института

и ответственным за большую группу принятых без экзамена «парттысячников» и «профтысячников» — людей старше 30 лет, прошедших первичную подготовку на рабфаках и подготовительных курсах при строительных организациях.

В 1929 году в ЛИГИ, продолжавшем готовить гражданских инженеров, отделения были вновь преобразованы в факультеты, среди которых был и инженерно-архитектурный. Специализация теперь начиналась с 1 курса. Господствовали лабораторно-бригадный и бригадно-групповой методы учебы. Защиты дипломных проектов были отменены. В том же 1929-м

Конкурсный проект дома-коммуны на 2000 человек 1930

Авторский коллектив:
П. Н. Жуковский,
А. И. Князев,
Н. М. Проскурин,
Б. Р. Рубаненко,
Н. Ф. Хомуцкий,
Н. Ф. Шадрин

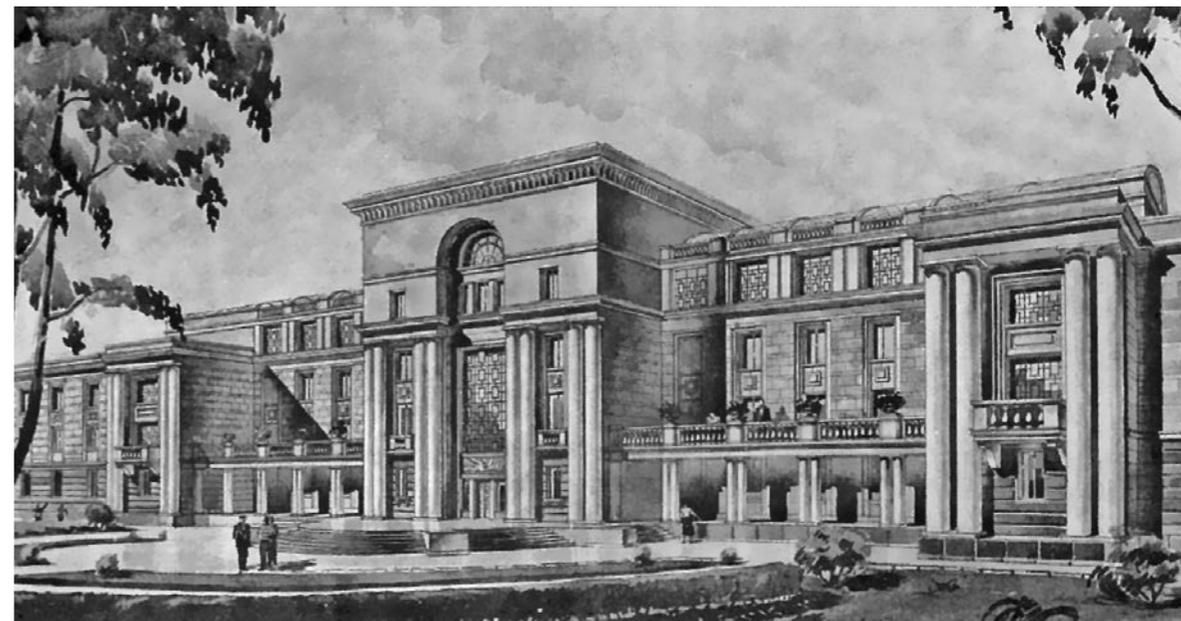

Проект дома инженерно-технических работников (ИТР) Ижорского завода 1936

Николай стал членом организованной в Ленинграде ячейки Всероссийского объединения пролетарских архитекторов (ВОПРА), где утверждалась «левацкая» идея отказа от квартирных домов как «пережитка мелкобуржуазного мещанства» в пользу домов-коммун. Эта идея тогда была настолько популярной, что Ленсовет в 1930 году даже объявил конкурс на проект дома-коммуны на две тысячи человек. Вторую премию на этом конкурсе получил проект, выполненный молодежной бригадой ВОПРА, в которую кроме Хомуцкого входили еще пять человек, включая будущего известного зодчего Б. Р. Рубаненко. В проекте отчетливо проявились характерные для того времени утопизм и упрощенность представлений о жилище будущего,

но принципиальная установка на определенную согласованность жилых и общественных функций не потеряла своей актуальности до сих пор, более того, она имеет перспективу развития, хотя и на иной технической и идеологической основе.

В 1930 году ЛИГИ был переименован в ЛИКС (Ленинградский институт коммунального строительства). Его новый директор, 43-летний слесарь С. И. Краузе, распорядился осуществить массовый прием студентов (660 человек), в связи с чем началось строительство учебного корпуса на 3-й Красноармейской (проект разработали выпускники ЛИГИ Л. М. Хидекель и К. И. Дергунов). Часть организационной работы, связанной с нововведениями, легла на плечи активиста Хомуцкого.

Тем не менее в 1931 году он в составе руководимой им бригады однокурсников (куда входил и будущий главный архитектор Ленинграда Н. В. Баранов) разрабатывает и выпускает проект Дворца культуры в Москве и получает диплом о высшем образовании.

Как способный и активный специалист Николай был зачислен в аспирантуру при кафедре архитектурного проектирования. В 1932 году он возглавил архитектурно-планировочное отделение ЛИИКСа (так стал называться институт), а в 1934-м стал сотрудником

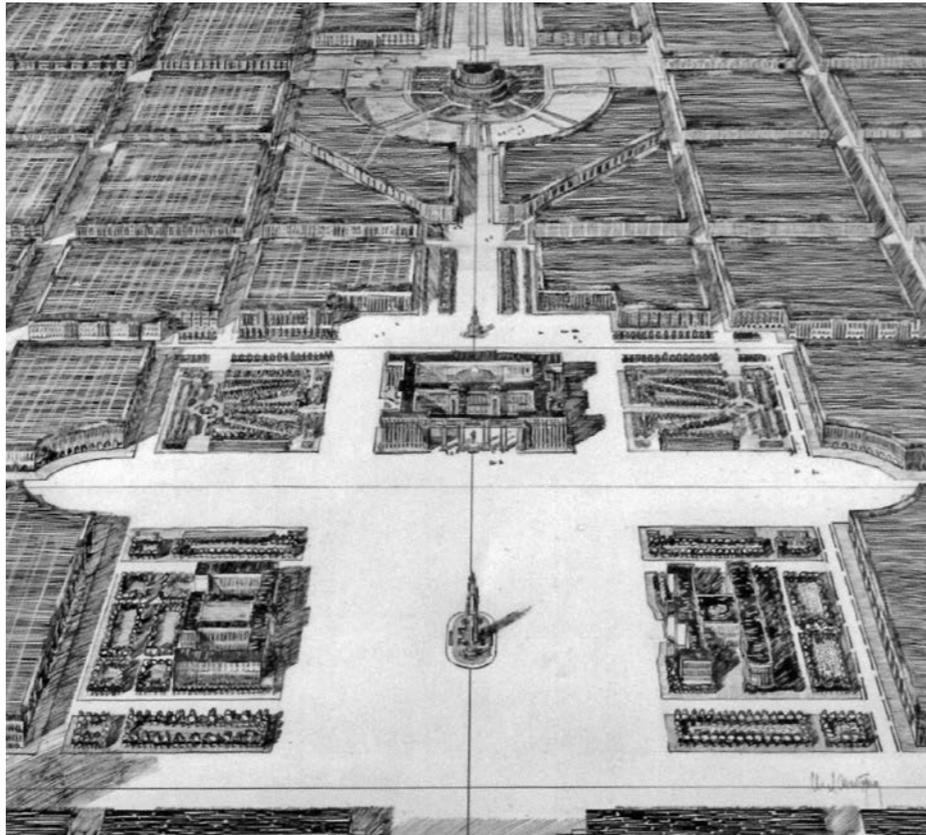
Проект Всесоюзного института защиты растений (ВИЗР) в Москве (совместно с Ю. А. Волковым) 1937

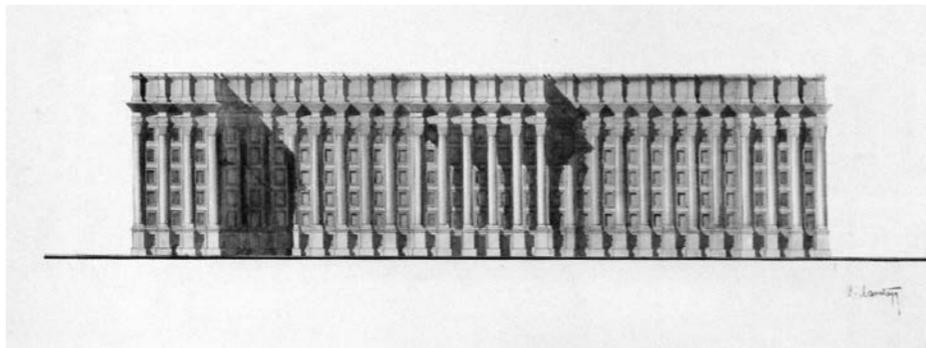
Проект студенческого санатория в Мартышкино, под Ленинградом (совместно с Изосимовым) 1935

Проект городского
Дома Советов
в Ленинграде.
Закрытый конкурс
1936

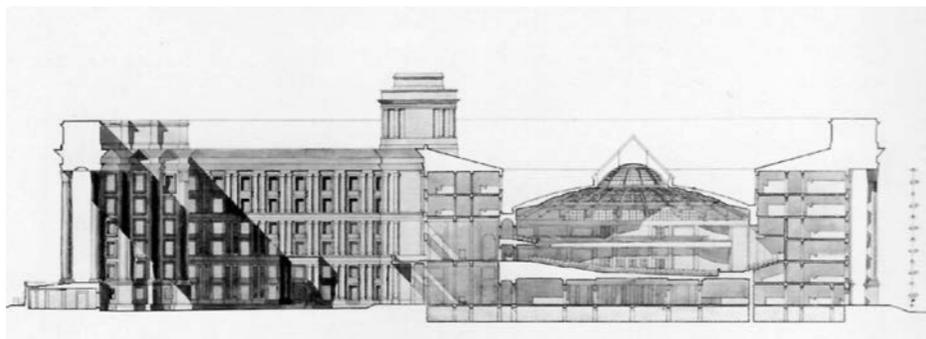
а – план ансамбля
б – боковой фасад
в – разрез

а

б

в

(позже заведующим) Кабинета архитектуры. В том же году Хомуцкий вместе с первым председателем Ленинградского отделения Союза архитекторов СССР Х. Касумовым добивается передачи Союзу прекрасного особняка министра Двора А. А. Половцова на Большой Морской улице (здесь Союз архитекторов располагается и поныне).

Первые четыре года после окончания института были отданы конкурсному и экспериментальному проектированию. Работая по-прежнему в составе бригады ВОПРА, Николай Федорович участвовал в разработке

таких крупных проектов, как Театр рабочей молодежи (ТРАМ), планировочное решение ЦПКиО, жилмассив «Красный путиловец» с домами для инженерно-технических работников (ИТР) с квартирами-купе и развитым комплексом общественного обслуживания. Одновременно для ИТР Ижорского завода был спроектирован дом Металлостроя (на 25-й линии), где использовались секции «путиловских» зданий.

Общественная и проектная активность молодого архитектора не оставляла времени на науку, и работа над диссертацией растянулась на долгие семь лет.

Экспериментальная школа на ул. Пестеля, 16б.

В 1935 году, после окончания срока аспирантуры, Хомуцкий становится штатным сотрудником кафедры истории и теории архитектуры, а по совместительству начинает работать в тресте Ленпроект, где в соавторстве с другими сотрудниками (А. И. Изосимовым, Ю. А. Волковым, Г. А. Симоновым, Д. В. Дмитриевским) выполняет проекты крупного студенческого санатория, Всесоюзного института защиты растений, типовых секций для застройки кварталов. Одновременно в творческой группе известного зодчего И. Г. Лангарда Николай Федорович разрабатывал конкурсный проект ленинградского Дома Советов. Архитектурный образ этого громадного здания отражал попытку авторов выполнить официальный заказ на создание

«большого ленинградского стиля» — своеобразной вариации на тему неоклассицизма как альтернативы «безродному» конструктивизму.

Все проекты Хомуцкого середины и второй половины 1930-х годов выполнены в характерной для этой эпохи переходной стилистике, тяготеющей к классическим формам. Эта творческая ориентация отражена в зданиях трех школ, на 880 учащихся каждая, построенных по проектам молодого зодчего в Ленинграде (на улицах Введенской, Пестеля и Ярославской), а также в проекте жилмассива на улице Скороходова, где была предусмотрена традиционная для города периметральная застройка, но дополнительно обогащенная скульптурными группами у «входа» в квартал.

Несмотря на столь обширную проектную практику Николай Федорович находил время для общественной и научной работы. В 1937 году он много времени отдал подготовке к Первому съезду архитекторов СССР в Москве. В этом же году он стал главным редактором журнала «Архитектура Ленинграда», а через год защищает кандидатскую диссертацию на тему «Архитектура эпохи империализма». К этому времени Хомуцкий уже известен как архитектурный критик. Его первой значительной публикацией была обзорная статья 1931 года о конкурсе на проект Дворца

культуры молодежи в Москве. Большой резонанс в 1936 году вызвала статья об архитектуре Ленинграда. Внимание архитектурной общественности привлекали также критические и аналитические материалы, посвященные итогам прошедшей в Ленинграде творческой дискуссии, архитектуре советских павильонов в Париже

и Нью-Йорке (1937, 1939) и архитектурному образованию (1940).

В 1940 году Николай Федорович утверждается в доцентом кафедры архитектуры и назначается помощником декана архитектурного факультета. В новой должности заместителя декана он проработал всего несколько дней — начавшаяся война

Кафедра истории архитектуры в 1972 году. Слева направо.

1-й ряд: ст. преп. Г. И. Лоханов, асс. Э. М. Луцко, лаб. Л. А. Милютина, асс. Б. А. Блохин

2-й ряд: проф. В. И. Пилявский, доц. Т. И. Добрецова, проф. Н. Ф. Хомуцкий, доц. Т. И. Лукьянова, проф. А. М. Соколов

3-й ряд: ст. преп. Г. И. Алексеев, асс. Т. А. Славина, ст. лаб. Владимирова М. В., асс. С. П. Заварихин, асс. Л. А. Шауб, асс. И. В. Погудина, ст. преп. А. А. Боровков

перечеркнула все планы. Военкомат вместо народного ополчения (куда он записывался) направил его в Москву на ускоренные курсы при Военно-политической академии. Оттуда в октябре 1942 года он был отправлен на Сталинградский фронт инструктором в политотдел 49-й армии, с которой прошел до германской столицы, участвовал во встрече с английскими и американскими войсками на Эльбе и день Победы встретил в Берлине. Боевые награды достались дорого — он поднимал бойцов в атаки, был контужен, серьезно подорвал здоровье.

В январе 1946 года Николай Федорович вернулся в свой институт, который уже пять лет назывался инженерно-строительным (ЛИСИ). Из-за нехватки кадров сразу же был зачислен доцентом двух кафедр — архитектуры и истории архитектуры. В 1947 году становится заместителем директора института по учебной и научной работе, одновременно исполняя обязанности заведующего кафедрой истории архитектуры. Через год, в самый разгар «Ленинградского дела», когда руководящая должность любого масштаба была смертельно опасной, Хомуцкого выбирают директором ЛИСИ. Дамоклов меч репрессий висел и над ним (он был шестым в «черном» институтском списке). Но фронтовые заслуги и активное участие в развернутой

тогда кампании установки памятников Ленину отвели от него беду.

В 1950 году Хомуцкий завершил работу над докторской диссертацией «Архитектура двух миров». Но такое название не устраивало утверждающие инстанции. Поэтому, освободившись в 1952 году от обязанностей директора института, Николай Федорович в 1953-м уходит на два года в докторантуру Института истории искусств АН СССР. В июне 1955 года он возвращается к обязанностям заведующего кафедрой истории архитектуры, а через год становится доктором искусствоведения, затем профессором и полностью сосредотачивается на учебной и научной работе. Руководит кафедрой до 1972 года, когда по состоянию здоровья был вынужден перейти на должность профессора-консультанта.

Николай Федорович никогда не умел работать вполсилы. Избрав своим научным направлением архитектуру капитализма и социализма, он первым подготовил большой лекционный курс по этой теме, собрал очень большой информационный материал, изготовил наглядные и подробные иллюстративные таблицы, создал уникальный фонд стеклянных диапозитивов, первым в стране выпустил соответствующие учебные пособия. Одновременно Хомуцкий заботился о научных кадрах, руководил

работой 15-ти аспирантов (среди них В. Л. Ружже, А. Л. Пунин, Г. И. Алексеев, А. В. Повелихина, Н. П. Овчинникова, С. П. Заварихин). Читал лекции в Казани и Новосибирске, много времени отдавал работе в Союзе архитекторов.

Научное наследие Николая Федоровича Хомуцкого составляет более 130 публикаций, включая книги по истории архитектуры. В годы разрядки международной напряженности (1960-е) ему удалось побывать

в Италии, Франции, Финляндии и Швеции. Итогом этих поездок стали книги «Стокгольм» и «Загреб», а также серия статей.

Внешне спокойный, неторопливый Николай Федорович удивительным образом умел при этом добиваться своего, четко организовывать работу кафедры, спрашивать с каждого сотрудника, но и заботиться о каждом. Многие с большой теплотой и благодарностью вспоминают о нем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕКЦИЯ

Газета «За строительные кадры», 7 июня 1972 г.

Не столь уж редкое явление — цветы на кафедре у лектора. Мало ли поводов для выражения признательности!

Но эти багряные, с чуть синеватым отливом цветы... Нет в них беззаботной красоты, обычной безмятежности. В затемненной аудитории на четвертом этаже архитектурного факультета, где все уже готово для лекции по современной

архитектуре, эти цветы выглядят несколько странно, и, может быть, поэтому они тревожно подрагивают от невидимого ветра. А может быть потому, что множество глаз задумчиво осматривает каждый остроконечный их лепесток.

В необычной тишине ожидалось начало этой лекции, последней лекции профессора Николая Федоровича Хомуцкого,

завершающей более чем сорокалетнюю напряженную его деятельность в нашем институте.

Хорошие люди из хороших побуждений придумали определение «заслуженный отдых», имея в виду уход на пенсию. Все правильно, отдых действительно заслуженный, и все же...

И все же сколько мучительных раздумий приносит иной раз сознательное решение о таком вот заслуженном отдыхе, с каким упорством люди ищут в себе силы отодвинуть этот рубеж. Это одно из тех решений, которых не так уж много на жизненном пути и которые действительно нужно выстрадать.

К последней лекции профессор готовился необычно долго. Кажется, все на месте, знакомо, не в первый раз, материал подобран, а он все сидел и сидел в узкой комнате диатеки — час, другой, третий. Громадный, во всю стену стеллаж темного дерева, сплошь заставленный ящичками

с диапозитивами, хранил тишину и, казалось, оберегал неподвижную фигуру за столом.

Сейчас диатека действительно выглядит внушительно и солидно, одна из самых больших в стране по истории новейшей архитектуры, а тогда, в тридцатые годы, все начиналось почти с нуля. Молодым аспирантом, увлеченным, настойчивым, создавал он и кабинет истории архитектуры, и эту вот диатеку, и журнал «Архитектура Ленинграда». Много сил отдал участию в создании Ленинградского отделения Союза архитекторов. И успевал учиться, писать статьи, выступать на бурных студенческих и профессиональных диспутах, читать лекции от общества «Знание», работать в оргкомитете по созыву I Съезда советских архитекторов, в различных комиссиях. Одновременно проектировал и строил жилые дома и школы, внедрял прогрессивные виды строительства — плитно-сборное и монолитное в подвижной опалубке. И при такой нагрузке сумел защитить диссертацию, а вместе с ней получить, конечно, и новые нагрузки.

Бурные тридцатые годы... Молодая страна поднималась, крепла, гигантскими темпами ускоряла жизнь и вместе с ней, в таком же захватывающем темпе росли люди. И отдавали себя делу без остатка. Сейчас, на исходе седьмого десятка, это называется. Но тогда о здоровье

думать было некогда. Тем более что здоровьем, как говорится, бог не обидел: коренастый крепыш-подросток работал и плотником и жестянщиком, ловко справляясь с любым нехитрым, но требующим сноровки и силы делом. Так и пришел он в застиранной рабочей робе в комсомол, таким помнят его на комсомольских и профсоюзных собраниях среди таких же вот увлеченных громадностью событий, быстро взрослеющих семнадцатилетних. Замелькали события и годы: бывший подмастерье становится комсомольским работником, затем студентом института гражданских инженеров, аспирантом, членом партии. И все это время ни на день не прекращалась активнейшая комсомольская, партийная и профсоюзная работа.

Увлеченность современностью осталась на всю жизнь. И даже профессия историка, которая, казалось бы, сама тянет погрузиться в прошлое, превратиться в кабинетного ученого, — даже эта профессия не помешала, а напротив, помогла ему находиться в самой гуще современности, ибо известный в стране историк архитектуры, автор более чем ста научных трудов, впервые осветивший громадный и противоречивый период истории зодчества с середины XIX века, ученый, создавший целую школу своих последователей и учеников и сам прошедший великолепную

школу у выдающихся историков архитектуры И. Б. Михаловского и И. Э. Грабаря, он с юных лет строил современность своими руками, защищал ее в грозные годы фашистского нашествия как офицер-фронтовик и просто не мог смотреть на жизнь только как на предмет научного исследования, холодно и расчетливо раскладывая по полочкам эпохи и периоды. Окрыленные энтузиазмом тридцатые годы, гневные сороковые, трудные послевоенные будни — они никуда не ушли, не стали историей, они просто не поддавались никакому укладыванию в спокойное ложе прошлого.

Прошлые и настоящее связаны крепчайшими нитями. Связи эти будущим профессором ощущались вначале интуитивно, каким-то внутренним чутьем; потом, с годами, пришел опыт, научный анализ помог раскрыть эти связи и осветить прошлое и настоящее взаимно пересекающимися лучами. В конце концов пришло твердое решение писать историю современной, новейшей архитектуры.

Кто не знаком с профессией историка, тот, вероятно, не знает, как это необыкновенно трудно — исследовать историю современности. Лавина фактов, событий — и все крупно, объемно, во плоти, с мельчайшими подробностями, так близко, что порой заслоняется главная перспектива, столь необходимая для историка. И нужно

в совершенстве владеть методом научного анализа, чтобы подняться над этой лавиной, над «близорукостью» многочисленных сиюминутных фактов. А главное — не замыкаться в узких рамках чисто профессиональных интересов.

И поседевший уже профессор вновь и вновь — десятки раз! — избирается членом партбюро факультета и в состав бюро райкома партии. И одновременно руководит работой аспирантов, возглавляет кафедру истории и теории архитектуры. В течение пяти лет был заместителем, а затем и директором ЛИСИ. Трудная, беспокойная жизнь, не оставляющая времени для жалоб даже самому себе. Нужно держаться в хорошей форме.

Внешне он даже как будто нетороплив, расчетлив в движениях, негромкий голос почти всегда ровен, повышается только для смыслового акцента; что-то академическое даже чувствуется во всей этой сдержанности, но как плодотворна создаваемая им атмосфера содружества людей в общем деле — атмосфера спокойная, но заставляющая каждого предъявлять к себе высокие требования. Очевидно поэтому кафедра под его руководством не выходит из числа лучших в институте, известна и авторитетна во всех архитектурно-строительных вузах страны. Можно со спокойной совестью передавать дела в другие руки. А теперь нужно

идти, — наверное, звонок скоро. На последнюю лекцию.

Пронзительный звонок, который раньше заставлял вздрагивать, на этот раз принес успокоение: значит, все в порядке, обычная лекция, радость, встреча с юностью, со своими студентами, пытливые трудные вопросы.

Лекция. Маргарита Васильевна, старший лаборант, бесменный страж кафедры, уже, наверное, все подготовила. Восемнадцать лет она ассистирует ему на лекциях, и сегодняшний день для нее тоже не из легких.

Однако надо идти, студенты уже ждут. Сегодня можно чуть помедленнее, сегодня такой день...

Первое, что бросилось в глаза, — цветы. Они были удивительно красивы, эти цветы в затемненной аудитории, настолько, что в первое мгновение даже потерялось восприятие всего остального.

Почему они стоят, почему аплодисменты?

Да, все-таки это не просто лекция. Это — прощание.

Слова не приходили. Как-то все перемешалось, вспомнилась первая лекция. Как недавно, кажется, это было — и как, оказывается, давно...

Деловито вспыхнул экран. Знакомые контуры здания ЮНЕСКО в Париже, знакомые имена Корбюзье, Нерви. Голос профессора звучит уже привычно и спокойно, самообладание

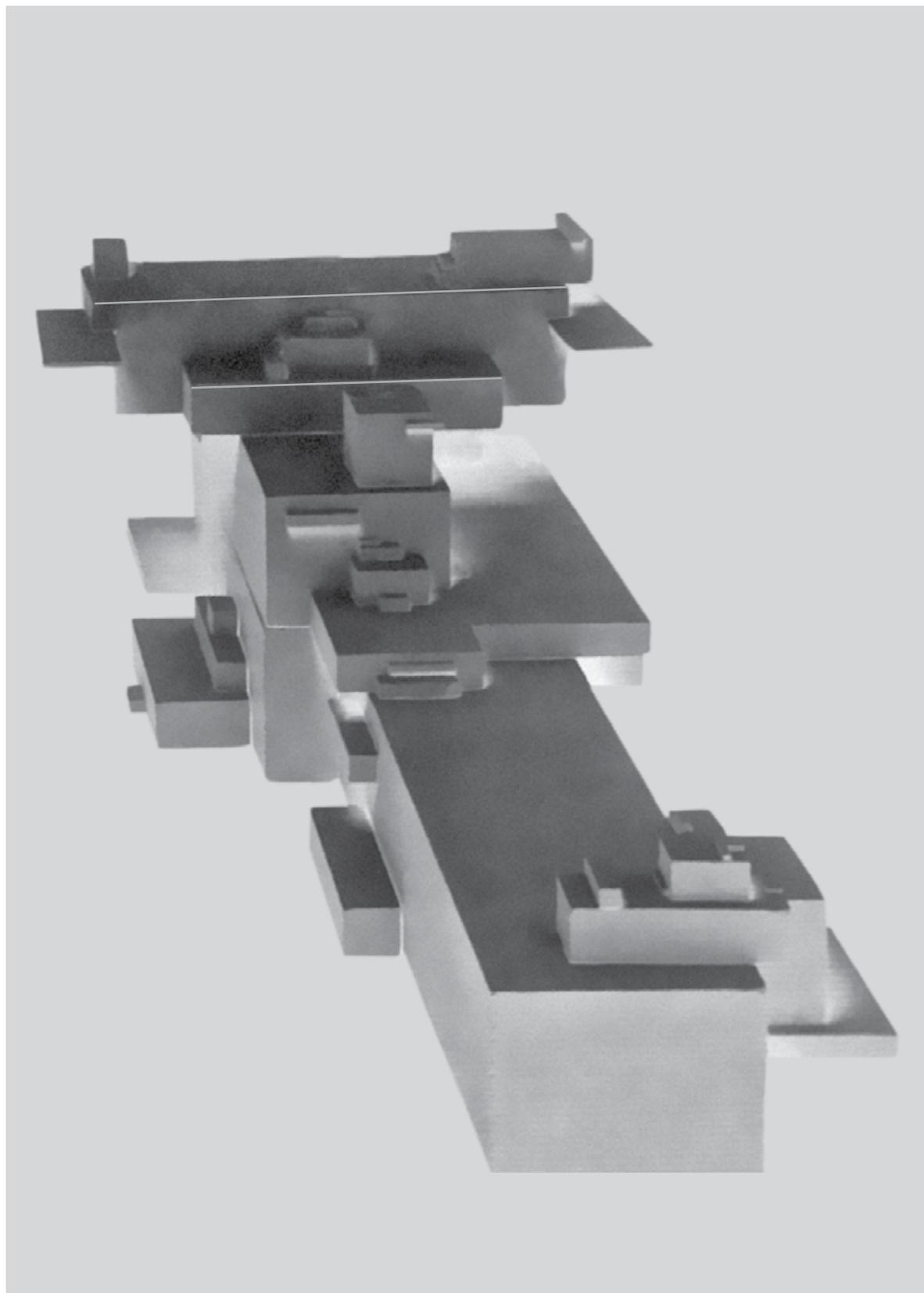
вернулось, внимательная тишина рождает вдохновение.

В небольшую аудиторию на четвертом этаже архитектурного факультета входит большой, трудный, прекрасный мир зодчества, мир сомнений, борьбы и созидания, мир, которому без

остатка отдает себя Николай Федорович Хомуцецкий.

СВЕТОЗАР ЗАВАРИХИН,
аспирант кафедры истории
и теории архитектуры
Фото студента 4 курса АФ
Андрея Прохоренко

Прим. ред.: Николай Федорович скончался 19 сентября 1973 года, через три месяца после защиты диссертации его последним аспирантом — автором этой статьи. Продолжая дело своего научного наставника, С. Заварихин подготовил авторский лекционный курс «Современная архитектура» и выпустил два учебника по этой теме (недавно переизданы).

УДК 72.03:72.011.3

Светозар Павлович Заварихин,
доктор архитектуры, профессор
(Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

Svetozar Zavarichin,
Dr. of archit., Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

ИЗ ПЛЕЯДЫ ПИОНЕРОВ

ЭСКИЗ ТВОРЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛАЗАРЯ ХИДЕКЕЛЯ (1904–1986)

Когда на заре прошлого века навстречу театрально задрапированному вещному и архитектурному миру вышел младенчески целомудренный, бескомпромиссный в своей черно-белой графичности и почти еще бесплотный концептуальный мир «новой архитектуры», это не было капризом истории, ее случайным витком. Столетиями развивавшаяся изобразительность «второй природы», достигшая апогея в разлитом море эклектизма, должна была породить свой антипод — холодноватую геометризованную структурность кубизма, супрематизма, конструктивизма, функционализма, футуризма и других архитектурных течений, в основе своей

имеющих одно, искреннее и чистое стремление — организовать материальный мир не одеванием его в маскарадные костюмы, а формируя его по законам первородных структур, «изнутри — наружу», приводя к гармонии и логике прежде всего внутренний организм зодчества.

Революционный взрыв в России многократно усилил утопическое это стремление к рациональному конструированию мира. Именно такой — вселенский — масштаб характеризует сущность «новой архитектуры», а вовсе не только рациональность строительных конструкций и «переплавка» их в архитектурные формы, как это нередко утверждается. Это была эпоха озарений — неповторимые наши

Марк Шагал

Лазарь Хидекель – студент. 1920

двадцатые годы! Каждый вид искусства и литературы подарил истории имена мирового значения, а также множество имен не столь громких, но значительных своим вкладом в создание художественно плотной ткани своего времени, в расширение сфер бытия нового языка искусства, в освобождение его из колбы элитаризма для внедрения в широкую практику художественного процесса. Каждое такое имя — это страница истории нашей культуры. Одно из них — Лазарь Хидекель.

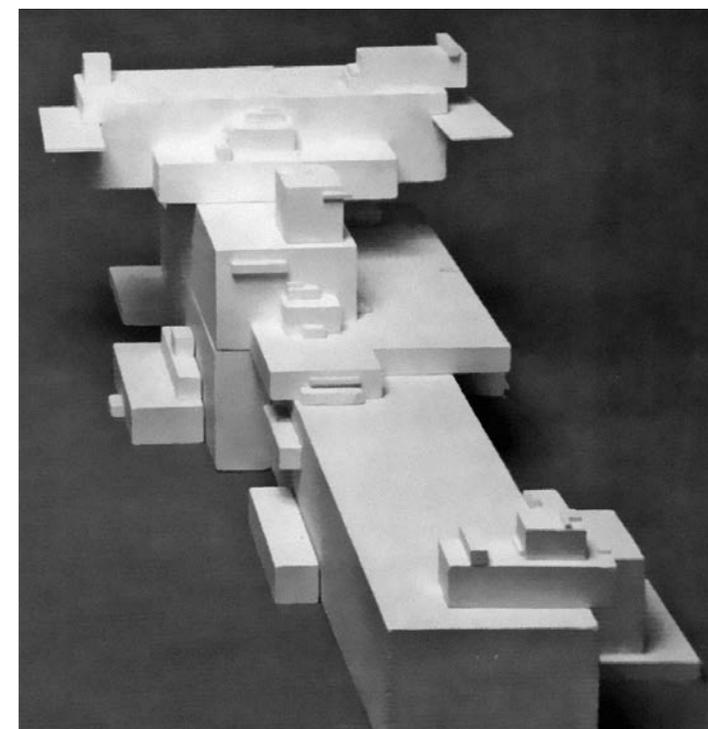
...В первые послереволюционные годы значительные художественные центры возникали один за другим. Часто недолговечные, они благодаря интенсивности творческого горения и стимулирующей насыщенности своего времени сумели подарить миру не одно художественное открытие. В небольшом провинциальном Витебске Марк Шагал в начале 1919-го возглавил Народную художественную школу, ставшую вскоре одним из известных центров нового искусства. И это неудивительно! Кроме самого Шагала, там преподавали Мстислав Добужинский, Казимир Малевич, Лазарь Лисицкий, Вера Ермолаева.

Среди учащихся первого набора был и четырнадцатилетний сын известного в Витебске каменщика Марка Хидекеля — Лазарь, принятый в школу «в порядке исключения» из-за возраста.

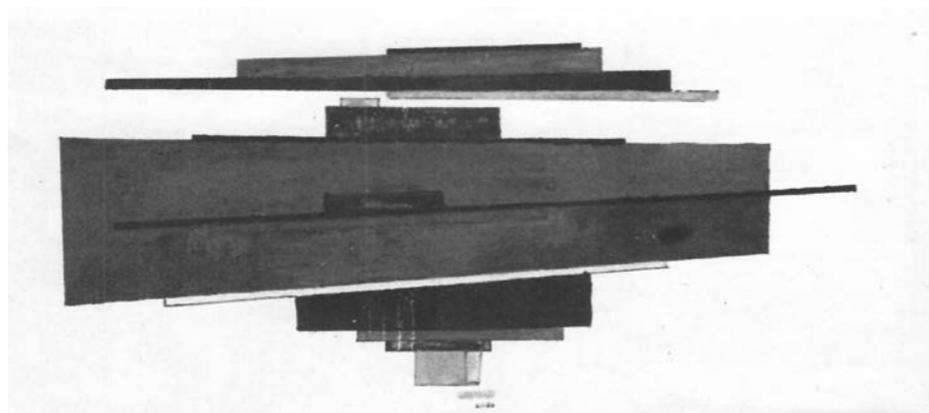
Группа УНОВИС. 1920. (стоят, слева направо): Иван Червинко, Казимир Малевич, Ефим Рояк, Анна Каган, Николай Суетин, Лев Юдин, Евгения Магарил; (сидят слева направо): Михаил Векслер, Вера Ермолаева, Илья Чашиник, Лазарь Хидекель

Художническая одаренность юного Хидекеля проявилась рано: уже в 1919 году его живописные работы выставлялись в Москве среди работ его наставников. В этом же году он становится членом творческой группы УНОВИС (Утвердители нового искусства), созданной в училище Малевичем и Лисицким. Программа группы отражала типичный для того времени архитектуроцентризм: зодчество в 20-х годах представало важнейшим организующим искусством, объединяющим, синтезирующим все другие искусства и жизнестроительные концепции. Работа с супрематистом Малевичем над

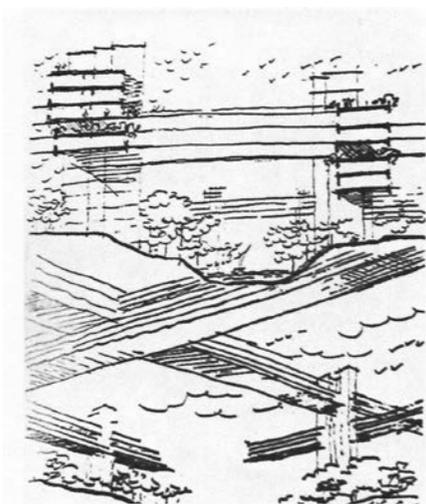

Казимир Малевич. Архитектон

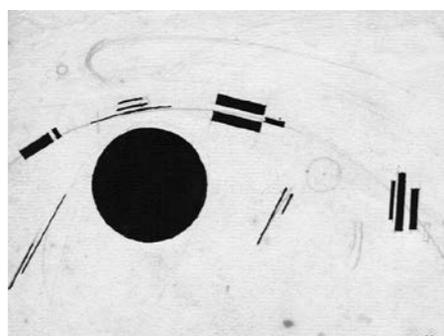
Л. Хидекель
«Динамическое
равновесие». 1921

Л. Хидекель
Концепция
«Формирующий
элемент»
1921

Л. Хидекель
Пространственная
композиция
1921

бесфункциональной «чистой архитектурой» повлияла на грядущее обращение живописца Хидекеля к профессиональному

занятию искусством. Его архитектурные способности проявились с первого курса: на двух выставках УНОВИСа демонстрировались созданные им архитектурные и космические фантазии.

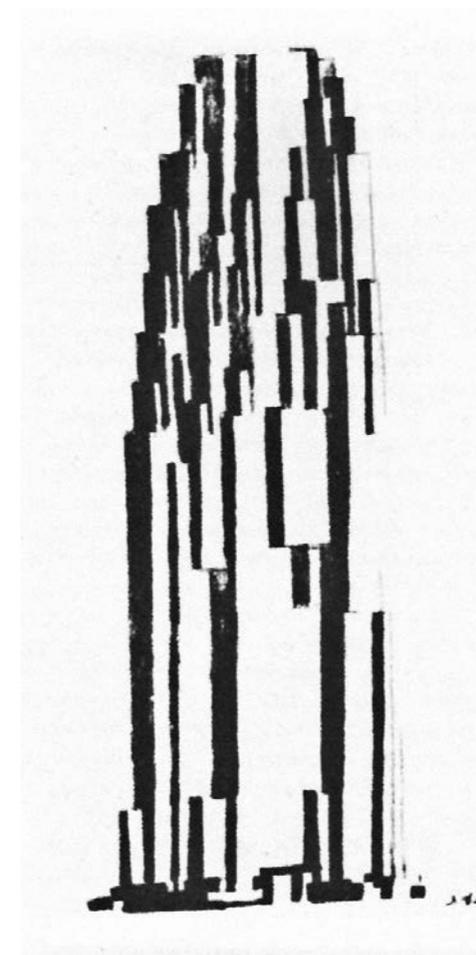
Сохранилось более трех десятков листов с графическими композициями Хидекеля 1920–1922 годов. Все они отражают характерные для уновисцев искания «супрематического ордера» — прогнозируемой тектонической системы всей пространственной среды. В основе этой системы были параллелепипед и производные от него на тех трех взаимно перпендикулярных осях, что в наибольшей мере отвечало идее упорядочения мира, приведению его к наглядно воспринимаемой гармонии ясных отношений. Супрематические композиции в совокупности с работами других художественных центров создавали задел новых принципов формообразования, который со второй половины 20-х годов обеспечил взрывоподобный

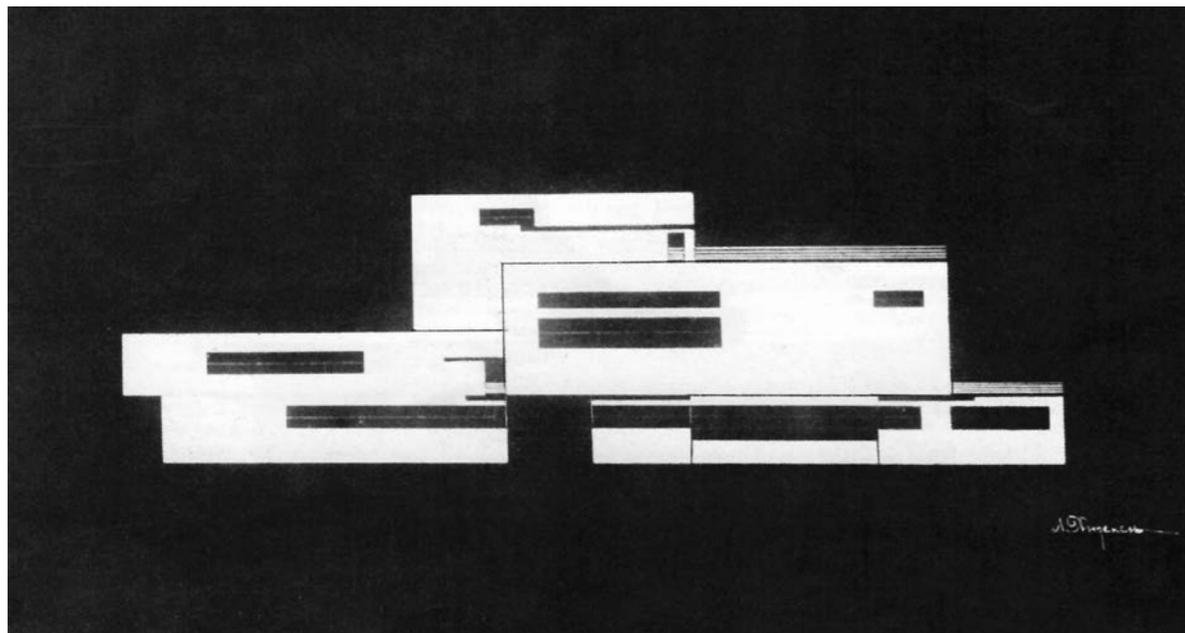
Выпускники ВХПШ Иван Червинко, Лазарь Хидекель, Илья Чашиник, Лев Юдин 1922

расцвет советского архитектурного конструктивизма.

Пожелтевшие графические листы уновисца Хидекеля говорят сейчас с нами, людьми XXI века, на изысканном утонченном языке архитектурно-композиционного анализа. Многочисленные «Пересечения в пространстве», «Сочетания квадратов», «Объемы в пространстве», «Структуры развития», которые нынче представлялись бы простыми учебными упражнениями, в то время, под воздействием горячей восторженной веры неопитов в правоту нового пути и своих прозрений будущего, а также в полемике с традиционализмом, превращались в трепетные произведения искусства. Поэтому не хочется называть эти композиции отвлеченными или

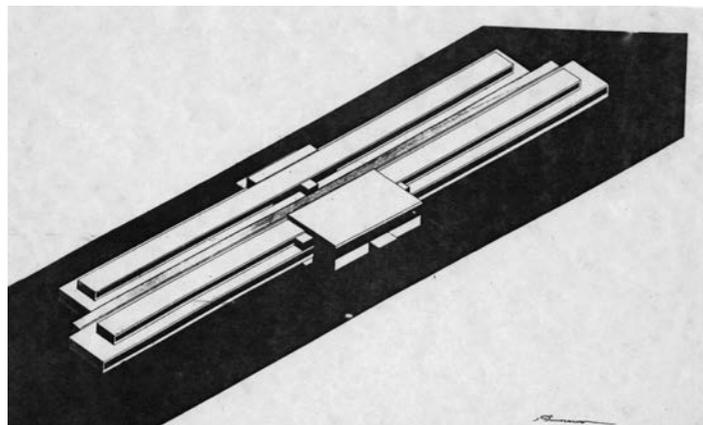

Л. Хидекель
Супрематическая
композиция
1927

Л. Хидекель
Эскизный проект
рабочего клуба
1926

Л. Хидекель
Коллективное
жилище.
Предпроектное
предложение
1927

формальными — настолько явственно они дышат искренним вдохновением, всепоглощающим романтизмом. И какое безошибочное художественное чутье нужно было иметь, чтобы извлекать музыкальную гармонию из взаимодействия квадратов, прямоугольников, кругов и, наконец, просто

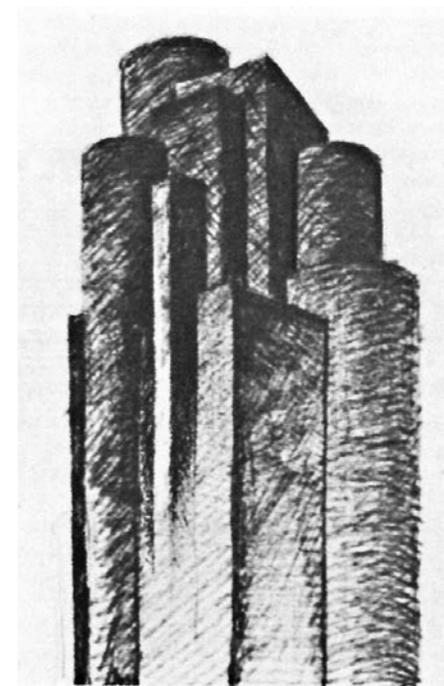
черных полосок! Подражать этому невозможно.

...В 1920 году училище было преобразовано в Художественно-практический институт. В этом же году Шагал, Добужинский и Лисицкий покинули Витебск. Шестнадцатилетний Хидекель возглавил архитектурную студию УНОВИСа. В 1922-м он закончил институт со званием «свободного художника и инструктора с правом преподавания в художественных техниках».

От концептуального творчества к реальному делу — естественный путь развития многих художественных судеб в эпоху, требовавшую незамедлительного — сегодня! сейчас! — строительства будущего. В своем экстремальном виде это нетерпеливое требование было

выражено в концепции «производственного искусства» («Художник должен не изображать лес, а сажать лес»). Для Лазаря Хидекеля путь к архитектурной практике пролегал через учебу в Петроградском институте гражданских инженеров. В то время поиска всеобщего синтеза и объединения искусств немало зодчих дополняли свое художественно-архитектурное образование инженерно-архитектурным. Хидекель оказался в ряду этих разносторонне образованных мастеров культуры нового времени.

Учеба в ИГИ (1922–1929) для Хидекеля была временем работы в «двух измерениях». Под руководством профессоров института Л. Н. Бенуа, И. Б. Михаловского, В. Н. Покровского он штудировал памятники

Л. Хидекель
Вертикальная
композиция
1927

мировой архитектуры, создавал красивые композиции по мотивам классического и русского зодчества. Но одновременно был главным помощником

Л. Хидекель
Город будущего
1926

Казимира Малевича, который в Институте художественной культуры создавал свои архитектурные проекты.

Графические упражнения Хидекеля второй половины 1920-х годов говорят о быстром формировании у него конкретного архитектурного мышления: отвлеченные объемные композиции наполнялись живой архитектурной телесностью, условные геометрические объемы становились архитектурно преобразованной массой. Неожиданный для самого Хидекеля успех

Л. Хидекель. Кинотеатр «Москва» в Ленинграде. 1939

получил его студенческий, на третьем курсе, проект рабочего клуба, отвергнутый профессорами, но высоко оцененный К. Малевичем, А. Никольским и В. Весниным. В результате в 1927 году проект попал на выставку, организованную к конференции конструктивистского Объединения современных архитекторов (ОСА), был опубликован в журнале «Современная архитектура» и в двух зарубежных архитектурных журналах. Просто, убедительно и очень гармонично проект продемонстрировал возможности «новой архитектуры», а именно ее «горизонтального» варианта. Эстетика архитекторов проявила себя здесь пропорциональной согласованностью контрастов протяженных объемов, плоскостей, проемов.

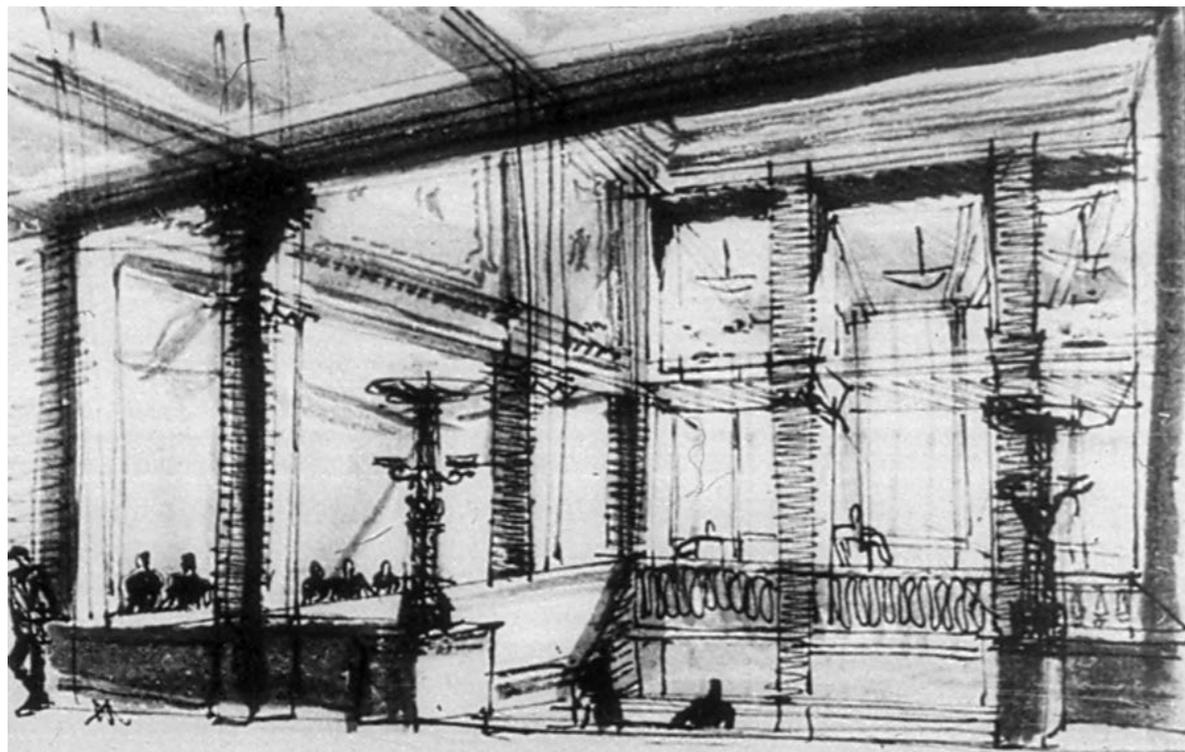
Горизонталь была положена и в основу проекта коллективного жилища (1927), и первого реализованного в 1929 году проекта здания ленинградского спортклуба «Красный коминтерн» (в соавторстве с А. Никольским).

Тему горизонтали можно назвать одним из завоеваний конструктивизма. Ведь в традиционном зодчестве горизонталь была представлена в основном лишь элементами линейными (тяги, пояса, цоколи, архитравы, аттики, междуэтажные и венчающие карнизы), которые только членили фасады, но не определяли

Л. Хидекель. Кинотеатр «Москва» в Ленинграде 1939

композиционного «движения» архитектурных масс и объемов как таковых. Акценты создавались в подавляющем большинстве случаев вертикальными элементами — колоннами, пилонами, пилястрами, лопатками, ризалитами. Переход к «горизонтальной» архитектонике означал принципиально новое отношение к таким фундаментальным понятиям и категориям как монументальность, композиционное равновесие,

Л. Хидекель. Эскизный рисунок фойе кинотеатра «Москва». 1938

взаимоотношения статики и динамики. Сегодня многие открытия и откровения ленинградской школы конструктивизма, активно применявшей горизонталь, входят в арсенал давно проверенных временем, привычных приемов и форм зодчества. Есть в этом заслуга и Лазаря Хидекеля.

Творческая судьба Хидекеля оказалась счастливой: многие проекты реализованы, много есть отмеченных наградами конкурсных проектов, среди которых такие значительные, как проект планировки Ленинграда, ансамбль административной площади в Московском районе города, кинотеатр на 1200 мест, ресторан для Международной

выставки 1937 года в Париже, павильон ВСХВ и другие. В творческом активе мастера постройки всех трех типологических групп — жилые дома (дома Дубровской ГРЭС, многоэтажный жилой дом в Ленинграде), общественные здания (спортклуб, кинотеатр, учебный корпус ЛИСИ, интерьеры Дома радио, здание Института советского права, несколько школ), промышленные объекты (Дубровская ГРЭС, металлургические комбинаты, объекты военных лет).

Если выстроить проекты и постройки Лазаря Хидекеля в хронологический ряд, получится своеобразный слепок

с истории советского зодчества вплоть до начала 1960-х годов. Этапы этой истории — это этапы творческого пути Хидекеля, в котором невесомые, нематериальные формы концептуальной архитектуры постепенно становились материальными, наполнялись деталями, «горизонтальная» архитектура превращалась в привычное вертикальное преодоление гравитации, философия стремительного бега вперед сменялась философией «хозяина и строителя земли», основанной на подразумевавшейся «радости бытия».

Для творчества Хидекеля важной вехой этой переориентации идеалов, случившейся в первой половине 1930-х годов, стало строительство первого в стране трехзального кинотеатра «Москва» в Ленинграде (открыт в 1939). Компактности и экономичности функционального решения (чему способствовал полчасовой сдвиг начала сеансов в каждом зале) соответствует строгая выдержанность архитектурного решения, основанного на привычных узнаваемых формах — лоджия-портик, массивные столбы-пилоны, скульптурный фриз. Статичность и спокойная уверенность облика здания были очень востребованы в то тревожное, предвоенное время. Архитектура кинотеатра абсолютно точно соответствовала «моменту дня». Неслучайно поэтому здание кинотеатра

«Москва» получило статус памятника архитектуры (немногие зодчие при жизни удостоивались такой чести). «Конструктивистский монументализм» Лазаря Хидекеля в известной мере противостоял «лирическому монументализму» Евгения Левинсона. Между этими полюсами и развивалась в то время ленинградская архитектура.

Послевоенное десятилетие глобального ретроспективизма для творчества Хидекеля не стало временем «трагической ломки» идеалов. Как чуткий художник он предвидел подобный «ренессанс» классичности и был готов к этому, в том числе благодаря традиционализму школы ИГИ в 1920-х годах. Несколько ленинградских школ, построенных им, полностью лежат в русле «ампирной» стилистики. Они красивы, эти школы, своей плотной, сочной трактовкой фасадов, гармоничностью и оптимизмом. Но при этом они еще очень рациональны, так как выполнены в полном соответствии с конструктивистским методом блок-корпусов, позволяющим «собирать» здания различной конфигурации в условиях сложившейся застройки.

Столь полярную — от авангарда к ретроспективизму — смену творческой ориентации можно трактовать как беспринципность. Но на самом деле в этом есть своя историческая закономерность. И здесь, кроме бесспорных внешних

обстоятельств (изменение творческой направленности в масштабе всей страны), есть еще обстоятельства внутренние, а именно традиционализм всей российской национальной культуры вообще, традиционализм глубинный, незримо определяющий природу даже радикальнейших направлений в культуре, включая зодчество. Творчество Хидекеля — наглядный тому пример. Кажущаяся полярность его творческого пути — это, на самом деле, олицетворение исконно присущей зодчеству универсальности, вездесущности и всеобъятности. Только высший профессионализм способен адекватно воплотить эти качества в зримых формах, чутко откликаясь на зов своего (а не прошедшего) времени. Ортодоксальная привязанность раз и навсегда выбранному направлению противостоит синтетизму творческого метода как старых мастеров, так и пионеров новой архитектуры.

Характернейшая черта синтетического творческого метода — сочетание свободного полета фантазии и точности. Эти два понятия — ключевые в творчестве Хидекеля. Кажется, что фантастический рог изобилия породил эти сотни эскизов, этюдов, чертежей*.

* Автор об этом изобилии знает не понаслышке, так как по просьбе Лазаря Марковича приводил в порядок, систематизировал его не-

При этом графику зодчего можно рассматривать под лупой — впечатление свободной, естественной точности не исчезает. В своих графических листах мастер предпочитает живописную манеру, в которой сочетаются линия, штрих, мазок, пятно. Произведения эти поэтому почти объемны, дышат полнотой и оптимизмом мироощущения. Этюды с натуры демонстрируют широкий диапазон «визуализации» — от натурализма до цветового символизма мгновенных набросков, всегда свежих, без тени заумности, каких-то даже детских в своей непосредственности и незаурядной силе обобщения, а также в отсутствии постоянного излюбленного колорита. Мастер работал во всей гамме цветовой радуги, свободно выбирал для конкретной задачи то или иное гармоническое сочетание.

Законы жанра творческого портрета требуют в заключение что-то обобщить или «округлить» изложенное, чтобы получить «сухой остаток» — какую-то пользу, назидание живущим и потомкам. Но не кроется ли в такой «выжимке» пренебрежение и к самой неповторимой жизни художника, и к нашему вечному стремлению познать истину? Ведь художник потому и художник, что он важен и нужен

объятный домашний архив.

весь целиком, а не по «конечному результату». Два важнейших вопроса — «личность и время» и «личность и дело» — оказываются неразделимы, когда

речь идет о настоящем мастере. А Хидекель именно из тех, из мастеров, руками которых Время отливает зеркала искусства и видит в них свое будущее.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТРИ ШКОЛЫ Л. М. ХИДЕКЕЛЯ: ПУТЬ ОТ СУПРЕМАТИЗМА — К СОЦРЕАЛИЗМУ «Вестник гражданских инженеров», 2007, № 1 (10)

С колоритной фигурой Лазаря Марковича Хидекеля мне пришлось столкнуться в первые же дни учебы на архитектурном факультете ЛИСИ — 1 сентября 1948 года, когда студентам были представлены наиболее заслуженные преподаватели профилирующих кафедр в лице А. А. Оля, Н. Л. Подберезского, В. Л. Горфмана, А. М. Соколова, Л. М. Хидекеля, К. И. Дергунова.

Встреча происходила в лекционной 49-й аудитории в обстановке, навсегда поразившей мое воображение непринужденностью импровизаций, когда маститые профессора со вполне юношеским задором смеялись друг друга на невысоком

подиуме с непосредственностью и раскованностью профессиональных актеров. Первым выступил заведующий кафедрой архитектурного проектирования Андрей Андреевич Оль, закончивший свою речь темпераментной скороговоркой: «Читайте Пушкина, слушайте Моцарта и станете замечательными архитекторами!» Его сменил профессор В. Л. Горфман, который, хитро поглядывая на коллег, объяснил нам, что «архитектура делается из конструкций», и «чтобы стать хорошими архитекторами, необходимо стать отличными инженерами». Далее выступил очень высокий, сутуловатый человек с двумя

Учебно-административный корпус ЛИГИ
Архит. Л. Хидекель,
К. Дергунов
1936

Школа
Мясная ул., 11/13

прядями седых волос по обе стороны головы, который тихим голосом заметил, что в жизни всякого человека очень много зависит от фамилии: «...вот Шишкин всегда рисовал деревья, а Айвазовский — море. Моя фамилия Подберезский, поэтому я рисую цветочки». Не участвовал в этом дискуссионном шоу только грузный ширококостный человек, положивший массивный подбородок на скрещенные ладонями вниз руки, подпертые тяжелой тростью. Как мы узнали потом, это был Лазарь Маркович Хидекель, в прошлом ученик тогда нам мало известного Малевича, автора знаменитого «Черного квадрата».

Только теперь, по прошествии более полувека, мне становится понятной постоянная затаенная грусть в глазах Лазаря Марковича, прошедшего сложнейший творческий путь от адепта строгого супрематизма до вполне праведного сподвижника лидера советских архитекторов 1930-х годов Н. А. Троцкого. Возможно, 1 сентября 1948 года перед мысленным взором Хидекеля возникла картина его собственного первого дня пребывания в Петроградском институте гражданских инженеров (ПИГИ), где он появился выпускником Витебского художественно-практического института, исповедующего при этом «идеи супрематизма как новой системы сложения мировой архитектуры». Именно здесь, на

Школа
Гороховая ул., 57

третьем курсе инженерно-архитектурного отделения в 1927 году он станет автором шумевшего «программного произведения архитектурного супрематизма» — курсового проекта на тему «Рабочий клуб» — динамичной, последовательно асимметричной композиции из нескольких «летающих» объемов с ленточным остеклением.

Пройдет два года, и перед новоиспеченным дипломированным архитектором и молодым преподавателем уже ленинградского ИГИ Хидекелем будет поставлена задача проектирования и строительства нового учебного корпуса на 3-й Красноармейской улице. Работа велась быстро, и уже к началу 1935/36 года протяженное здание с двухсветным вестибюлем, актовым залом и учебными аудиториями войдет в строй действующих.

Главный фасад корпуса собран в единую композиционную систему ритмом широких каннелированных пилястр, поднимающих на высоту четырех этажей гладкий аттиковый этаж с карнизом.

Учебное назначение первого реализованного проекта Хидекеля оказалось судьбоносным. Уже в 1938 году Лазарь Маркович в соавторстве с младшим братом

Школа на наб. Обводного канала, 143

Львом сдает в эксплуатацию спроектированное ими здание средней школы на Мясной улице, 11/13, где межоконные простенки тоже превращены в широкие пилястры, объединяющие три верхних этажа четырехэтажной школы. Правда, в данном случае пилястры образуют не «большой ордер», а скорее грандиозные порталы. Несмотря на асимметричность Г-образного плана школы, главный фасад классически симметричен.

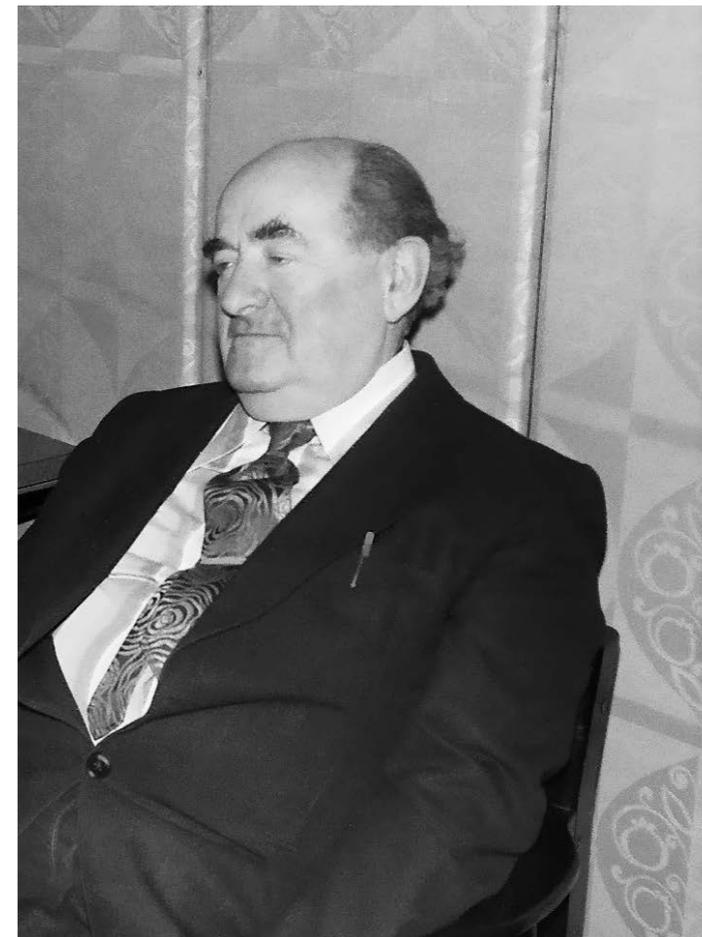
В список осуществленных построек Хидекеля вошло и школьное здание, построенное в 1940 году на Гороховой, 57. Из-за тесноты участка между двумя брандмауэрами вход в школу пришлось разместить со двора. Фасад здания строго симметричен, и на нем, как и в предыдущих постройках, главную роль играют простеночные пилястры, трактованные как особый «хидекелевский ордер».

Последнее школьное здание, построенное Лазарем Марковичем (опять же в соавторстве с братом) в 1952–1954 годах, расположено на набережной Обводного канала, 143 и представляет интерес с точки зрения эволюции творческого метода пятидесятилетнего мастера. Фасад этого четырехэтажного здания выполнен в классицистической стилистике, но при этом двухэтажный «цоколь» со штукатурным «рубом» рустом делит его почти пополам. На двух верхних этажах широкие и узкие пилястры

дорического ордера, чередуясь, «поддерживают» классический карниз. На основных композиционных осях размещены ампирные треугольные сандрики. Таким образом, здесь много архитектурной декорации, но именно она придает фасаду привычный для петербургской архитектуры «человеческий» масштаб и спокойную завершенность. Определенную роль в этом играет, возможно, и отсутствие сильной оси симметрии.

В заключение можно высказать предположение, что потаенная грусть в глазах 80-летнего зодчего и педагога Лазаря Хидекеля говорит о пришедшем трагическом осознании невозможности полного проникновения в таинственные глубины высокого искусства, несмотря на, казалось бы, универсальность и всеохватность идей супрематизма, оставшегося яркой мечтой далекой молодости.

В. В. СМИРНОВ,
д-р архит., профессор кафедры
архитектурного
проектирования СПбГАСУ

Лазарь Маркович Хидекель
1979, апрель

ГРНТИ 67.07.29

УДК 73.02

Ирина Германовна Иванова,

канд. архитектуры, доцент

(Московский архитектурный институт)

E-mail: iva-nuova@yandex.ru

Irina Ivanova,

Phd in architecture, Associate Professor

(Moscow Architectural Institute)

E-mail: iva-nuova@yandex.ru

ВЫПУСКНИКИ ЛИИКС — КЫРГЫЗСТАНУ 1930–1970-х годов

GRADUATES OF THE LIICS — KYRGYZSTAN 1930 s–1970 s

Статья посвящена творчеству архитектора П. П. Иванова, работавшего в Кыргызстане в 30–70-е годы XX века. Автор пытается проследить роль образования, полученного в ЛИИКС, в дальнейшей профессиональной деятельности зодчего. В публикации использованы материалы его личного архива.

Ключевые слова: архитектура, П. П. Иванов, Кыргызстан, ЛИИКС, архитектурное образование.

The article is devoted to the creativity of a graduate LIICS in 1936 P. Ivanov, who worked in Kyrgyzstan in the 30–50 years of the 20th century. The author tries to trace the role of education, received at the LIICS, resulting in further the professional activities of an architect. The publication draws on the personal archive P. Ivanov.

Keywords: architecture, Ivanov, Kyrgyzstan, LIICS, architectural education.

Павел Петрович Иванов (1906–1974) — один из первых профессиональных архитекторов Кыргызстана, он внес значительный вклад в развитие архитектуры и градостроительства Киргизской ССР и в становление архитектурного образования в республике. По его проектам были построены многие жилые и общественные здания, определившие облик города Фрунзе 1930–1950-х годов. Постройки Иванова упоминаются в монографиях, посвященных архитектуре Кыргызстана этого периода, а также в энциклопедических изданиях. При написании этой статьи были использованы ранее не публиковавшиеся материалы из личного архива П. Иванова: документы, письма, фотографии из альбомов творческих работ, а также воспоминания автора статьи.

Павел Иванов учился в Ленинградском институте инженеров коммунального строительства (ЛИИКС) в 1930–1936 годах, после окончания Кубанского рабфака. По собственному признанию, на желание стать архитектором повлияло то огромное впечатление, которое произвела на него архитектура Ленинграда. Своими учителями Павел Петрович

считал А. С. Никольского, в мастерскую которого был принят, и А. А. Оля, который принял на себя руководство студентами после того, как Никольский решил всецело сосредоточиться на проектировании стадиона имени С. М. Кирова на Крестовском острове, ставшего главным делом его жизни.

Проблема архитектурного образования в ЛИИКС — тема

ЛИИКС. Иванов П. П. Студенческая работа. Перспектива кинотеатра в Петрозаводске 1935. Из личного архива

отдельного исследования, ограниченный объем статьи позволяет остановиться только на ее отдельных аспектах. Павел поступил в институт тогда, когда особенно актуальной была проблема повышения общей культуры строительства. Поэтому он особенно ценил то, что система обучения в ЛИИКС того времени позволяла ознакомиться со всеми стадиями архитектурного и строительного процесса на практике. Строительное дело было его любимым предметом, по которому он получал самые высокие оценки. География студенческих практик была обширна и включала проектные организации и строительные площадки не только Ленинграда, но и других городов. На память об особенно запомнившейся практике в Петрозаводске в 1935 году в его альбоме сохранилась фотография выполненной им под руководством архитектора Юрия Русанова перспективы кинотеатра для этого города.

В стенах института студентам прививались навыки аналитической деятельности, именно там сформировалась привычка Павла Петровича вести блокноты с зарисовками и заметками об архитектурных объектах. Так у будущих зодчих формировалась любовь к деталям и поиску оптимальных решений.

Время обучения в институте совпало с периодом перехода от конструктивизма

Иванов П. П.
1939
Из личного архива

и функционализма к освоению классического наследия. Впоследствии, работая со студентами, Павел Петрович неизменно уделял большое внимание функциональной организации здания, нередко цитируя емкие и афористичные высказывания Никольского. Признание важности функциональных и конструктивных решений сочеталось у него с искренним и живым интересом к классическому наследию, вдохновленным, очевидно, античным прошлым его родных мест и архитектурной средой Ленинграда. Зачитанный том Витрувия со следами многочисленных карандашных пометок из его библиотеки свидетельствует, что книга являлась не просто раритетом, а служила практическим пособием.

Важным моментом учебного процесса в ЛИИКС была система мастерских и воспитание

Фрунзе. Жилой дом для работников НКВД на бульваре Дзержинского
Арх. Саакян Г. Х., Иванов П. П., Альбанский А. М.
Конец 1930-х гг. Фото И. Г. Ивановой. 2016

навыков коллективной работы. Дружеское общение и связи с однокурсниками поддерживались и после окончания вуза. Элементы праздника в студенческую жизнь вносили яркие личности профессоров и преподавателей, которые проявляли себя не только в архитектуре, но и в других видах искусства. Даже окончание института в 1936 году было отмечено премьерой комической оперы «Иванов Павел — архитектор-квартирник», поставленной А. С. Никольским и В. Ф. Овчинниковым. В основу сюжета оперы была положена история архитектора,

который безуспешно пытается утвердить свой проект, калеча его в соответствии с художественными установками членов НТС. Несмотря на то, что образ главного героя был скорее собирательным, Павел Петрович всегда отождествлял его с собой, и в глазах однокурсников он, несомненно, был тем самым «квартирником» из оперы.

После окончания института Павел Петрович вместе с Ф. П. Стеблиным уехал в Киргизию, которая незадолго до этого получила статус союзной республики. Ее столица, тогда называвшаяся Фрунзе,

с ее регулярным планом, большим парком и широкой главной улицей-бульваром была заложена военными топографами во второй половине XIX века. Этот город на фоне великолепных гор стал местом, с которым оказалась связана вся будущая жизнь молодого архитектора. В те годы перед архитекторами открывалось обширное поле деятельности: город с преобладающей одноэтажной саманной застройкой и начавшим формироваться в 1920-е годы правительственным центром должен был приобрести облик, достойный республиканской столицы. Возможность реализации новых идей и замыслов привлекала сюда не только советских, но и иностранных специалистов. В работе над интерьерами недавно построенного здания Верховного Совета Киргизской ССР выпускники ЛИИКС В. В. Верюжский, П. П. Иванов и фрунзенский архитектор А. М. Альбанский сотрудничали с главой Международной организации пролетарских художников Белой Уитцем, Оксаной Павленко и венгерским скульптором Ласло Мессарошем, с которым впоследствии Павла Петровича связывали дружеские отношения.

Образование, полученное в ЛИИКС, позволило молодому архитектору получить должность главного инженера ведущего проектного института «Киргоспроект» и одновременно активно заниматься

проектированием в довоенные годы. Ранние реализованные его проекты педагогических техникумов в городах Фрунзе и Ош были отмечены чертами постконструктивизма с упрощенными стилизованными элементами ордерного декора, характерного для ленинградской

Фрунзе. Педагогический техникум. Арх. Иванов П. П.
Конец 1930-х гг. Фото из фондов ЦГА КФФ КР

школы этого периода. В предвоенный период по его проектам были построены ведомственные дома для работников Совнаркома и для сотрудников НКВД (в соавторстве с А. М. Альбанским и выпускником ЛИИКС С. Х. Саакяном). Строительство первого во Фрунзе трехэтажного жилого дома с арочной конструкцией в стиле «советского палладианства» в условиях девятибалльной сейсмичности, острой нехватки профессиональных строительных кадров и слаборазвитой базы строительных материалов, представляло собой серьезную инженерную задачу, с которой недавний выпускник успешно справился. Жилые здания, построенные по проектам Иванова и его соавторов, определили новый масштаб и архитектурный облик одной из главных и самых красивых улиц города — бульвара Дзержинского (ныне Эркиндик).

В проекте музыкально-хореографического училища с внутренним двором, открытыми лоджиями и соединявшим корпус оригинальным входным портиком-перголой, тактично использованы элементы киргизского орнамента и приемы среднеазиатской архитектуры. Этот проект Иванова представлял архитектуру Киргизской ССР на первой декаде Киргизского искусства 1939 года в Москве наряду с проектами Г. А. Сутягина (Градова), В. Е. Нусова, С. Х. Саакяна и др.

Разногласия с новым главным архитектором «Киргоспроекта» Сутягным predeterminedели в 1939 году переход Иванова на должность главного инженера реорганизованного института «Промпроект», где он одновременно возглавлял одну из творческих проектных групп. После утверждения в 1939 году генеральной схемы развития г. Фрунзе, разработанной в тресте «Горстройпроект», Иванов в 1940-м становится главным архитектором киргизской столицы. В предвоенный период наиболее значительной его работой было начатое строительство здания университета — наиболее крупного учебного комплекса в республике.

Работа Иванова в должности главного архитектора г. Фрунзе была прервана Великой Отечественной войной. После возвращения из армии во Фрунзе он работал в организованном в 1944 году Управлении по делам архитектуры. К послевоенному периоду относятся проекты монументов в честь Победы, в том числе принятые к строительству в городах Ашхабаде и Фрунзе. В 1947–1949 годах он проектировал первые генеральные планы городов Джалал-Абад, Пржевальск (совместно с выпускником ЛИИКС М. Н. Муксиновым), Нарын, районных центров Караван, Рыбачье (ныне Балыкчи) и нескольких поселков.

В процессе работы над новым генеральным планом г. Фрунзе

Фрунзе. Ансамбль Советской площади. Арх. Писарской Е. Г., Иванова П. П., Нусова В. Е. 50-е гг. XX в. Фото 60-х годов XX в. Из личного архива

в составе творческой группы архитекторов (Е. Г. Писарский, М. А. Милов и А. М. Альбанский) П. П. Иванов участвовал в конкурсе на реконструкцию центра города, уступив первое место К. М. Алабяну и Л. И. Баталову. Вкладом группы фрунзенских архитекторов явились предложение и разработка проекта комплексов Советской и Университетской площадей, связанных широкой эспланадой. Проект впоследствии был реализован и стал одной из визитных карточек столицы Киргизской ССР. Ведущая роль в ансамбле принадлежала зданию

горисполкома и комплексу построек Университетской площади со зданиями университета и общежитий, построенных по проектам Иванова. Среди его наиболее значительных проектов послевоенных лет — здания Дома Союзов, общежития Медицинского института и др.

Особой страницей в жизни Павла Петровича было участие в проектировании и строительстве здания Государственного театра оперы и балета в 1953–1955 годах. Проект здания был разработан московским архитектором А. И. Лабуренко, а Иванов был его полномочным

представителем и осуществлял авторский надзор. Рабочие чертежи корректировались на месте и пересылались для утверждения автору, который не мог лично участвовать в процессе строительства. В ходе работы была пересмотрена изначальная концепция декоративного убранства театра, которая осуществлялась при участии Иванова скульпторами М. А. Мануиловой, О. М. Миньковой, К. Г. Кошкиным и творческой группой из 16 художников под руководством Г. А. Айтиева. Работа над проектом театра

показала высокий уровень профессионализма художественных кадров республики. Участники проекта были награждены грамотами Верховного Совета Киргизской ССР.

С реализацией проекта реконструкции центра была связана совместная работа со скульптором С. Д. Тавасиевым над проектом памятника М. В. Фрунзе на Вокзальной площади. Проект не был реализован, но стал важным этапом для скульптора на пути к созданию знаменитого памятника Салавату Юлаеву в Уфе.

Фрунзе. Комплекс Киргизского государственного университета. Реконструкция 50-х гг. XX в. Арх. Иванов П. П. Открытка 70-х годов. Из личного архива.

Фрунзе. Театр оперы и балета. Арх. Лабуренко А. И. при участии арх. Иванова П. П. 1952–55 гг. Фото 1965 г. Из личного архива

В первой половине 1950-х годов Павел Петрович работал над генеральным планом и проектами павильонов ВДНХ Киргизской ССР, главным архитектором которой он был назначен. Работа представляла определенную сложность, так как социальный заказ требовал узнаваемости всем известного образа архитектурного ансамбля в Москве и в то же время значительно уступал ему по масштабу. В основе композиции генерального плана, разработанного Ивановым, был положен принцип осевой планировки с главной шестигранной площадью на

центральной оси, а в архитектуре входа, Главного павильона и Павильона механизации использован общий мотив арочного прохода. Расположенная среди зеленых садов на фоне гор выставка стала любимым местом отдыха горожан.

С 1936 года Павел Петрович совмещал творческую деятельность с преподавательской работой в техникуме, а затем в Педагогическом институте. После создания в 1956 году Фрунзенского политехнического института в жизни Иванова наступил новый период, когда он полностью посвятил себя подготовке

инженерных и архитектурных кадров. Вместе с инженером П. Н. Проворовым — первым деканом строительного факультета, Павел Петрович участвовал в подготовке выпуска первых профессиональных инженеров в Кыргызстане. Возглавив строительный факультет, он добился исполнения своей мечты — открытия архитектурной специальности и кафедры архитектурного проектирования, которую он возглавлял до конца жизни. Первый выпуск архитекторов Кыргызстана состоялся в 1970 году, что было важным событием в культурной жизни Кыргызской ССР.

Фундамент профессиональной подготовки, заложенный в ЛИИКС, позволил архитектору Павлу Петровичу успешно реализовать свой талант в творчестве и архитектурном образовании. Перечень его работ в Кыргызстане насчитывает более 100 объектов, среди которых — общественные и жилые здания, архитектурные ансамбли, монументальные памятники, малые архитектурные формы, генеральные планы городов и поселков, проекты парков и скверов. Многие успешно работающие архитекторы Кыргызстана считают себя его учениками.

Фрунзе. Комплекс ВДНХ Кыргызской ССР. Павильон машиностроения. Арх. Иванов П. П. 1957. Фото 1960-х гг. Из личного архива

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитекторы Советской Киргизии. Справочник. Фрунзе: Кыргызстан, 1988.
2. Горячева В. Д., Деев В. И., Перегудова С. Я. Памятники истории и культуры города Бишкек. Бишкек: Илим, 1996.
3. Кыргызская ССР // Краткая художественная энциклопедия. Искусство стран и народов мира. М.: Советская энциклопедия. 1965. Т. 2. С. 414.
4. Курбатов В. В., Писарской Е. Г. Архитектура Советской Киргизии. М.: Стройиздат, 1986.
5. Курбатов В. В., Писарской Е. Г. Архитектура города Фрунзе. Фрунзе: Кыргызстан, 1978.
6. Лазаренко П. . Архитектура Кыргызской ССР // Архитектура республик Средней Азии. М., 1951. С.122–152.
7. Муксинов Р. М, Храмова Н. С. Архитектура города Бишкека: Традиции и современность. Бишкек, 2010.
8. Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе: Кыргызстан, 1971.
9. Нусов В. Е. Современная архитектура Киргизии. Фрунзе: Кыргызстан, 1971.
10. Петров В. Г. Фрунзе советский 1926–1991 гг. Бишкек: Литературный Кыргызстан, 2008.
11. Прохорова Н. А. История развития архитектуры Кыргызстана (XX – начало XXI вв.). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2013.
12. Савелов И. Г., Милехина Е. И., Савелова И. И. Очерки истории архитектуры и строительства Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2001.
13. Смолицкая Т. А., Букалова Л. М., Смолицкий А. С. (100 лет со дня рождения). М.: Издательство ЛКИ, 2007.
14. Явейн О. И. «Каждый метод стоит того, сколько стоит тот, кто его применяет». По материалам архива А. С. Никольского // Хан-Магомедовские чтения: материалы международной научной конференции, 18–20 января 2012 г. Москва — Санкт-Петербург: Коло, 2015. С.186–202.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПИЛЯВСКИЙ (1910–1984)

От редакции

В юбилейный для нашего вуза год невозможно не вспомнить доктора архитектуры, профессора кафедры истории архитектуры Владимира Ивановича Пилявского, неустомимого и талантливого исследователя зодчества, автора многих статей и книг, среди которых такие фундаментальные монографии, как «Зодчий Росси», «Стасов — архитектор, «Кваренги». Его имя известно далеко за пределами нашей страны. Особую память о себе он оставил в Италии, где долго работал в архивах и неоднократно выступал с докладами на итальянском языке. Многие историки архитектуры, кто хотя бы раз с ним общался, неизменно отмечали высокий уровень его общей культуры и профессиональной эрудиции. При этом Владимир Иванович не был кабинетным ученым, а всегда был в гуще событий — учебных, научных, общественных... Он активно защищал памятники истории и зодчества, учил этому студентов, возил их на практику, воспитывал не только как педагог, но и как декан архитектурного факультета.

Чтобы не ограничиваться только перечислением заслуг профессора, ушедшего от нас 33 года назад, редакция решила познакомить читателей «Архитектурного альманаха» со статьей в институтской многотиражной газете, опубликованной в год 150-летия ЛИСИ, еще при жизни Владимира Ивановича.

ТАКАЯ БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

Мне уже приходилось писать о профессоре В. И. Пилявском. Тогда, почти двадцать лет назад, Владимир Иванович проводил с нами ознакомительную практику во Пскове и Вильнюсе. Помню, как нас, студентов второго курса, удивляла энергия нашего руководителя. Он буквально не давал нам покоя. Это удивление и вылилось тогда на страницы институтской многотиражки.

Теперь Владимиру Ивановичу за семьдесят, но он по-прежнему в строю, по-прежнему одна за другой выходят его книги, защищают диссертации его аспиранты и докторанты, пишут дипломы его студенты. Большая полнокровная жизнь ученого — это треть полуторавековой жизни нашего института.

...Белый зал ленинградского Дома архитектора был переполнен. Горели люстры, оттеняя белизну стен, упруго темнела позолота, на столе президиума и в зале — цветы, горы цветов. Шло чествование заслуженного архитектора РСФСР, доктора архитектуры, профессора Пилявского.

Можно по-разному относиться к большим юбилейным торжествам, но нельзя отрицать одного — они подводят промежуточные итоги больших этапов жизни известных людей, высвечивают истинный масштаб их дел, крупность характеров, все то, что принадлежит не только

самому юбиляру. Нередко юбилеи подсказывают ответ на важнейший для каждого вопрос о том, как «сделать жизнь», не утопая в повседневности, но и не бегая от нее, а подчиняя каждый день, каждый миг своей жизни крупным, общественно значимым целям. Сталкиваясь с таким человеком в текучке дел, часто не замечаешь (не успеваешь заметить) его целиком. Частные дела неизбежно выявляют лишь часть личности. Поэтому даже для тех, кто давно знает Владимира Ивановича, юбилейное чествование открыло много нового в нем. Одно только простое перечисление его заслуг и дел говорит о многом: автор трехсот печатных трудов, член более десяти различных советов, комиссий, секций, педагог, через руки и сердце которого прошли тысячи студентов-архитекторов. В нескольких странах слушали

его лекции и доклады. Более ста писем и телеграмм из разных концов страны и из-за рубежа пришло профессору по случаю его семидесятилетия.

Понять такого человека, как Владимир Иванович Пилявский, это значит понять его дело. Разматывая нить времени, цепочку причин, следствий, событий, насыщавших и направлявших эту большую жизнь, приходишь к началу начал — детству, когда сформировались такие важнейшие качества будущего профессора, как трудолюбие, упорство, инициативность, жажда самообразования. До сих пор с благодарностью вспоминает Владимир Иванович те далекие годы, когда приходилось регулярно, три раза в неделю писать дома сочинения для выработки стиля и грамотности. По-настоящему трудовое

воспитание в семье оказалось закалкой на всю жизнь.

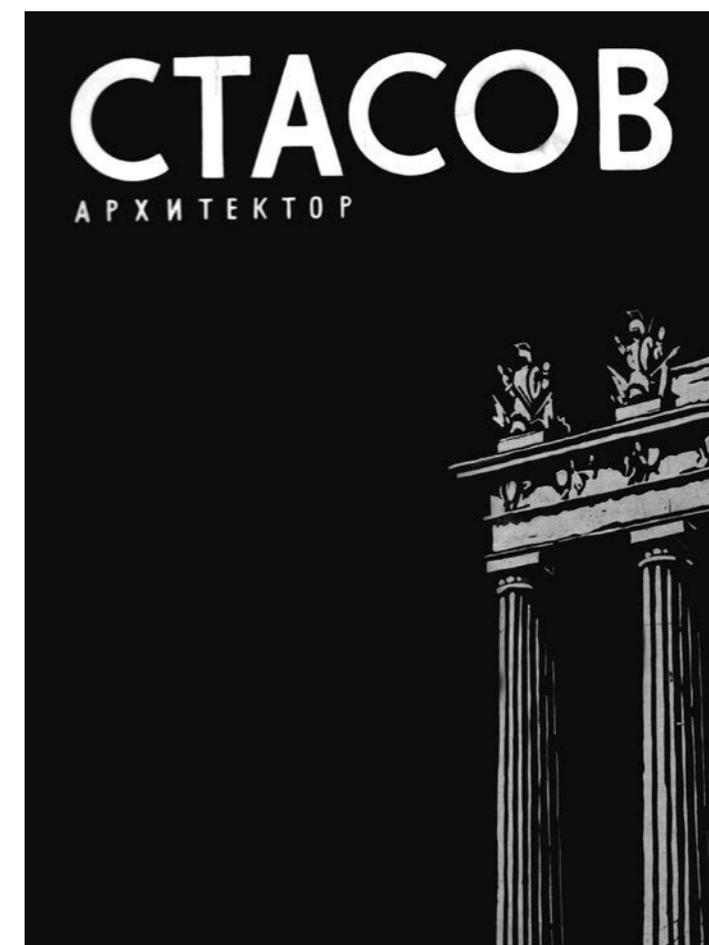
Вот и сейчас, на вопрос о том, как он сумел столько написать и издать, профессор отвечает коротко: «Много работал». В последнее время ему стало трудно писать по вечерам, и он ограничил рабочие часы утренним и дневным временем, но до этого вся его жизнь строилась по принципу максимально плотного заполнения дня. Причем, это были не только академические занятия за письменным столом. Гражданская активность Владимира Ивановича не позволяет ему замыкаться в рамках только исследовательской деятельности. Добровольно и самоотверженно несет он груз громадной общественной работы в Союзе архитекторов, архитектурном и градостроительном Советах Ленинграда, в Обществе

охраны памятников, нескольких редакционных советах, секции Академии наук, обществе «Знание», министерском научно-методическом совете, правлении общества «СССР – Италия», Ленинградском отделении Совета защиты мира.

В течение девяти лет Владимир Иванович был деканом архитектурного факультета; сейчас он — председатель специализированного совета по присуждению ученых степеней при ЛИСИ. Осилить это многообразие обязанностей под силу только человеку, имеющему крепкий внутренний стержень и умеющему работать. Ведь так важно не только желание, но и умение быстро и плодотворно работать. Это высший профессионализм советского ученого, не мыслящего себя вне кипения общественной жизни, но и не позволяющего себе в текучке дел хотя бы немного снизить уровень своей научной состоятельности. Потому-то так прочно и постоянно общественное признание заслуг Пилявского.

«Я родился под счастливой звездой, — говорит Владимир Иванович, — почти все, что я задумал, осуществилось». Конечно, ничто не делается само собой, но в нескольких важнейших моментах жизни судьба действительно поворачивала в нужном направлении. Первый такой поворот случился в 1928 году, когда выпускник Курского промышленно-экономического

техникума Володя Пилявский, выдержав трудный конкурс в Горный институт (17 из 500 человек), в результате ошибки в министерском приказе (вместо ЛГИ напечатано ЛИГИ) стал студентом Института гражданских инженеров. Второй раз судьба явилась в лице секретаря парткома ЛИИПСа (так тогда назывался наш вуз), который предложил аспиранту Пилявскому вместо промышленного зодчества заняться изучением истории архитектуры. В третий раз несколько счастливых случайностей спасли его от голодной

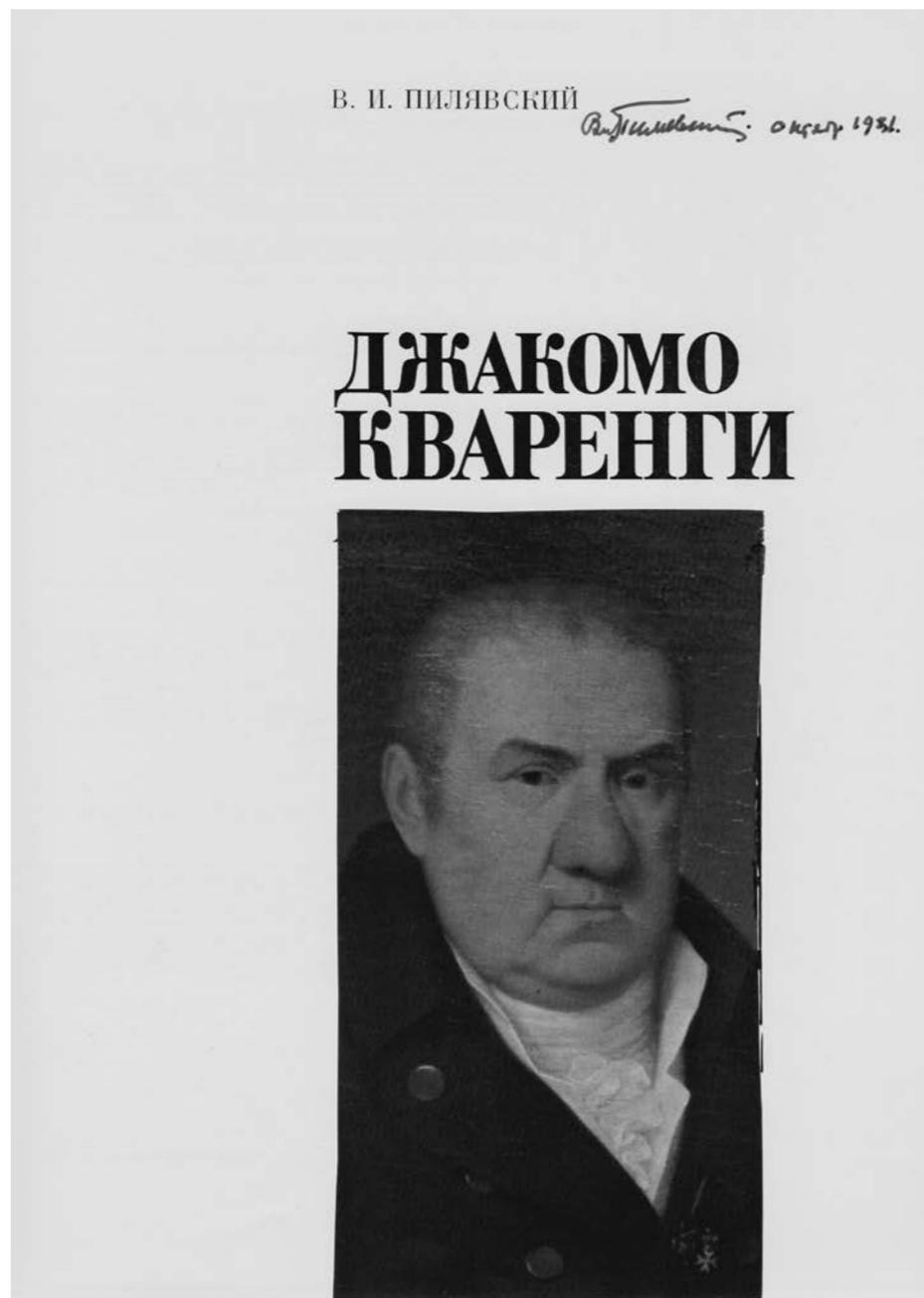

смерти в блокадном Ленинграде, где он все 900 страшных дней работал в Адмиралтействе, сохраняя этот символ города, исследуя и изучая бесценное архитектурное наследие.

...О военных годах Владимиру Ивановичу говорить тяжело.

Он надолго задумывается, либо вспоминая, либо стараясь отогнать воспоминания...

В те страшные блокадные зимы вышли в свет первые книги Пилявского, посвященные памятникам архитектуры Ленинграда. Русская архитектура

станет после этого главной темой творчества ученого, оттелив на второй план его прежнее увлечение — среднеазиатскую архитектуру. На днях увидела свет его книга о нашем великом зодчем, итальянце по происхождению, Джакомо Кваренги. После монографии о Василии Стасове, написанной по материалам докторской диссертации, это наиболее крупная и значимая работа Владимира Ивановича, потребовавшая от него более десяти лет напряженной работы. Не раз ездил он в Италию, на родину Кваренги, в городок Бергамо, где его уже принимали как своего. Многие библиотеки и архивы мира присылали ему копии своих материалов и документов.

Работа закончена — работа продолжается. Впереди — издание альбома рисунков Кваренги. А пока Владимир Иванович занят составлением и редактированием юбилейного сборника ЛИСИ. Эта работа ему особенно дорога. Ведь он помнит еще столетний юбилей института. Тогда он был студентом четвертого курса ЛИИКСа (ректором тогда работал Д. Г. Перминов, годом раньше закончивший ЛИКС). И вот теперь уже 150 его второму дому. Полвека в институте,

целая жизнь... Изменился, конечно, институт, другими стали студенты, в несколько раз увеличился выпуск. Работать стало труднее, не всех студентов даже в лицо знаешь, не то что по фамилии. Но работать по-прежнему интересно. По-прежнему молодые глаза пытливо смотрят на профессора, когда он — невысокий, худощавый, стоя перед экраном, негромким спокойным голосом раскрывает им тайны великого и древнего искусства зодчества.

С. ЗАВАРИХИН,
доцент кафедры истории
и теории архитектуры

УДК 72.03:72.011.3

Леонид Павлович Лавров,
доктор архитектуры, профессор-консультант
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: leonid.lavrov@gmail.com

Leonid Lavrov,
Doctor of architecture, professor-consultant
(St. Petersburg State University
Architecture and Civil Engineering)
E-mail: leonid.lavrov@gmail.com

АРХИТЕКТУРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ. КОНЕЦ 1950-х

ARCHITECTURE FACULTY.
THE END of the 1950s

Статья написана в жанре воспоминаний о годах учебы на Архитектурном факультете Ленинградского инженерно-строительного института. Приводятся конкретные факты из жизни факультета в 1956–1959 гг. Обрисовывается специфика учебного процесса и общественной жизни этого периода. Приведены краткие сведения о некоторых известных выпускниках и преподавателях вуза.

Ключевые слова: архитектура, институт, факультет, преподаватели.

The article is written in the genre of memories of the years of study at the architectural faculty of the Leningrad Civil Engineering Institute. Specific facts from the life of the faculty are given in 1956–1959. The specifics of the educational process and social life of this period are outlined. Brief information about some wellknown graduates and teachers of the university is given.

Keywords: architecture, institute, faculty, teachers.

Несколько лет тому назад заметки с воспоминаниями о жизни нашего факультета в конце 1950-х годов опубликовал университетский журнал МАСТЕР'ОК. Материалы статьи вызвали интерес, номер пользовался спросом и быстро стал библиографической редкостью. Сейчас, с разрешения редакции, мы подготовили откорректированный вариант статьи.

В 1956 году Ленинградский инженерно-строительный институт — предшественник СПбГАСУ, был средним по численности вузом. На дневном отделении было чуть больше трех тысяч студентов. На 1-й курс Архитектурного факультета тогда ежегодно принимали 50 человек. В ходе вступительных экзаменов нас отобрали из 200 абитуриентов. Конкурс был относительно небольшой — четыре человека на место. Нам повезло: как раз летом 1956-го объявили прием на открытую в Мухинском училище специальность «Архитектура интерьера», и значительная часть наших потенциальных конкурентов подала документы в ЛВХПУ.

Вступительных экзаменов на Архитектурном факультете ЛИСИ тогда было шесть: по математике, физике, иностранному языку, русскому языку, черчению и по рисунку* Экзамен по рисунку считался основным,

* В 1960 в число вступительных экзаменов входило еще и плавание. Нужно было проплыть 50 метров любым стилем. Инструктор следил, чтобы никто не утонул.

он завершал экзаменационную сессию и состоял из трех частей: карандашный рисунок капители, гипсовой головы и акварельный натюрморт. По рисунку я получил «четыре с минусом», но поскольку по остальным дисциплинам имел пятерки, был представлен к зачислению.

В сентябре мы, как и все поступившие в вуз, убрали урожай на полях пригородного совхоза (в советское время привлечение студентов к тем или иным работам было обычным делом, не требовавшим высокой квалификации), так что к занятиям приступили только в октябре.

На Архитектурном факультете числилось всего около 300 учащихся (по две группы на курсе). За каждой учебной группой была закреплена отдельная аудитория, в которой стояло 25 письменных столов с откидными крышками и емкими ящиками, запиравшимися навесными замками (!). На стенах аудиторий развешивались эскизы проектов, учебные рисунки. Аудитории были заполнены подрамниками. Все учебные проекты исполнялись на чертежной

бумаге, поэтому незадолго до подачи проекта студенты принимались натягивать на эти подрамники бумагу. Процедура требовала навыков: из большого рулона нарезали листы требуемого формата, увлажняли их и затем наклеивали на подрамники, обмазывая по периметру клейстером, который изготавливался из разведенной водоемуки. Когда увлажненная бумага подсыхала, ее лист плотно охватывал подрамник, и предназначенная для черчения поверхность натягивалась как барабанная мембрана. Для эскизов из соображений экономии чаще использовали обратную сторону обоев.

О компьютерах не было и речи — в проектных организациях первые громоздкие вычислительные машины появились спустя 10–15 лет. Особенностью учебного процесса была работа на подрамнике в проектной аудитории — других вариантов практически не было: в те годы далеко не все ленинградские семьи имели отдельные квартиры, и не у всех студентов имелись собственная комната и письменный стол. Студентам-архитекторам уже с первого курса приходилось буквально «жить» в своей аудитории.

Организация и технологии курсового проектирования за прошедшие с тех пор десятилетия сильно изменились. Помню, что на младших курсах основными инструментами были

рейсфедер и рейсшина. Предметом гордости были изготовленные на заказ из оргстекла большие треугольники. Затем появились рейки на роликах и рапидографы (сначала — из ГДР или Чехословакии, потом разнообразные западные или японские «ротринги»). Компьютерные технологии в курсовом проектировании стали внедряться только в 1990-е годы, когда я был уже преподавателем.

Архитектурной графике уделялось большое внимание. Мода на графику довольно часто менялась: на смену отмывке китайской тушью иногда приходила цветная темпера, потом в аудиториях появлялись распылители на базе домашних пылесосов или ручные сетки с подрезанными зубными щетками. Работы наиболее умелых привлекали внимание всех студентов, вызвали зависть и служили образцами для подражания. Сейчас эта специфическая культура практически утеряна...

В конце 1950-х годов Архитектурный факультет размещался в той части учебного комплекса, которую ныне занимают помещения администрации. На месте нынешнего ректората были аудитории 3-го курса. В подвале тогда были столовая и касса, в дни выдачи стипендий здесь появлялись огромные очереди. Очереди появлялись и в столовой во время большого перерыва. Часть студентов успевала сбегать в другую институтскую

столовую, на Серпуховскую улицу, 10, где в бывшем Доме общества гражданских инженеров был еще один учебный корпус ЛИСИ.

Вход в главное здание института был открыт со 2-й Красноармейской. Сразу же за тамбуром в вестибюле находился прилавок магазинчика, торговавшего специальной литературой. Центр студенческого общения сформировался на втором этаже балюстрады. Там, где сейчас находится зал заседаний учебного совета, была большая рекреация — в ней можно было прогуляться в перемену, там проводились некоторые торжественные мероприятия, а по праздникам устраивались танцы. Место, где сейчас находится фойе-выставки, занимали небольшие кабинетики (в том числе и маленькая зубоветеринарная клиника) и аудитории, оставался лишь узкий коридорчик. Свободного места было мало, тем не менее, в большой перерыв здесь толпились студенты всех факультетов, здесь завязывались знакомства, распространялись различные слухи. Даже после завершения учебы эта «светская жизнь» приходила на память при встречах на стройплощадке или в проектном бюро.

Впрочем, не все студенты могли появиться на балюстраде в это время. Тогда в составе ЛИСИ существовал еще «спецфак», готовивший

военных инженеров-строителей. Курсанты-«спецы» учились по особому расписанию (выпускником спецфака был доктор наук Г. Н. Шоршнев, который впоследствии заведовал кафедрой железобетонных и каменных конструкций и несколько лет был ректором нашего вуза). Когда опаздывающие студенты подъезжали на переполненном автобусе к остановке у Троицкого собора, то обгоняли колонну молодых людей в военно-морской униформе, маршировавших в сторону института от казармы, располагавшейся в переулке Бойцова, — у них занятия начинались позже.

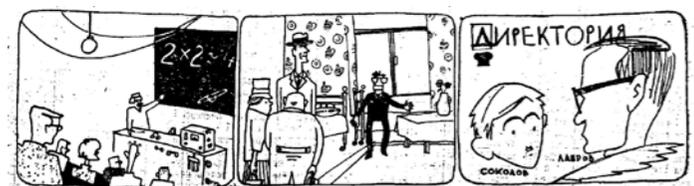
Корпус архитектурного факультета в переулке Бойцова

В конце 1950-х спецфак закрыли, а казарменное здание передали архитектурному факультету. Широкие коридоры, рассчитанные на построенных шеренгами военнослужащих, оказались очень удобными для проведения выставок, размещения макетов. Нашлось место и для столов входившего в моду пинг-понга (из-за повального

увлечения настольным теннисом успеваемость на факультете заметно снизилась).

Другим отвлекающим явлением оказался ЛИСИ-фильм: на листочках чертежной бумаги в рамке, контурами похожей на киноэкран, рисовались юмористические рисунки. Изображение проецировалось на стену через световой фонарь — эпидиаскоп и сопровождалось соответствующим текстом. Чаще всего за основу брали какое-нибудь известное литературное произведение и перерабатывали сюжет, чтобы осветить разнообразные факультетские новости. Представление

Сценки из ЛИСИ-фильма:

а) «Пожарный случай» по вине студента V курса Гаврилова. Пожар предотвратил зам. декана Н. А. Яковлев (будущий ректор ЛИСИ). ЛИСИ-фильм предлагает создать на факультете боеспособную пожарную дружину.

б) Студентам-архитекторам читают столь «нужную» им лекцию по атомной физике

Студент Высотин принял финских гостей в своей «резиденции» на Фонтанке, 123

«Директория» ЛИСИ-фильма: слева студент Сергей Соколов (будущий главный архитектор Санкт-Петербурга), справа — студент Леонид Лавров (будущий профессор и заведующий кафедрой архитектурного проектирования)

в) Борьба с курением на АФ: на переднем плане внизу доц. А. И. Кубасов, за ним — проф. Л. М. Хидекель, доц. А. И. Князев, доц. Я. О. Свирский

о содержании дают названия таких фильмов, как «Кому на ЛИСИ жить хорошо», «Декамерон», «Золотой ключик архитектуры». И студенты, и преподаватели с интересом смотрели кадры, изображавшие знакомых им людей в экзотических костюмах. Сеанс включал основной фильм, содержащий 30–50 кадров, и короткие сюжеты типа киножурналов. ЛИСИ-фильм был неизменным ударным элементом конкурсного вечера АФ. Активное участие в подготовке фильмов часто сильно влияло на успеваемость, несмотря на всяческую поддержку деканата.

В жизни факультета значительную роль играли Архитектурные четверги — в эти дни после занятий проводились встречи с известными зодчими, деятелями культуры или устраивались открытые для всех краткосрочные проектные соревнования.

Конечно, основное время уходило на учебу.

Если технологии выполнения курсовых проектов понемногу претерпевали изменения, то принципиальная направленность школы гражданских инженеров на прагматический подход к архитектурно-строительному делу сохранялась. Большое внимание уделялось градостроительным аспектам формирования проекта и возможностям его реализации в конкретных экономических и технологических условиях. Для наших преподавателей

в конце 1950-х годов это было нелегкой задачей: они добились немалых успехов в годы послевоенного восстановления и реконструкции Ленинграда, когда создавались ансамбли в стиле «сталинского неоклассицизма», и переход к хрущевской «архитектуре без излишеств» осуществлялся прямо в рамках учебного процесса, на наших глазах. В конце 1950-х годов решили усилить прагматические аспекты учебного проектирования, и в составе дипломного проекта нужно было исполнять особый подрамник с разработанным графиком движения рабочей силы на время предполагаемой реализации. Тогда же поменяли название факультета: в 1956 году нас зачисляли на Архитектурный факультет, а в 1962 году оказалось, что мы стали выпускниками Градостроительного факультета. На этих направлениях результаты

Леонид Лавров с однокурсниками рисует стенгазету к конкурсному вечеру 1959

небесспорны, на других — успех был очевиден. Например, до сих пор не превзойдены достижения тех лет в области создания спортивных и промышленных сооружений с большепролетными покрытиями («Юбилейный», СКК, здания автобусных парков, перекрытых железобетонными оболочками пролетом почти 100 метров) — видно, это стало плодом сотрудничества, зародившегося при встречах студентов разных факультетов на балюстраде ЛИСИ.

Я считаю своим долгом вспомнить добрым словом преподавателей кафедры архитектурного проектирования того

времени: А. А. Оля, который был заведующим до 1958 года, и сменившего его В. А. Каменского, замечательных ленинградских зодчих А. А. Грушке, А. И. Князева, Я. О. Свирского, Л. М. Хидекеля* и других. Профессора совмещали

** Все ведущие преподаватели факультета вышли из «сталинского ампира», поэтому в условиях официально объявленного тогда отказа от «украшательства» столкнулись с необходимостью резко менять свои творческие взгляды и установки, что не лучшим образом сказывалось на системе подготовки новых архитекторов.*

Заседание Совета архитектурного факультета. 1951

Первый справа — А. М. Соколов. Слева от него: В. А. Витман, Д. Г. Барышев, А. А. Починков, Н. Л. Подбереский, К. И. Дергунов, Т. Б. Дубяго. Справа: Б. В. Муравьев, Н. Ф. Хомуцкий, А. С. Никольский, А. А. Оля, Л. М. Хидекель, А. И. Князев

преподавание с проектной деятельностью (большой частью в ведущей проектной организации города — Ленпроект), поэтому самым важным днем в учебном проектировании стала суббота, когда преподаватели были свободны от проектной работы. 15 лет кафедрой заведовал Валентин Александрович Каменский, долгие годы возглавлявший ленинградский Комитет по градостроительству и архитектуре — это сделало Архитектурный факультет ЛИСИ еще притягательнее для многих архитекторов и строителей, искавших возможности встретиться здесь с главным архитектором Ленинграда, обсудить актуальные проекты. Можно сказать, что в эти годы по субботам в учебное здание ЛИСИ (переулок Бойцова) перемещался центр архитектурной жизни города.

В 1960-е годы факультет подготовил немало высококвалифицированных специалистов, и ныне занимающих ведущие позиции в архитектурном мире России. Академиками РААСН стали мои соученики Ю. Земцов и С. Соколов, членом-корреспондентом РААСН — М. Рейнберг*, который учился курсом

** Юрий Исаевич Земцов стал одним из ведущих архитекторов города. Работая со своим бывшим студентом М. Кондияином реализовал целый ряд проектов в историческом центре Санкт-*

старше. Государственными премиями России и Казахстана был отмечен Е. Федоров, активно работавший над застройкой городов Навои и Шевченко. Свой весомый вклад в отечественную

Петербурга. Среди них выделяются комплекс новой сцены Александринского театра и жилые дома близ Инженерного замка, на Малом проспекте В. О., на Конной улице. Заслуженный архитектор России, лауреат двух Государственных премий, участник и дипломант многих архитектурных конкурсов.

Сергей Иванович Соколов проявил себя как талантливый градостроитель и организатор архитектурно-градостроительного процесса. В течение шести лет был главным архитектором Санкт-Петербурга. По его инициативе создан Институт генплана. С его участием разработан первый объединенный генеральный план Ленинграда и области. Руководил разработкой генпланов многих городов, включая Ханой. Заслуженный архитектор РСФСР.

Марк Альбертович Рейнберг в 1988 первым в городе организовал независимое проектное бюро. Проявил себя застройками в историческом центре города. Совместно с А. Шаровым реализовал крупные проекты, среди которых выделяются жилой комплекс «Евросиб», торговый комплекс «Опера» около Казанского собора и ряд других. Заслуженный архитектор России.

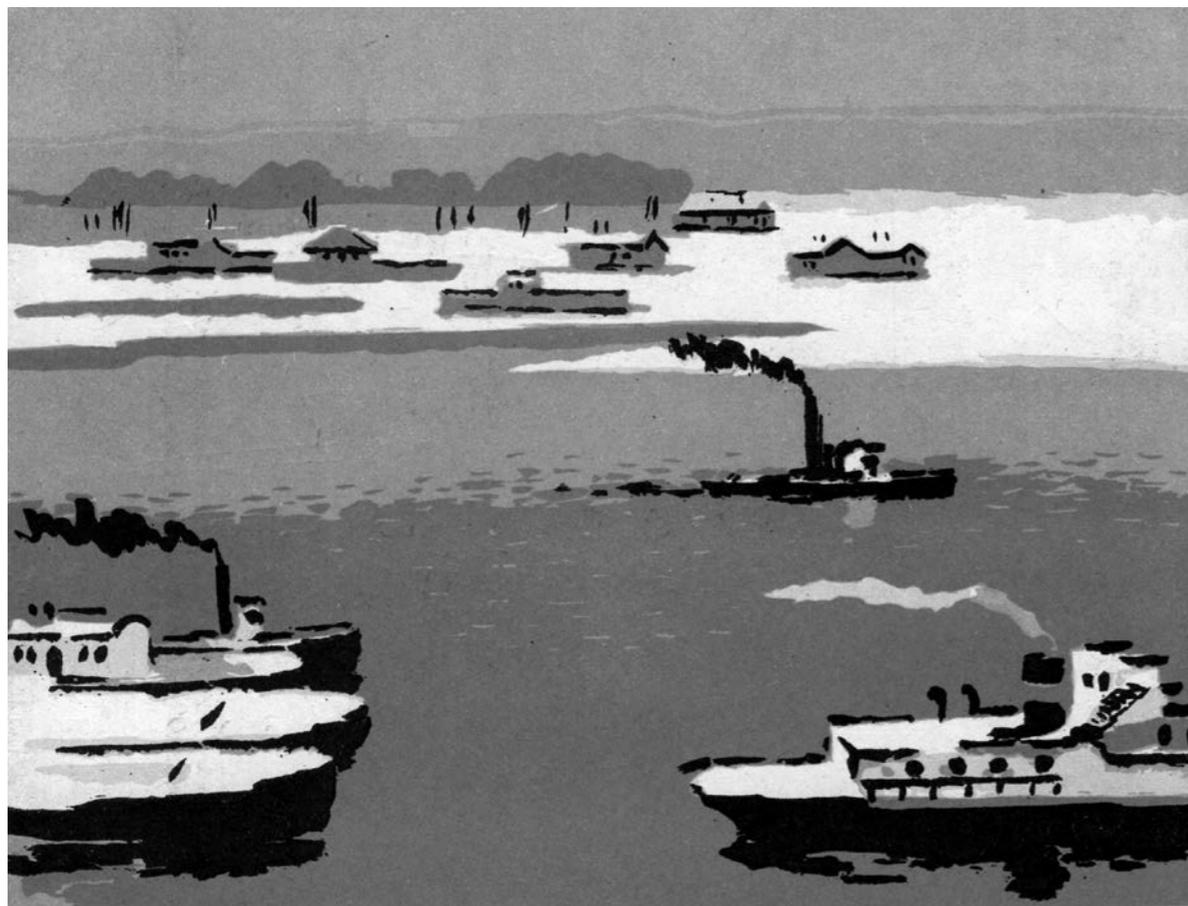
Занятия
литографией
у А. С. Ведерникова

А. С. Ведерников
Эстамп «На реке»

(и не только) архитектуру внесли и другие мои соученики.

Я люблю рассказывать историю о профессиональной судьбе выпускника ЛИСИ, видного российского зодчего,

действительного члена Российской Академии архитектуры и строительных наук Виталия Владимировича Орехова. День защиты дипломного проекта перевернул его жизнь. В конце 50-х годов Виталий был моим старшим товарищем — он поступил в институт на 2 года раньше, чем я. Он блестяще защитил дипломный проект большого стадиона. Сразу же открылась возможность реализации этого проекта в Красноярске (необычайный случай!). Не раздумывая, Виталий распрощался с Ленинградом и уехал в Сибирь. Стадион был построен, получил всеобщее признание, стал

новым символом города. Виталий Владимирович — тогда еще молодой архитектор — получил Государственную премию. Он много и успешно строил и в Сибири, и в других регионах России, но до последних лет жизни не терял связи со своим родным вузом.

Я думаю, что одним из залогов успеха факультета в те годы была его цельность, компактность, активное взаимодействие студентов (напоминаю, что их было около 300 человек) и преподавателей. В аудиториях постоянно работали — не только в часы, определенные расписанием, но и вечерами. Накануне подачи проектов многие оставались поработать в здании факультета и ночью, хотя администрация с этим постоянно боролась. Студенты разных

курсов знали друг друга не только в лицо, постоянно обменивались советами. На просмотры курсовых проектов приходили все студенты факультета. Активно взаимодействовали между собой и ведущие кафедры.

Особое место традиционно занимала кафедра рисунка. Не случайно некоторые из выпускников ЛИСИ стали известны и как

Профессор
В. И. Пилявский
принимает
экзамен
по истории
архитектуры

А. С. Ведерников
Эстамп «На реке»

«В московском Кремле». Путевой набросок из отчета по практике студента второго курса Лаврова 1958

художники-графики. В наше время кафедрой заведовал замечательный художник А. С. Ведерников*. Его работы, напоминавшие произведения Альбера Марке, показывали нам, как вы-

* Александр Семенович Ведерников — известный художник-акварелист и мастер литографических произведений. Один из представителей т. н. «ленинградской школы» живописи. Его пейзажи Ленинграда отличались особым лиризмом, преобладанием прозрачных серебристых гамм. С 1936 по 1960 с перерывами работал преподавателем в ЛИСИ, на кафедре рисунка и живописи.

делить наиболее существенное и в зарисовываемом пейзаже, и в компонованном фасаде — они перебрасывали мостик между графикой и архитектурой. Я считаю себя обязанным этой кафедре за ощутимый прогресс в моих рисунках: при поступлении мои навыки оценили на «4 —», а через несколько лет мне вручили почетный диплом Союза архитекторов за серию набросков, представленных на межвузовской выставке студентов-архитекторов.

Правда, при этом нельзя оставить в тени кафедру истории архитектуры: все мы обязаны были зарисовывать в альбомах

«Рига. Ул. Скарню»
Рисунок из отчета по практике студента Лаврова 1959

памятники зодчества, показываемые в ходе лекций, еще больший эффект давали коллективные выезды студентов к историческим центрам зодчества на территории СССР. С этюдниками и листами рисовальной бумаги

многие из нас объехали древнерусские города, республики Прибалтики, Закавказье. Зарубежные поездки появились лишь в начале 1960-х. Впрочем, это уже другая история...

ПРИМЕЧАНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Автор этой статьи **Леонид Павлович Лавров** — личность во многом примечательная. После окончания в 1962 году градостроительного факультета ЛИСИ участвовал в проектировании знаменитых городов Навои, Шевченко, Новосибирского академгородка, многих жилых и общественных зданий. В соавторстве с В. Шишковым и Т. Шишковой реализовал конкурсный проект подземного зала станции метро «Площадь Александра Невского». В ЛИСИ много лет возглавлял кафедру архитектурного проектирования, был проректором по учебной работе. Заслуженный архитектор РСФСР.

УДК 72.03:72.011.3

Николай Александрович Федотов,
Архитектор
E-mail: fomafert@yandex.ru

Nikolai Fedotow,
Arhitect
E-mail: fomafert@yandex.ru

ВСПОМИНАЯ НАСТАВНИКОВ

REMEMBERING TUTORS

Статья посвящена двум преподавателям архитектурного факультета Ленинградского инженерно-строительного института — Б. В. Муравьеву и Л. М. Хидекелю. В жанре воспоминаний освещаются специфические черты личности и творческого метода каждого из них. Характеризуются особенности общественной и учебно-творческой жизни на факультете во второй половине 1970-х годов.

Ключевые слова: *Муравьев, Хидекей, архитектура, студенты.*

The Article is sanctified to two teachers of architectural faculty of the Leningrad Engineering and construction institute of B.V. Muraviov and L. M. Hidecel. In the genre of remembrances the specific lines of personality and creative method of each are illuminated of them. The features of public and educational-creative life are characterized on a faculty in the second half of 1970 th.

Keywords: *Muraviov, Hidecel, architecture, students.*

В 1975–1979 годах я был студентом учебной творческой мастерской профессора кафедры архитектурного проектирования архитектурного факультета ЛИСИ Лазаря Марковича Хидекеля. Поводом вспомнить о нем послужило 30-летие защиты дипломных проектов и 105-летие Учителя.

В феврале 1979 года, характеризуя наш курс при защите дипломов, декан факультета Борис Викторович Муравьев уподобил нас «блокадному выпуску», так как из-за сильных морозов и бесхозяйственности в некоторых помещениях архитектурного факультета, располагавшегося тогда в доме № 5 по переулку Бойцова, лопнули трубы системы отопления. Тогда пострадали только отличники, которые успели натянуть ватман на планшеты: большинство же, как водится, еще только раскачивалось. Начальство уже всерьез подумывало о переносе защиты. Однако обошлось, и выпуск-79 состоялся в срок.

Не претендуя на объективность или, упаси бог, научность, отмечу лишь существенные для меня моменты прохождения архитектурной «школы Хидекеля».

Осенью 1975 года мы, третькурсники АФ ЛИСИ, приступили к освоению своего главного предмета — архитектурного проектирования. Этот предмет постигался посредством практических занятий в так называемых творческих мастерских,

возглавляемых видными зодчими. Наш поток студентов-архитекторов состоял из пяти групп по 25 человек.

Запомнился казус: при зачислении на АФ в 1973 году меня сначала записали в первую группу, но спохватились и отрядили во вторую (2-А-I). Тогда это показалось мне понижением, но сейчас я это расцениваю как самый крупный лотерейный выигрыш в своей жизни. Во-первых, в нашей группе вел практические занятия по введению в архитектурное проектирование (АП) доцент Геннадий Иванович Алексеев, прославившийся в большей мере как поэт и драматург. Во-вторых, при переходе от введения в архитектурное проектирование к собственно проектированию студенты второй группы попадали в мастерскую профессора Л. М. Хидекеля, которому ассистировали профессор Б. В. Муравьев, доцент В. Г. Танкаян и архитектор-практик В. М. Чернов. Ни одно из этих имен мне ничего тогда не говорило по причине моего полного архитектурного невежества.

Для людей сведущих в архитектуре могу сообщить, что в 1975 году учебные группы возглавляли: В. В. Смирнов (1-А-III), Л. М. Хидекей (2-А-III), А. И. Кузнецов (3-А-III), В. П. Громов (4-А-III), А. А. Грушке (5-А-III). Смирнов опубликовал в журнале «Адреса Петербурга» (№ 20/32) статью

«Хидекелевские школы». По словам самого ВВС (студенческая аббревиатура), он хотел показать Л. Хидекеля, как жертву «большого» стиля. Но бдительная редакция журнала сумела вырезать этот фантазм. Пикантно, что В. Смирнов вообще вспомнил Л. Хидекеля, — в мои студенческие годы наблюдалась жесткая конкуренция первой и второй учебных групп.

Перейдя на третий курс, я не сразу понял установленную в мастерской профессора Хидекеля иерархию. К нему с подчеркнутой почтительностью обращались его коллеги-помощники — доцент В. Г. Танкаян и, что удивляло, профессор Б. В. Муравьев, декан АФ. Со временем ситуация прояснилась — оба они были учениками Лазаря Марковича. Борис Викторович, на мой взгляд, в нашей мастерской выполнял роль «свадебного генерала», так как был партийным деятелем с большой «общественной нагрузкой». Его редчайшие экскурсии в наш учебный процесс, казалось, были для него отдохновением, синекурой. Сегодня могу пожалеть, что застал Хидекеля и Муравьева уже на излете их творческой жизни. Это были несомненные гиганты, благодаря чему их ученики, подобно И. Ньютону, могли бы при желании заглянуть далеко-далеко.

Так сложилась жизнь, что я пришел на факультет с небольшим критическим зарядом и разнообразным опытом:

работал художником-оформителем в СКТБ «Биофизприбор» и на «Северном заводе», служил радиотелеграфистом и начальником радиостанции в армии, работал препаратормом в мастерских живописи и скульптуры ЛВХПУ им. В. И. Мухиной. Благодаря тому, что я целый год прожил в мухинском училище (днем работал, а вечером рисовал на подготовительных курсах), я знал в лицо тогдашних архитектурно-дизайнерских VIPов, мало интересуюсь их именами, званиями или заслугами.

Там, в «Мухе», на защитах дипломных проектов я впервые увидел высокого импозантного господина, председательствовавшего в ГЭК на факультете декоративно-прикладного искусства (ДПИ). Он был похож на известного в те времена киноартиста. Господин сей был опытейшим начальником и оратором, говорил негромко, как бы устало, но веско и «окончательно». Он превосходно мог рассуждать об архитектуре и живописи, скульптуре и керамике и, что меня особенно удивило, о моделировании одежды. Притом его собственный костюм был «очень даже ничего», в отличие от одеяний других профессоров, раздававших дипломантам «модные приговоры».

Велико было мое удивление, когда в 1973 году перед новоиспеченными студентами-архитекторами ЛИСИ выступил с «тронной речью» декан АФ

профессор Б. В. Муравьев, в котором я без труда узнал председателя ГЭК из «Мухи»! Он стал нам говорить о невероятной трудности архитектурной профессии, что не все из нас доберутся до диплома, что человек, бредущий темным осенним вечером по городу Ленинграду, проходя под окнами какого-нибудь проектного института и увидев, что они светятся, может смело давать голову на отсечение, что там трудятся зодчие... В конце выступления он заявил: «Вы сейчас, вероятно, не догадываетесь, но вам предстоит строить на Луне!» Такого я не ожидал услышать и немного растерялся от предстоящей ответственности.

Через два года, уже с некоторым студенческим опытом, зная, что он декан, я попал под начало этого строгого профессора. Студенты, встречая декана в коридоре, приветливо говорили: «Здравствуйте, Борис Викторович». Он, всегда задумчивый, молча следовал мимо. Во время редких встреч на практических занятиях по проектированию я все-таки смог убедиться, что суровый Бобби Мур, как звали его озорники-студенты, внутри был добр. Особенно поразил он меня перед самой защитой дипломного проекта. Мне выпала тема «Ангарный комплекс АТБ Ленинград-Пулково», и Б.В., подсев ко мне, рассказывал, как он наводил порядок на немецких аэродромах

Борис
Викторович
Муравьев

после капитуляции Германии в 1945 году. Рассказ этот был пафосный и бессвязный. На следующий раз, сев рядом со мной, он дружески положил руку мне на плечо и проговорил: «За тебя я больше всего боялся!» Из этого я понял, что опасность мне больше не грозит, хотя и прежде о ней не ведал. Я почему-то был уверен, что декан меня с кем-то путает, что было немудрено при его большой нагрузке. По тогдашнему рейтингу я замыкал третий десяток из 130 выпускников и был достаточно опытен, чтобы не пытаться ничего выяснять у профессора.

Другое дело 1975 год! Едва мы поступили в мастерскую Хидекеля-Муравьева-Танкаяна, Лазарь Маркович предложил нам устроить выставку наших рисунков, по 2-3 работы от студента. Растянули по

На обходе
Слева направо: Л. П. Лавров,
Л. М. Хидекель, В. Г. Танкаян

стене тыльной стороной к зрителю миллиметровку и приклеили тяп-ляп свои картинки. Я, помнится, представил тепленькую акварель «Церковь Николы в Галеях во Владимире» и доинститутский портрет сестры Лены (карандаш). Мэтры что-то говорили тогда про каждую работу. Про мою акварель было сказано, что телефонная будка мешает, ее следовало бы убрать, а в моем рисунке никуда не годится подпись. Зато по поводу соседнего пейзажа нашей студентки Хидекель с улыбкой сказал: «Легко!» По моим меркам, пейзаж тот был никакой, и «легко» выходило неоднозначное. Еще не был забыт школьный Маяковский: «Конечно, различны поэтов сорта / У скольких поэтов легкость

руки!» Шли первые дни знакомства, студенты и новые преподаватели присматривались друг к другу. На всякий случай, я спросил мэтра: «Легко — это хорошо или плохо?» Профессор устало прикрыл глаза и несколько помедлил отвечать, зато реактивный В. Г. Танкаян стремительно отрубил: «Легко — это хорошо!» Тут надо сказать, что Валентин Гаврилович и в дальнейшем очень активно нас учил. А ремеслу, как таковому, пожалуй, учил только он. И если мы смогли после вуза утвердить себя в профессии, то его я благодарю первого.

Еще в мастерской Хидекеля частенько появлялся действующий архитектор М. В. Чернов из ЛенЗНИИЭПа, вероятно, призванный крепить связь теории с практикой. На мой взгляд, он не очень справлялся с этой ролью. У него было заготовлено несколько отмычек для студентов, он часто спрашивал: «Ну, что мы имеем с гуся?» Сам же отвечал: «...и гусиные лапки!» Потом говорил что-то невразумительно-тусклое по поводу проекта. Но однажды его посетило-таки вдохновение и он сказал: «Я считаю, что состоявшийся архитектор тот, кто за свою карьеру создаст три заметных проекта — крупное общественное здание, многоквартирный жилой дом и... (взмыл на политическую высоту) памятник Ленину!» Ответом ему была почтительная тишина. Кажется, он имел госпремию за

архитектуру пионерлагеря. Погребен он на Большеохтинском кладбище, почему-то с удлинённой фамилией Чернов-Шостаковский.

Из наших студентов, в основном, люди бывалые, великим зодчим считали Хидекеля. Вчерашние школьники, по-моему, его недооценивали. Впоследствии я обнаружил, что многие уже матерые ученики Лазаря Марковича тоже относились к нему с юмором.

Кинотеатр «Москва» занимал большое место в риторике Л. Хидекеля. Однажды наш студент придумал какую-то особо неудачную лестницу, на что Хидекель огорченно сказал: «Вы же учитесь в Ленинграде, тут столько

эталонных образцов! Есть Эрмитаж, кинотеатр «Москва». О проектировании «Москвы» он мог говорить бесконечно, это был детектив! Победив соперников на конкурсе проектов трехзального кинотеатра, Хидекель проведаль, что конкуренты не смирились с поражением и делали очередной «контрпроект». Тогда он взял самый большой подрамник, что у него был, махнул на нем цветную перспективу своего кинотеатра и вскочил с нею в последний вагон отправлявшейся в Москву «Стрелы». Конкуренты смогли привезти свой контрпроект лишь на день позже. И главный московский архначальник сказал Хидекелю, что контрпроект — «детский лепет»!

Кинотеатр
«Москва»
Архивное фото

ЛЕНИНГРАД.
КИНОТЕАТР „МОСКВА“

Кажется, на четвертом курсе Хидекель читал нашему потоку три лекции о театральных зданиях. В конце одной из них было предложено задавать вопросы. Тогда встал студент нашей мастерской Александр Борисович Тоболин (самый старший из нас, потому с отчеством) и спросил лектора: «Лазарь Маркович, а в каком стиле вы сделали кинотеатр “Москва”?» Профессор просиял и сказал: «Очень хороший вопрос! Я думаю, что это постклассицизм». Некоторым из нас слово настолько понравилось, что мы до окончания института только и делали, что «постклассицизм».

Сегодня я уже знаю, что в Москве тамошний авангардовед С. О. Хан-Магомедов издал книгу «Лазарь Хидекель». Обнаружить ее в Петербурге мне не удалось, и слог этого автора мне труден. Но вот питерский искусствовед Саблин видит ранний взлет Хидекеля в проекте рабочего клуба, потом удивленно рисует невнятный спуск зодчего с вершины. Взлет-то, думается мне, имел место, но едва ли был связан с какими-либо проектами. Характерен рассказ Хидекеля о его поступлении в ИГИ. Вступительные экзамены: пятерка по рисованию, двойка по математике... Казалось бы, все ясно! Но не для витебского юноши: его спешит принять в Москве нарком просвещения А. В. Луначарский. И Хидекель тут же становится

студентом-архитектором. Дальнейшие ступеньки карьеры — солидная должность в ИНХУКе, неадекватный пиар студенческого проекта рабочего клуба как логичная дань революционизму эпохи. По моим наблюдениям, Лазарь Маркович все же был человек трезвый, сознавал истинные размеры своего дарования, потому и жил долго. «Секрет долголетия прост, — говорил он нам, — надо много работать!»

И он работал. К моменту нашего знакомства ему был 71 год, но он живо реагировал на лавину обрушивающихся на него студенческих проектов. Быстро схватывал главное, а ремесленными деталями себя не «грузил», для этого был В. Танкаян. Нередко пожилой профессор, сидя перед сырым студенческим проектом, слегка задремывал: мы слышали звук падающего на пол карандаша, потом умеренный храп. Тогда мы утихали, дабы человек мог отдохнуть.

В Хидекеле было развито современное начало, он последовательно внушал нам мысль, которая в наиболее банальном виде выглядит так: «Победителей не судят». Однажды, наблюдая, как я рисовал перспективу своего здания, Учитель посоветовал мне исказить ее самым несусветным и нахальным образом. На мое нетвердое «так не бывает» мастер отвечал: «Ты что, трус? Надо уметь врать, но только на пользу себе, а не во вред!»

Или говорил: «Молодежь, уходите вы от меня в проектные конторы, попадете неизвестно к кому. Будет ваш начальник сам серый, и вас в болото потянет, вспомните меня еще». Зато с Лазарем Марковичем студенты могли запросто гостить на Олимпе.

Вот несколько баек от Л. Хидекеля.

— Сидели мы с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем, слушали музыку. Я говорю: «Дмитрий Дмитриевич, вот считается, что архитектура пространственное искусство, а музыка — временное. Но это неправильно. Когда я слушаю хорошую музыку, она поднимает меня из кресла ввысь и уносит в далекое пространство. Поэтому музыка — пространственное искусство!» И Дмитрий Дмитриевич со мной согласился.

— Приехал к нам NN (зодчий-иностранец калибра Корбюзье, Райта, Миса). Мне поручили его развлекать. Думаю, какую архитектуру ему показать в Ленинграде, нечем его здесь удивит. Отвез я его в Кижы, потом было не оторвать, обалдел он от восторга, благодарил непрерывно.

— Пришел ко мне мой выпускник, показывает фотографии, говорит: «Лазарь Маркович, я сделал дом-пластину». Эх, думаю, по башке бы тебя этой пластиной, угробил весь участок, разве тому я учил?

— Танечка Сафонова не прошла с первого раза на архитектурный, плакала. Я говорю: «Иди на ПГС, потом тебя заберу». Перевел к себе, теперь она дважды лауреат!

(В отсутствие автора-студентки Хидекель разглядывает незавершенный проект):

— Я недоволен! Недоволен. [?] Почему Четкина? Я ведь еще ее родителей учил! Верочка Травникова она. Ладно, поставлю ей тройку, пускай танцует четку.

Не припоминаю, чтобы Лазарь Маркович толковал нам непосредственно о супрематизме, но на давние обвинения его в формализме отвечал так: «Да, я формалист, но формалист художественный!»

Речь его была хороша простотой. Жаль, не изданы его сокровенные мысли об искусстве! Сдается мне, что эта книга была бы

На юбилее в Доме архитекторов
Слева направо:
В. В. Смирнов,
В. Г. Танкаян,
Б. В. Муравьев,
Л. М. Хидекель

на уровне «Жизни и зодчества» Д. Н. Чечулина! Ранние взлеты ленинградского и московского «зодчих-выдвиженцев» очень похожи! К сожалению, похожа и «рыночная» участь их творений.

Завет, оставленный Хидекемелю мне, примерно таков: «Архитектура — важное звено взаимодействия человека с природой. Она призвана максимально открыть человека добрым силам природы и укрыть его от злых ее сил».

Памятник
Л. М. Хидекелю

Лазарь Маркович как-то говорил нашему курсу, что пытается пробить идею создания в Ленинграде Архитектурного института в здании Инженерного замка. Мне эта идея очень нравилась, потому что я провел юные годы в тишкинской ДХШ (набережная Фонтанки, 18), любуясь великолепным зданием замка и рекой Фонтанкой, на которой особенно красочно проходили регаты «Золотые вёсла». (Думаю, я не очень ошибусь, если скажу, что бывший ученик тишкинской ДХШ скульптор Дмитрий Каминкер увидел своего «Каменного гребца» впервые именно здесь.)

Мой однокашник по ЛИСИ Сергей Бендер говорил мне, что был вхож в дом Хидекеля (на Манежной площади), где просматривал пухлые папки с графическими опусами мастера. Сейчас с этим наследием тянется некая канитель в США, куда съехал сын учителя Марк.

Что касается лучшего детища Лазаря Марковича — кинотеатра «Москва», то это, при всех стиливых шероховатостях, — очень добротная архитектура. Гармоничная, человечная, соразмерная и питерская. Ее надо беречь до последнего!

Где-то почти во время нашей защиты (в несуществующий день 29 февраля) Хидекелю исполнилось 75 лет. Мы этого не знали. Но осенью в ленинградском Доме архитектора его юбилей торжественно отметили.

Наиболее ярко выступили там студенты следовавшего за нами хидекелевского курса, отличавшегося разнообразием дарований (архитектор-педагог П. Лощаков, архитектор-поэтесса В. Лелина, живописец-пастельщик С. Усик и др.). Под аплодисменты собрания зодчих студенты нарядили своего профессора

в алую мантию. От нашего курса юбиляра поздравлял Н. В. Ромашкин-Тиманов, сейчас известный метростроитель Петербурга и Казани.

На кладбище в Комарово Л. М. Хидекель и Б. В. Муравьев лежат на противоположных сторонах дорожки, но, по-моему, смотрят друг на друга.

Памятник Б. В. Муравьеву

ПРИЛОЖЕНИЕ

«С ЛЮДЬМИ ВЕДЬ ТАК ИНТЕРЕСНО»

«За строительные кадры», 23 ноября 1981 г.

Большая, крупная фигура профессора Бориса Викторовича Муравьёва, его громовой голос, тяжелая походка издавна заставляли трепетать новичков архитектурного факультета. Но студенты постарше за глаза называли его папой: за суровой внешностью декана скрывалась заботливая душа настоящего педагога и хозяина факультета. Доброту выдавали глаза и дела Бориса Викторовича. Целый шлейф студенческих рассказов — правдивых и не очень — сопровождал его как личность незаурядную и самую заметную на факультете. Обычной темой этих рассказов была всегда неожиданная и острая реакция Бориса Викторовича на всяческие нарушения, на которые так талантливы и неистощимы архитекторы...

Теперь Борису Викторовичу за семьдесят, он перешел на более «спокойную» работу заведующего кафедрой архитектурного проектирования, но забот не уменьшилось. Кафедра практически круглый год ведет дипломное проектирование, возникает много сложностей со

стыковкой учебных программ, ведется большая научная работа (у самого Бориса Викторовича свыше пятидесяти публикаций), постоянно и безостановочно встают хозяйственные и масса других проблем различного калибра. Не обходится без конфликтов чисто человеческих, которые тоже приходится разрешать, а решение никогда не бывает легким. Помогает важнейшее качество Бориса Викторовича — умение во всем и сразу видеть главное. Это же качество повлияло и на весь его жизненный путь: «Как и все архитекторы, я мечтал проектировать и строить. Но судьба распорядилась иначе. Пришлось большую часть жизни организовывать процессы проектирования, исследования, обучения архитекторов. Жалею ли я об этом? Иногда жалею, но когда встречаю своих выпускников, когда узнаю об успехах своих товарищей, всех тех, кому когда-то удалось помочь, тогда, как говорил Маяковский, “жизнь встает в ином разрезе”. И потом, с людьми ведь так интересно работать».

...В те далекие двадцатые годы, когда мечта стать хорошим строителем, строить своими руками была явлением всеобщим — страна поднимала себя в едином порыве созидательного пафоса. Этот порыв захлестнул и юношу из Краснодарского края Бориса Муравьёва. Семнадцатилетним он пошел на стройку — сначала рабочим, потом десятником, а затем — и это тоже было типично для того времени — стал студентом. В 1933 году из Новочеркасского института инженеров коммунального строительства перевелся в ЛИСИ, а через три года он уже был обладателем диплома архитектора. Затем год службы в Военно-Воздушных Силах и, наконец, возможность заняться любимой работой — зачисление в штат Архитектурно-планировочного управления Ленсовета. Одновременно Борис Муравьёв становится вечерним аспирантом ЛИСИ.

Это были напряженные, но счастливые годы, когда была возможность много проектировать. Успех на этом пути пришел довольно быстро: большой конкурс на проект планировки и застройки площади перед новым Домом Советов принес победу Б. Муравьёву и его другу В. Харкевичу (погибнет на войне). Работа над этим проектом помогла им обоим защитить перед войной кандидатские диссертации. В 1940 году Муравьёв становится членом партии.

Война врезалась в судьбу Бориса Викторовича резко и глубоко. Служба в морской авиации и в мирное время нелегка, а на войне тяжесть ее удесятелится. Первые месяцы службы прошли под Ораниенбаумом, где базой части был знаменитый крейсер «Аврора». Здесь был сформирован отдельный инженерно-восстановительный

Выпускники ЛИИКСа 1936 г.
профессора А. И. Наумов и Б. В. Муравьёв. 1960-е гг.

батальон ВВС Балтийского флота. Муравьев в этом батальоне был назначен помощником командира взвода. Боевую присягу принимал у «Самсона» и прямо от него, этого символа мощи и победы, начался трудный, в постоянной опасности путь до Берлина. В столицу Германии Муравьев вошел уже заместителем командира батальона. Позади осталось множество аэродромов в Ленинградской области, Прибалтике, Померании, построенных или восстановленных его подразделением. Одно время пришлось обслуживать авиацию, прикрывавшую Дорогу жизни.

После войны Борис Викторович целый год работал в Москве начальником отделения Управления авиации ВВС СССР, но призвание взяло свое, и в 1946 году он вернулся в ЛИСИ. Умудренный и опаленный военным опытом, Борис Викторович быстро проходит путь от ассистента до доцента и декана архитектурного факультета. Кажется, жизнь приобретает, наконец, устойчивые очертания. Но в 1952 году он неожиданно получает ответственное назначение на пост руководителя Ленфилиала Академии архитектуры СССР. Филиал вскоре был преобразован в ЛенЗНИИЭП, но суть от этого не изменилась — главным направлением работы по-прежнему оставался Север. Четырнадцать лет жизни отдал Борис Викторович организации исследований архитектуры северных районов.

Начинать пришлось на пустом месте. Первые научные сборники печатал Детгиз, первой экспериментальной базой был громадный пустырь на Витебском шоссе. Но именно в то время определились все важнейшие направления работы ЛенЗНИИЭПа, впервые серьезно были поставлены демографические исследования, созданы проблемные лаборатории, в том числе и такая перспективная, как лаборатория пространственных конструкций.

Последнюю четверть века Борис Викторович опять в ЛИСИ.

Беспокойный архитектурный факультет — его боль и его страсть. По-прежнему голос декана стал греметь в коридорах факультета. По-прежнему удивлял он своей памятью на людей, особенно заметной на встречах выпускников. Он любит эти встречи. Со всех концов страны съезжаются бывшие студенты отметить тридцатилетие, двадцатипятилетие, двадцатилетие выпуска. Крепкие, закаленные, с «внутренним ядром» люди...

После этих встреч с удвоенным беспокойством всматривается Борис Викторович в лица сегодняшних студентов. Что придаст им жизненную крепость, как подготовить их, не знавших больших лишений, к боевой активности в современных, совсем не легких условиях за воротами вуза?

С. ЗАВАРИХИН,
доцент кафедры истории
и теории архитектуры

УДК 72.03:72.011.3

Светозар Павлович Заварихин,
доктор архитектуры, профессор
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

Svetozar Zavarichin,
Doctor of architecture, Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

АЛЕКСАНДР АГАБЕКОВ

ALEXANDR AGABEKOV

Статья посвящена памяти замечательного художника-новатора, нашедшего свой путь в современном изобразительном искусстве во многом благодаря своему архитектурному образованию.

Ключевые слова: *Агабеков, искусство, архитектура, коллажи*

The article is dedicated to the memory of a remarkable innovator, who found his contemporary fine arts largely due to his architectural education

Keywords: *Agabekov, art, architecture, collages*

В начале своей очень краткой «Автобиографии», опубликованной в солидном 250-страничном монографическом альбоме, выпущенном Русским музеем в последний год его жизни, Агабеков пишет:

«Я родился в Ленинграде в 1936 году. Отец воевал на фронте. Мать врач, и мы с сестрой, двое детей, пережили все 900 дней блокады Ленинграда. Младший брат умер от голода.

Во время учебы в школе я ходил в районный Дом пионеров, где учился рисовать. Посещал художественную школу при Таврическом художественном училище.

По совету отца, архитектора, я поступил на архитектурный факультет ЛИСИ в 1954 году, который окончил в 1960-м. Учился в аспирантуре ЛИСИ. В институте под руководством художника А. С. Ведерникова начал заниматься литографией. Встреча с Александром Семеновичем сыграла решающую роль в моей творческой жизни.

Как архитектор я работал в Академии архитектуры и в институте «Ленпроект». Там познакомился с моей будущей женой, архитектором Симоновой Екатериной Николаевной, дочерью Народного артиста СССР Николая Константиновича Симонова.

В ЛИСИ преподавал на кафедре рисунка и живописи. Мне удалось разработать коллажи из нескольких слоев стекла с двусторонним изображением, проникающим друг в друга, где словно оживают «принципы экономии формы», которые исповедовал Владимир Петрович Волков.

«Принцип экономии» позволил мне изображать персонаж или объект одновременно с двух сторон, внешней и обратной».

У искусства всегда были две противоположные цели — остановить мгновение и, с другой стороны, — выразить смену мгновений, показать многослойность и «неокончателность», неостановимость, текучесть жизни и ее «закулисы». Первая цель достигается с помощью Школы, ремесла, таланта художника-фиксатора, через стиль, «хороший вкус». Другое предназначение искусства не имеет

определенной технологии своего «овеществления». Здесь художник проникает сквозь видимую оболочку действительности «невооруженным глазом», без предвзятой установки, без наработанных приемов. Столь же «безоружным» оказывается и зритель перед такими произведениями: невозможно пересказать их сюжет, вставить в привычные рамки статичных композиций и критических оценок. Творчество

Агабекова богато именно такими сложностями взаимоотношений с «потребителями» и критиками искусства и поэтому целых два десятилетия числилось по разряду формальных, «не наших» искусств.

Агабеков действительно формалист, но только в том смысле, что любой художник может общаться со зрителем только через форму — графическую, цветовую, объемно-пластическую. Иного просто не дано. Особенность Агабекова — в его способности «конструировать» свой мир по-архитектурному, с помощью «первоэлементов», сложно соотносящихся друг с другом. Художник буквально выстраивает архитектуру мира, находящегося за гранью внешней видимости. Он сначала «рассыплет» действительность на «конструктивные элементы», а затем собирает ее заново таким образом, что возникший калейдоскоп не только более ярк, чем привычная жизнь, но еще и обладает «рентгеновским» свойством просвечивать смысловые сущности жизни. Этот «калейдоскоп» может быть абстрактно-геометрическим, либо «жизнеподобным» — от этого его пронзительность не ослабевает. Агабеков живописец по призванию, он видит мир только через цвет и форму, но он еще и технолог-изобретатель, подаривший людям технику многослойного и даже двустороннего коллажа,

способного жить своей жизнью в разных условиях освещения, в разном пространстве, дающего возможность бесконечной работы над ним. Агабековские коллажи — это своеобразная «новожизненная» структура, над которой постоянно колдуют сама жизнь и само Время.

«Рентгеновская» технология дает возможность таланту многократно увеличивать возможности самореализации, а значит, и возможности познания мира и любования им. Но коллажи Агабекова все же не стопроцентно самоценны. Они по-настоящему оживают в окружении других произведений художника — его пронизанной внутренним солнцем живописи и сложноорнаментальной, зашифрованной графики.

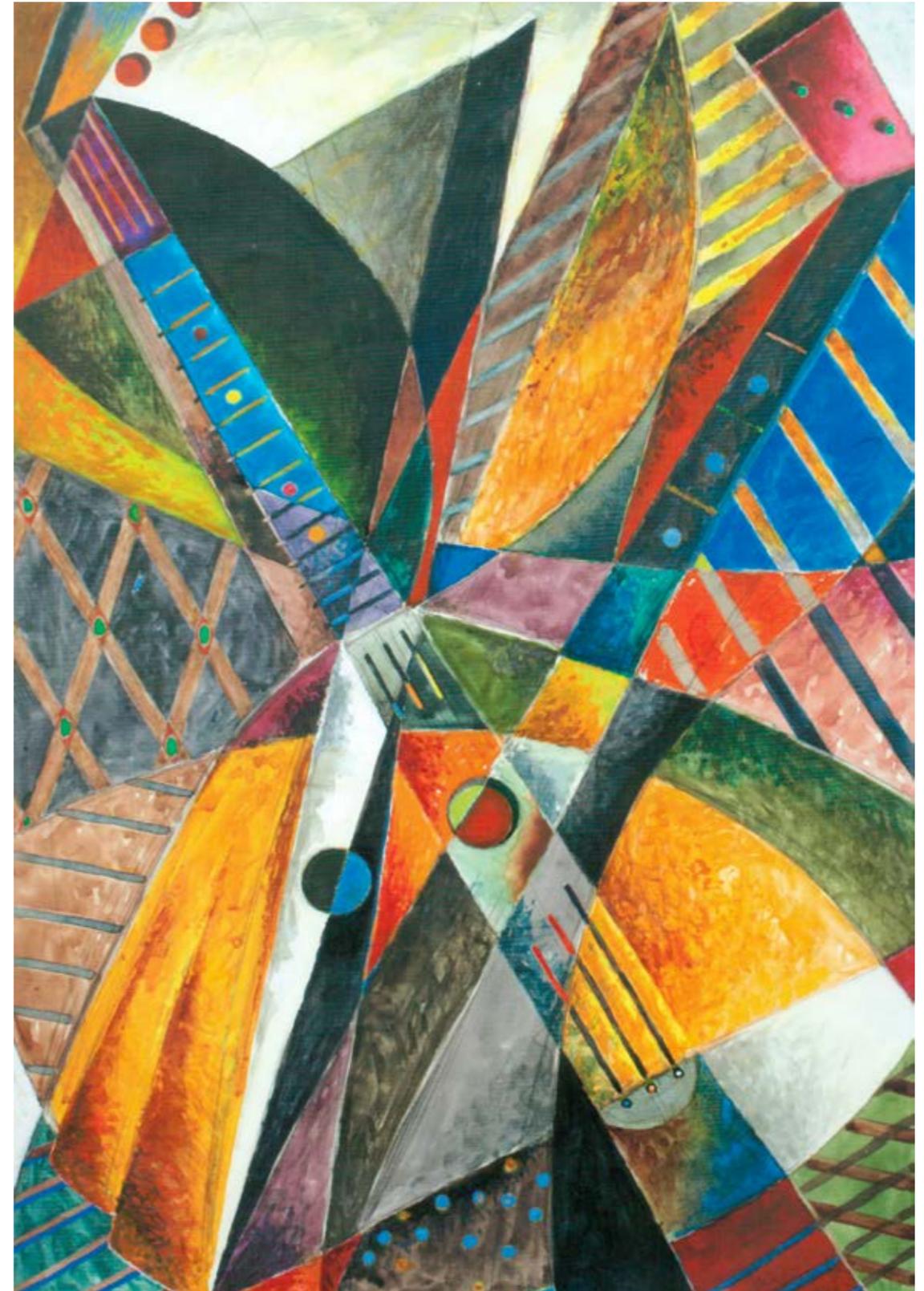
P. S. За 35 лет активных творческих поисков у Агабекова состоялось почти двадцать персональных выставок. Последняя — в 2015 году. Русский музей провел ее (как и в 2001) в Строгановском дворце. Невиданный успех экспозиции заставил организаторов два раза продлевать ее. В заключительный день Александр Агабеков дарил приглашенным только что вышедший монографический альбом, изданный в сотрудничестве с английским издательством «Palace Editions». Автор обширной вступительной статьи искусствовед Ольга Мусакова, анализируя истоки творчества Агабекова, пишет,

что «изучение авангарда стало импульсом собственных исканий в направлении “минимум средств — максимум выразительности”. Целый мир открылся художнику на пути к “экономии

средств”. Вглядываясь в полотна Малевича, он находил на каждом сантиметре живописной поверхности множественные вибрации мазка и сложные перетекания красок».

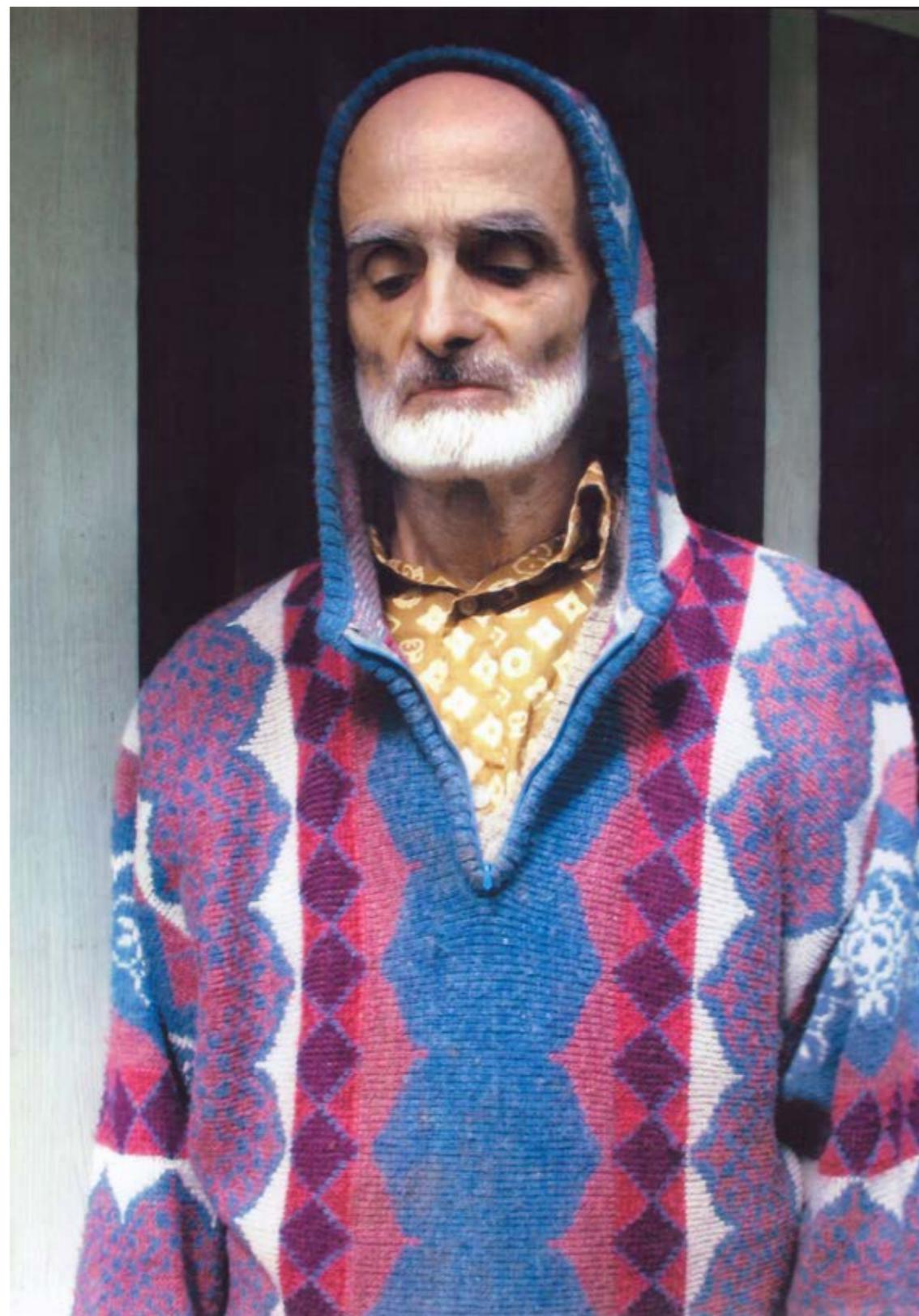

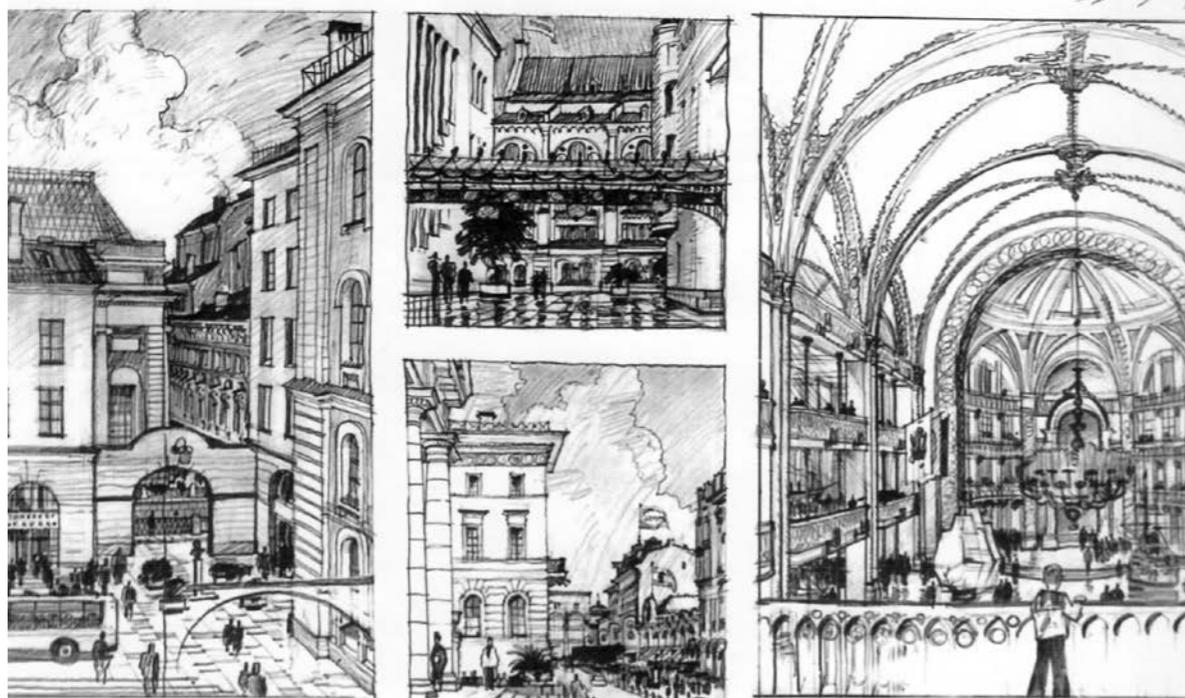
Балалайка

Дуэт

*Клоун**Натюрморт*

*Смещение**Агабеков*

УДК 72.03:72.011.3

Светозар Павлович Заварихин,
доктор архитектуры, профессор
(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

Svetozar Zavarichin,
Doctor of architecture, Professor
(Saint Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering)
E-mail: z-svetozar@mail.ru

БОРИС КОСТЫГОВ

BORIS KOSTYGOV

Статья посвящена Борису Геннадиевичу Костыгову — архитектору, историку, глубокому знатоку петербургского зодчества и замечательному художнику-графику, фантазия которого заново рождала целые пласты исторического Петербурга.

Ключевые слова: Костыгов, архитектура, Петербург, графика, реконструкция

The article is devoted to Boris Gennadievich Kostygov — an architect, historian, a great connoisseur of architecture in Petersburg architecture, whose fantasy re-engrained whole layers of historical Petersburg.

Keywords: Kostygov, architecture, Petersburg, graphics, reconstruction

Если согласиться с известной сентенцией, что архитектура — это застывшая музыка, то Борис Костыгов — человек-оркестр, призванный оживлять и даже воскрешать «мумии» архитектурного схематизма при работе в историческом контексте. Это его призвание было заметно уже в студенческие годы, и однокурсники не единожды просили его помочь с антуражем на своих проектах. Особая любовь у него была к Петербургу Достоевского — это была его стихия. Казалось, что он сам только что вышел из той своей «прошлой» жизни — настолько достоверно он населял «достоевское» пространство города зримыми приметами времени и живой жизнью, демонстрируя феноменальную память на исторические детали, архитектурные и бытовые. При этом он обильно

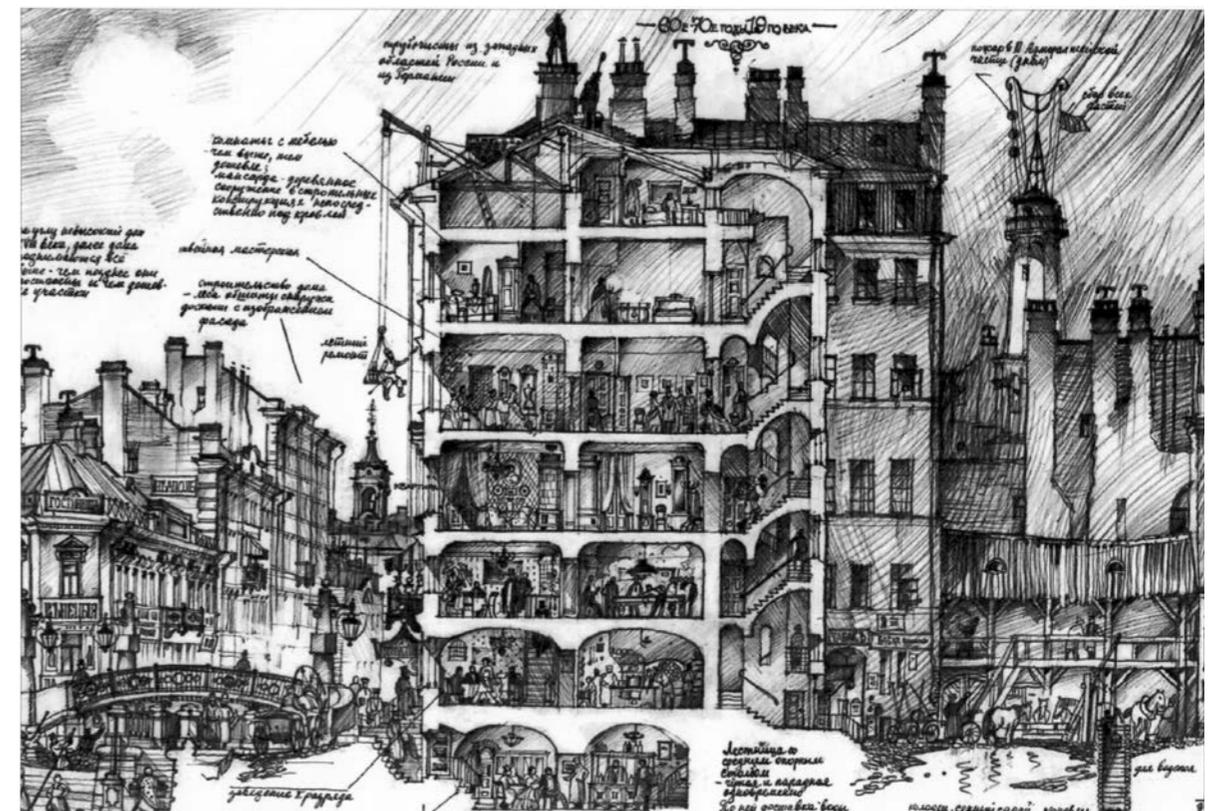
насыщал свою свободную графику «размышляющими» (а не поясняющими!) текстами.

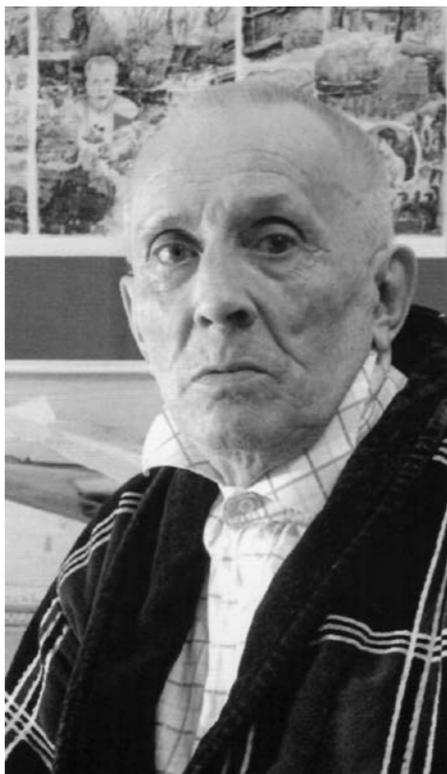
В современную электронную эпоху подобная интеллектуально-ручная технология творчества, основанная на образно-смысловой, а не на каталожно-складской памяти, практически невозможна. Любой прогресс неизбежно чреват какими-то потерями, иногда в самых неожиданных, казалось бы, «вечных» сферах жизни и того, что Ницше называл «человеческое, слишком человеческое». В этом смысле Борис Костыгов — это, возможно последний из могикан, кому поручено было зримо воплощать образы уходящего «человеческого» в бесконечных рулонах и листах его «живородящей» графики. И это притом, что Борис был «добропорядочным» проектировщиком, корпевшим в мастерских над

«нормальными» проектами. Он сам писал об этом: «Я был рядовым архитектором, как и мои коллеги. Работал «за жильё» и учился в аспирантуре (тема «Жилище при коммунизме» была снята начальством и с научного отдела, и с меня). Рабочие чертежи сотнями.

Авторский надзор (районы Шувалово — Озерки) и др. И еще мне давали возможность подработать, но очень немного: рисовать перспективные рисунки проектов других авторов. Из них-то и образовалась своего рода записная книжка — сотни (!)

изображений архитектурных проектов, предпроектов и даже очень спорных проектов! Как писал Тютчев: «Он — их высоких зрелищ зритель!» Это необычное амплуа требовало и рисунков места с натуры, и бесконечного тяготного выполнения точнейших требований автора проекта!»

Борис Васильевич Николащенко, руководитель 1-й мастерской Ленпроекта, в которой Костыгов проработал двадцать лет (вплоть до выхода на пенсию), даже систематизировал необъятное графическое наследие своего сотрудника и составил его краткое жизнеописание. Из него узнаем, что архитектор и художник Борис Костыгов родился в 1940 году, по его словам, «в заколдованном

месте у темной языческой реки Волхов, а по документам — в городе Волховстрой, в семье выходцев из псковских и вологодских крестьян. /.../ Окончание школы с серебряной медалью и поступление на архитектурный факультет ЛИСИ в 1957 году для юноши из рабочего поселка было делом неординарным. Визуальное освоение и обживание исторического центра Ленинграда шло параллельно с освоением ленинградских библиотек и музеев: узнавание имен мастеров искусства — Врубель, Корвин, Тициан, Веласкес, Пикассо, Рерих, Модильяни, Сезанн, «Архитектурная энциклопедия» Барановского, англоязычные архитектурные журналы. Посещал рисовальный кружок Иосифа Сидлина в Доме культуры им. Капранова».

Становление Костыгова-художника шло постепенно, от первых ремесленных работ, до зрелых и проникновенных. Конвейер его графических «сюит», казалось, не останавливался ни на минуту. Тот же Николащенко пишет: «Сотни и сотни громадных по размеру рисунков, иногда до 9 метров в длину (панорамы) и до 2,5 метра в высоту (аксонометрии). Он рисует легко и раскованно, в расчете на неизбежное для рисунка включение его в материалы проекта».

Характер произведений Костыгова зависел не только от темы рисунка, но и от техники исполнения, которая у него была

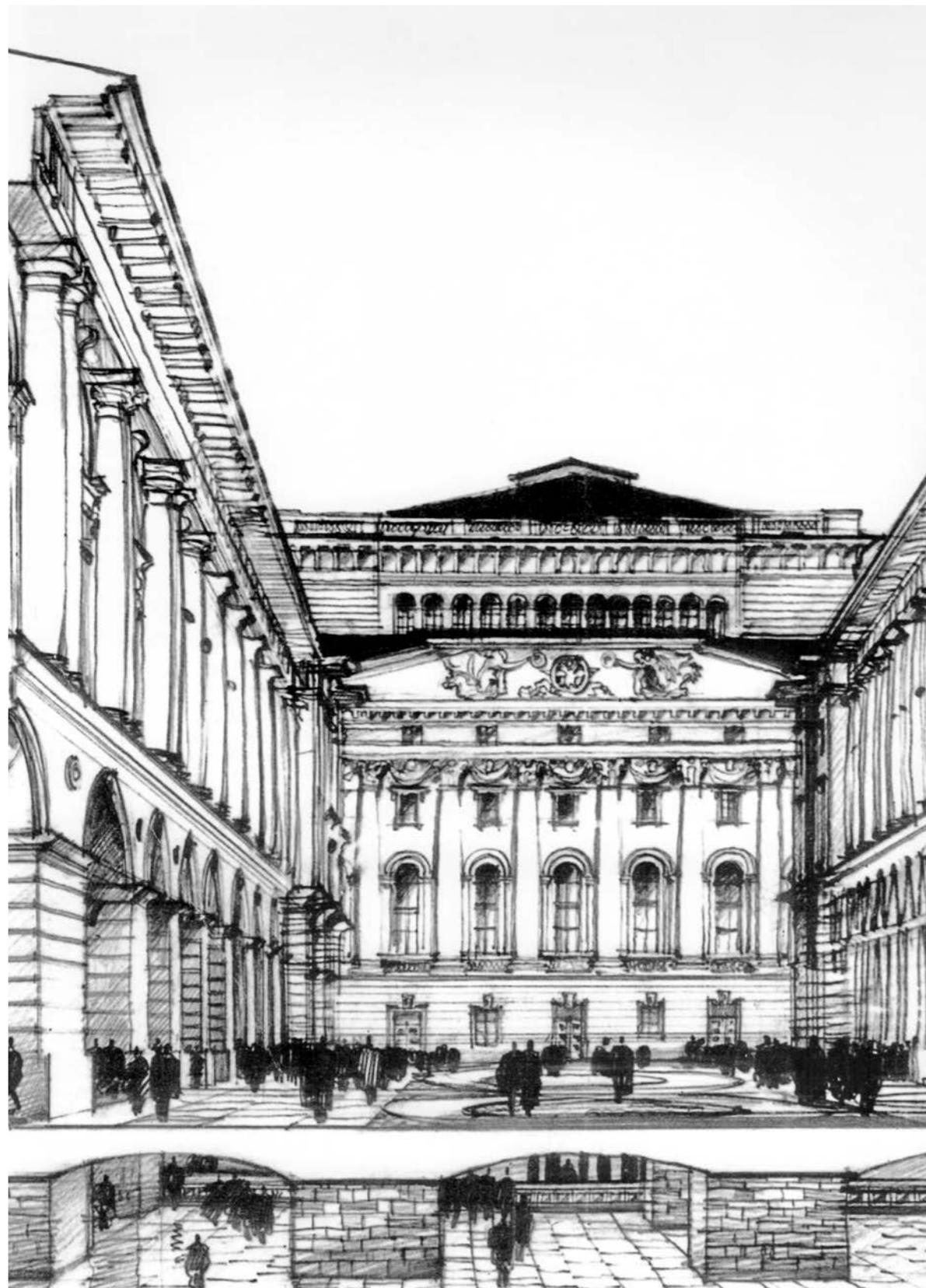

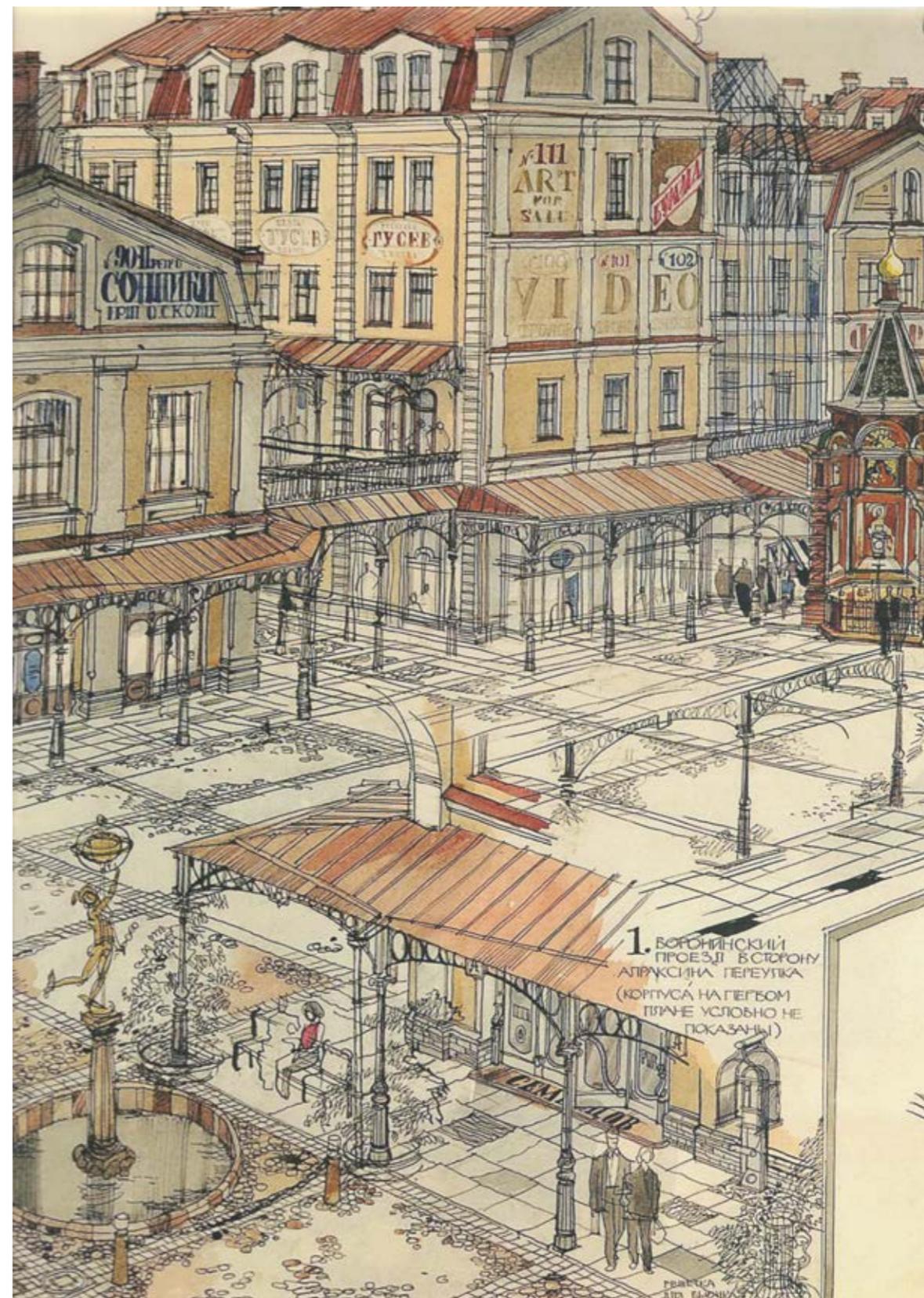
весьма разнообразной — линия, штрих, растушевка, пятно, мазок, а материалы — карандаш, ретушь, акварель, тушь, белила, перо, кисть, фломастер.

Костыгов был фактическим участником многих проектных эпопей. Среди них проекты реконструкции историко-архитектурных ансамблей, ландшафтов и заповедных зон, концептуальные проекты реконструкции исторических кварталов, графическая реконструкция крепости Орешек. Немало у него эскизных проектов храмов и монументов, и, наконец, просто рисунков с натуры.

Феномен Бориса Костыгова еще ждет своей расшифровки и осмысления.

Светозар Заварихин

МНОГОТИРАЖКА КАК ЗЕРКАЛО МНОГОГРАННОЙ ЖИЗНИ ЛИСИ

Резкое увеличение численности студентов, произошедшее в 1930 году, превратило Ленинградский институт коммунального строительства в солидный, крупный вуз, для успешной работы которого стал необходим некий объединяющий информационно-идеологический центр в виде внутривузовского периодического издания. И это свершилось. **4 февраля 1931 года вышел первый номер многотиражной газеты «На стройке».** Конечно, это была весьма скромная двухполосная газета, по существу листок рыхлой желтоватой бумаги с расплывчатой печатью. Ее первым редактором стал Л. Орлов. Характер

бескомпромиссно-боевой эпохи полностью проявлялся в названиях газетных статей: «Активно прошла антипасхальная кампания в ЛИИКСе» (1933), «Бюрократы руководят работой наших буфетов!» (1934), «Ликвидируем либерализм в оценках» (1935). Война прервала работу газеты почти на два десятилетия.

Период «оттепели» шестидесятых годов реанимировал активность общественной жизни в ЛИСИ. Студенты сами организовывали турпоходы, выездные мероприятия, различные встречи, вечера поэзии, бардовской песни, масштабные конкурсные вечера. Выделялся здесь архитектурный факультет (тогда называвшийся градостроительным),

чему немало способствовало его автономное размещение в переулке Бойцова. Атмосфера дарованной свободы рождала романтический энтузиазм творчества, когда даже начавшаяся эпоха крупнопанельного строительства воспринималась как подготовка к появлению «голубых городов» будущего.

Многотиражка «За строительные кадры» тогда тоже переживала взлет своей деятельной значимости в жизни института. Делали газету молодые профессиональные журналисты — Лев Сидоровский, Виталий Соболев, Муза Иванова, Борис Вахрамеев. Был даже свой поэт — Владимир Хрилев. Руководили ими Борис Алфераки, затем Ирина

Здесь и далее — рисунки В. Мостовича

Глушевская. Помещение редакции напоминало штаб боевых действий — там постоянно толпились внештатные

корреспонденты из студентов и аспирантов разных курсов, стучала старенькая пишущая машинка, заглядывали преподаватели. Еженедельная периодичность газеты требовала упругого динамизма работы, и это подстегивало молодежную азартность действий всех участников редакционного процесса. Тогда не было привычной сегодня аббревиатуры СМИ, не было понятия пиара, газетных «уток», не было информационного богатства Интернета, современных возможностей полиграфии. Газета просто всегда жила и работала в гуще событий, недостатка которых в то общественно-активное время, конечно, не было.

Среди многообразных по тематике и жанрам публикаций нередкими были критические, касавшиеся проблем обучения, поведения студентов, качества проведенных ремонтов и прочего. О многообразии интересов газеты говорят сами названия статей: «Жить в будущем!», «Великая наука может подвести», «Дружина ловит быстроногих», «Человек идет за солнцем», «Пульс факультета», «Как я работал мастером», «Широкая Русь и готика», «Ночь перед Рождеством», «Похудевшие и поумневшие», «Сакартвело», «О чем говорят стенды», «Осень в деревне», «Формула Нефертити», «Память жива», «От истории к современности», «Слово первокурснику».

Последующий, менее романтический период истории страны сделал газету более монументальной и официальной, но начавшаяся в середине восьмидесятых перестройка вновь оживила общественную жизнь в ЛИСИ. Многотиражка запестрела заголовками типа «С верой, надеждой и любовью», «Ритуал или аттракцион?», «Эта долгая дорога к храму», «Есть ли у нас архитекторы?» Большой резонанс на Архитектурном факультете вызвала широко обсуждавшаяся в городе идея создания Архитектурного института путем объединения соответствующих факультетов ЛИСИ и Академии художеств (Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина). От идеи слияния двух столь различных архитектурных школ

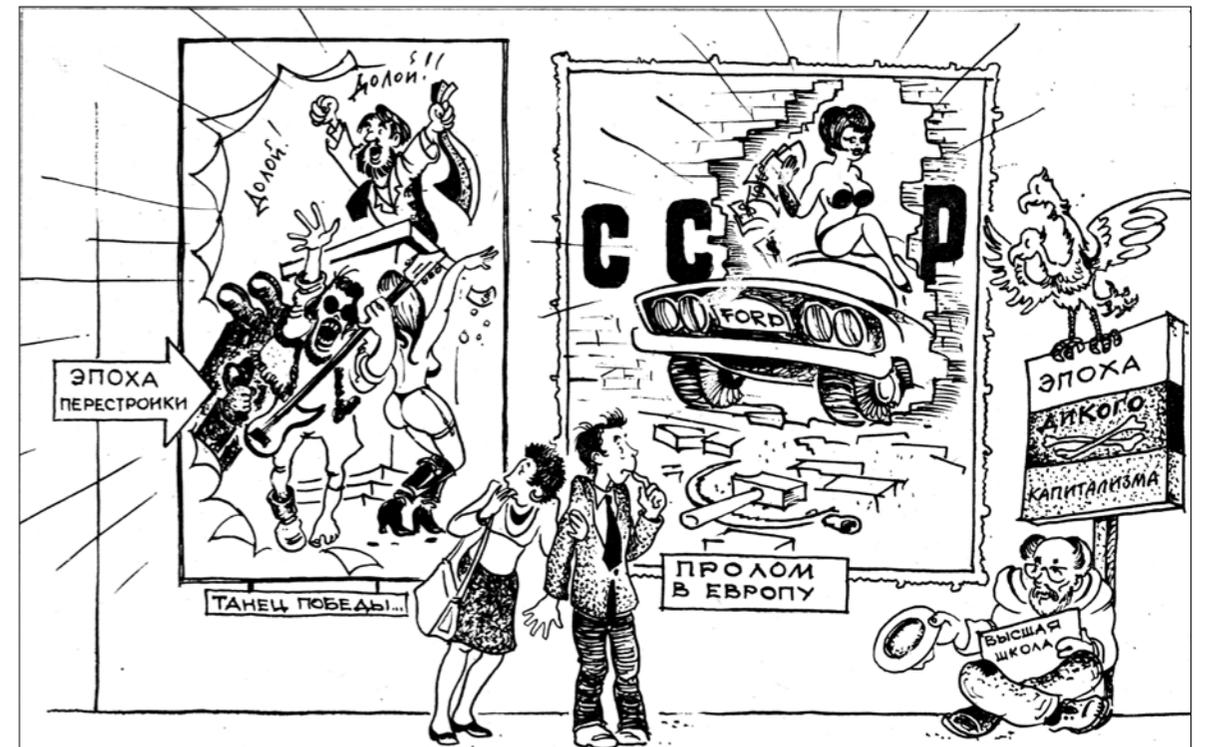
в конце концов отказались, но ее отголоски еще долго рождали дискуссии на эту тему.

Однако независимо от эпохи частым «атрибутом» многотиражки 1980-х годов были карикатуры. Среди авторов был Владимир Васильев (ныне заведующий кафедрой теплогазоснабжения и вентиляции).

Выделялся своей активностью преподаватель кафедры истории и теории архитектуры **Валерий Мостович** (сейчас он возглавляет эту кафедру). Добрый юмор его остроумно-выразительных и очень фактурных рисунков смягчал строгую официальность некоторых публикаций и придавал газете качества «домашнего» собеседника. При этом тематический охват рисунков Мостовича был очень широк: от саркастических пассажей по поводу перестроечной действительности — до лирических мотивов весеннего характера. Героями его карикатур были не только нерадивые студенты или хозяйственники, но и преподаватели, а также заметные события вроде кампании по созданию Ленинградского архитектурного института.

Преобразование ЛИСИ в СПБИСИ, а затем в СПбГАСУ изменило характер многотиражной газеты, ставшей солидной, на мелованной бумаге, цветной, обильно иллюстрированной. Недаром же говорят, как корабль назовут, так он и поплывет. И действительно, современный архитектурно-строительный университет по своему «содержанию» мало похож на «старинный» инженерно-строительный институт. Теперь многое здесь стало большим, внушительным. А большому кораблю — большое плаванье.

За строительные кадры

АВТОРАМ СТАТЕЙ

Жанр альманаха занимает промежуточное положение между наукой и публицистикой, что позволяет преодолеть ограничения сугубо научных сборников и значительно расширить круг заинтересованных читателей. Это особенно важно для архитектуры как постоянного, но молчаливого «собеседника» человека. «Разговорить» архитектуру — главная задача нашего альманаха. Поэтому к публикации принимаются статьи, содержащие некую архитектурную интригу и написанные живым, доступным языком, с большим количеством иллюстраций. Тематика ничем не ограничена — это могут быть научные, но интересно поданные статьи, могут быть биографические или аналитические эссе, возможны очерки на архитектурные темы и другие материалы.

Рукописи предоставляются тремя файлами — текст (от 5 до 20 стр.), иллюстрации (не менее одной на каждые две страницы текста) и подрисуночные подписи.

Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль 12 или 14 пунктов. Форматы doc, docx, rtf. Межстрочный интервал — 1,5, выравнивание по ширине страницы, без переносов. Абзацный отступ — 1,25 см (должен устанавливаться автоматически). Подчеркивание текста не допускается. Выделения в тексте — жирным шрифтом, курсивом или шрифтом *Arial*. **Не допускаются** выделения ПРОПИСНЫМИ (заглавными) буквами. Кавычки — «елочки» (« »). Ссылки в квадратных скобках. Поля страниц: левое — 25 мм, остальные — 20 мм.

Подрисуночные подписи: шрифт — Times New Roman, кегль — 10 пунктов, межстрочный интервал — одинарный, абзацного отступа нет, выравнивание по левому краю.

Текст сопровождения (сведения об авторах, аннотация и ключевые слова) приводятся на русском и английском языках. Шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 10. Ключевые слова — не более пяти.

Список литературы: источники приводятся на языке оригинала. Шрифт — 10.

Фотоиллюстрации: форматы Word, TIF, JPG, PDF. Разрешение не менее 300 dpi.

О Б Р А З Е Ц

УДК 72.03:72.011.3

Светозар Павлович Заварихин,

д-р арх., профессор

(Санкт-Петербургский государственный

архитектурно-строительный университет)

E-mail: z-svetozar@mail.ru

Svetozar Zavarichin,

Dr. of archit., Professor

(Saint Petersburg State University

of Architecture and Civil Engineering)

E-mail: z-svetozar@mail.ru

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова:

Abstract

Keywords:

ТЕКСТ СТАТЬИ

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев В. В. История крепостей. М., 2000. С. 118.
2. Стасов В. В. Наши итоги на Всемирной выставке // Стасов В. В. Избранные сочинения. В 3-х т. Т. 1. М., 1952. С. 155.
3. Бондаренко И. А. Москва в конце XV–XVI вв. // Древнерусское градостроительство. М., 1993. С. 31.
4. Школа народного искусства» // Аполлон. Художественная летопись. 1914. № 4. С. 59.
5. Соловьев Н. В. Издания о России начала XIX века // Старые годы. 1908. Июль. С. 552.
6. Armitage G. C. Development of classification / G. C. Armitage // Ann. Periodontal 1999. № 1. P. 1–6.
7. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 287. Л. 143–143 об. (все элементы приводятся через точку).

Санкт-Петербург

АРХИТЕКТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 2

2017

Подписано в печать
Формат 84x108/16.
Бумага мелованная. Печать цифровая.
Тираж 200 экз. Заказ № 32378

Издание подготовлено и напечатано
в Издательско-полиграфическом
комплексе «НП-Принт»

**Проект торгового комплекса «ЖЕМЧУЖНАЯ ПЛАЗА»
«АММ-ПРОЕКТ». Архит. И.С. Наймарк, Л.А. Ермолин, Н.А. Тукова**

Вполне петербургский проект торгового комплекса на Петергофском шоссе (на пересечении с ул. Пограничника Гарькавого). Классическая симметричная композиция из двух одинаковых павильонов с «петергофским» осевым каналом между ними традиционно замыкается поперечным корпусом. Подобная планировочная схема провоцирует на привычную барочно-помпезную архитектуру. Но ожидания не сбываются: авторы пошли по другому пути и предложили изящное архитектурно-дизайнерское решение. Павильоны строгие и мягкодинамичны одновременно. Переброшенная через канал тонкая арка объединяет пологие береговые откосы, ненавязчиво подчеркивая пространственную глубину ансамбля переключкой с арочным контуром фасада поперечного корпуса. Сквозная остекленная «прорезка» этого здания продолжает ось канала. Масса побеждена, «работают» пространство, природа, легкие линии и плоскости. Общий жемчужный цвет стен (любимый цвет Карла Росси) объединяет их с типичным петербургским небом.